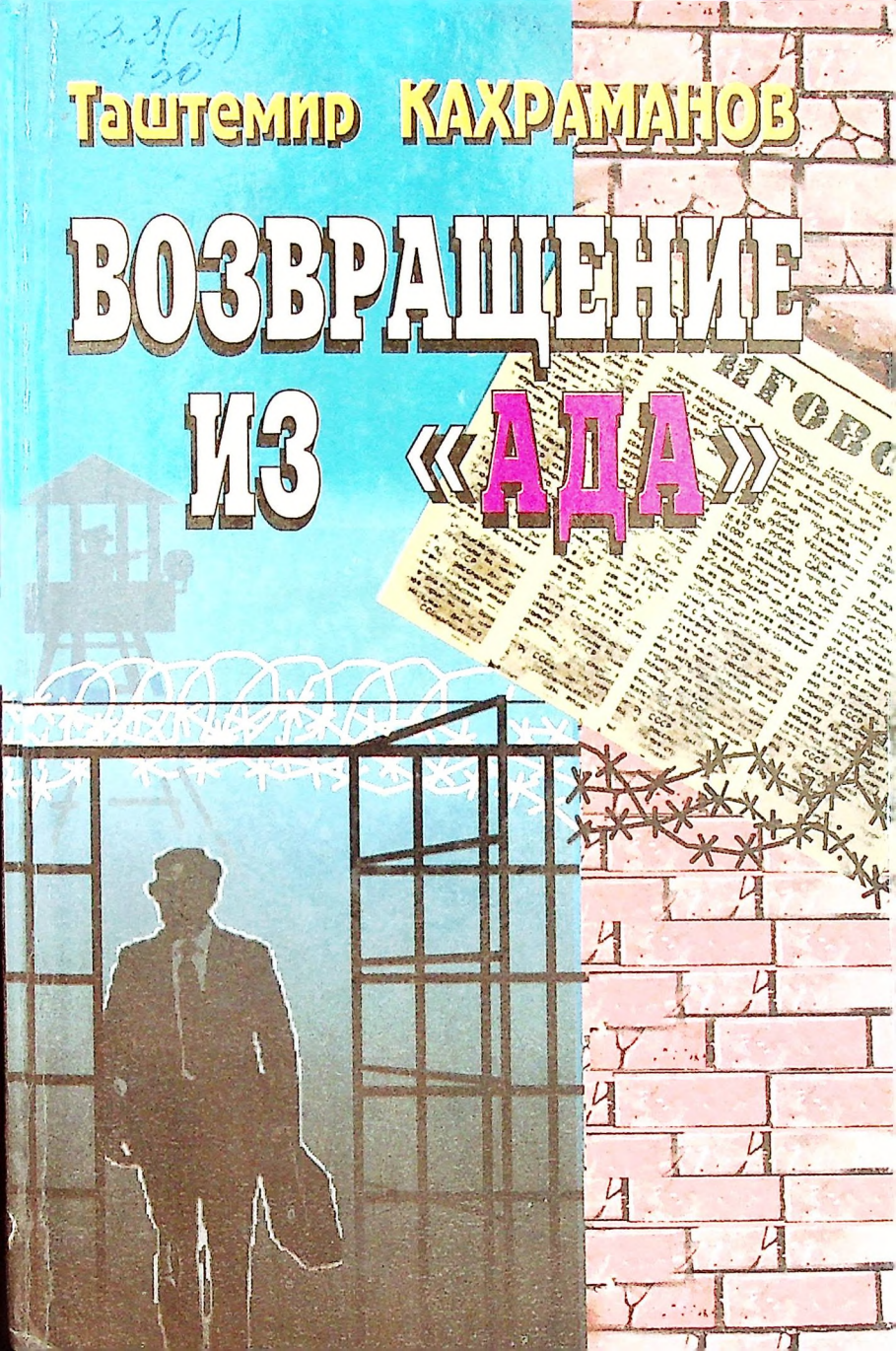

62.3(57)
К 50
Таштемир КАХРАМАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ИЗ

«АДА»

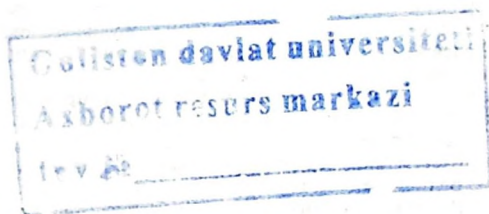

63.3(5y)

К30 ТАШТЕМИР КАХРАМАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

Документальный роман

225

84162/1
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ташкент
Издательство "Ёзувчи"
2000

Ответственные редакторы
Ходжиакбар ШАЙХОВ и Махмуд ТУЙЧИЕВ

Инспирированные в восьмидесятые годы “узбекское дело” и “хлопковое дело” нанесли непоправимый урон нашему народу. Жертвами клеветы стали многие тысячи людей, несправедливо осужденных на длительные сроки. Были приведены в исполнение и смертные приговоры. Одним из пострадавших от произвола стал и бывший заместитель министра внутренних дел республики Таштемир Кахраманов.

Автор этой книги был не только оправдан первым среди узбеков военной коллегией Верховного суда, но и возбудил уголовное дело против следователей Гдляна и Иванова за оскорбление чести и достоинства, за преступления против узбекского народа.

В книге собран обширный материал о репрессивном механизме “красной империи”. Автор счел своим нравственным долгом вспомнить многое из бесчеловечной практики “рухнувшего режима”.

Вместе с тем через всё повествование красной нитью проходит тема любви к родной земле, тема нравственного долга перед Родиной и народом. В ней звучит призыв не забывать прошлое, ценить настоящее, трудиться и созидать во имя будущего.

Книга имеет большое значение в деле духовного и патриотического воспитания и особенно — подрастающего поколения.

4702620201 – 50
К М362(04) – 2000 твёрдый заказ — 2000

ISBN 5-8255-0676-4

© Т. Кахраманов,
Издательство “Ёзувчи”, 2000 г.

*Посвящается памяти тех,
кто стал жертвой репрессий
"красной империи"...*

УРОКИ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Народы нашего края, потеряв во второй половине прошлого века свою исторически сложившуюся государственность, никогда не оставляли надежду на возвращение к свободе и независимости. Народный гнев выливался в восстания, которые жестоко подавлялись. На пути к свободе были неисчислимые жертвы.

Выступая на открытии мемориального комплекса "Шахидлар хотираси" Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов говорил, — "чтобы представить масштабы трагедии 1937—1953 годов, достаточно вспомнить, что по Узбекистану были репрессированы почти 100 тысяч человек, из них 13 тысяч были расстреляны."

Среди этих людей с попорченным человеческим достоинством, с загубленными судьбами были представители почти всех наций и народностей, проживающих в нашей стране.

А если учесть, сколько людей были отторгнуты от своих семей, сколько женщин остались вдовами, а детей — сиротами, станут еще более очевидными масштабы трагедии, которая постигла наш народ."

Прибывшие из Центра во второй половине 80-х годов "десантники" осуществляли террор под видом "узбекского" и "хлопкового дела". В результате более 5 тысяч человек были незаконно привлечены к уголовной ответственности.

Бывший заместитель министра внутренних дел Таштемир Кахраманов из-за клеветнических показаний сотрудников правоохранительных органов, написанных по указке Гдяна и Иванова, провел в тюрьме почти четыре года.

Так случилось, что Таштемир-ака благодаря своим качествам и, прежде всего, несгибаемой воле смог достойно противостоять провокациям следователей и стал, образно выражаясь, первой ласточкой в перемене общественных настроений и, соответственно, общественных, а затем и юридических оценок действий команды Гдяна-Иванова. Когда их следственная группа только начала "раскручивать" "узбекское дело", они оба были наделены практически безграничной властью. Поддерживаемые всей центральной прессой и правящими кругами бывшего Союза следователи развернули крупномасштабную кампанию террора против нашего народа.

В книге "Оборотни" известный правовед Виктор Илюхин пишет: "Далеко не все поняли, что там, в Узбекистане, была предпринята попытка возродить "бериевщину".

Произвол продолжался много лет. В. Илюхин пишет: "Следователи ждали, когда "грянет гром". И он "грянул". Верховный суд СССР справедливо оправдал в конце 1988 года Кахраманова... возвратил на доследование дело в отношении Яшнарова. Только после этого начали по-настоящему разбираться в гдяновском расследовании, в его необъективности и односторонности, в упрощенческом подходе к собиранию доказательств" (В. Илюхин. "Оборотни". Т.: Узбекистан, 1993). Действительно, полное оправдание Кахраманова послужило тому, что впервые перед мировой общественностью были вскрыты преступления, которые совершили в Узбекистане Гдян и Иванов. А это значило, что "непобедимые борцы с мафией" были опозорены, и перед всеми выставлены напоказ их черные дела.

Оправдание Кахраманова имело еще и психологический аспект. Наши соотечественники, несправедливо осужденные и отбывающие свои сроки в тюрьмах и зонах, увидели в этом надежду на пересмотр своих дел.

Привожу отрывок одного письма, полученного из мест заключения.

"Увидев 31 декабря 1989 года по телевизору, прочитав во всех газетах как Вас оправдали на суде, мы порадовались от всей души. Ваше оправдание стало как бы оп-

равданием всего Узбекистана. Палачи Гдяня и Иванов подняли шум на весь мир, что все узбеки — взяточники и мошенники. Теперь эта клевета рассеялась в пух и прах. У нас в тот день был в зоне настоящий праздник. Мы наконец смогли распрямить плечи и смотреть всем прямо в глаза.

“Тоштемир-ака, будьте осторожны, потому что стервятники вроде Гдяня, способны на все”. /”Тошкент ҳақиқати”, 30 января 1993 года/.

Прочитав десятки статей в зарубежной и узбекской прессе, отзывы во многих книгах, журналах об авторе данной книги Кахраманове, ознакомившись с документами, которые теперь уже стали историческими, я лишний раз убедился, что Тоштемир-ака является настоящим борцом. Полностью оправданный на суде, он ведь мог почивать на лаврах. Но он поставил своей целью бороться до конца против палачей узбекского народа Гдяня и Иванова, чтобы справедливость окончательно восторжествовала и люди узнали всю правду об “узбекском деле” и “хлопковом деле”.

Поэтому я предложил издательству и редактору, чтобы в конце данной книги был приведен библиографический перечень публикаций в мировой и республиканской прессе об авторе, благодаря которым читатели смогут составить более полное мнение о Т. Кахраманове как о мужественном человеке и достойном гражданине, как о неутомимом борце с несправедливостью и беззаконием.

В тот момент, когда следователи были в зените “славы”, Таштемир Кахраманов не только первым среди узбеков был оправдан, но и возбудил уголовное дело против Гдяня и Иванова за оскорбление чести и достоинства, за преступления против наших соотечественников.

Друзья и близкие советовали Таштемиру Худайбердыевичу написать книгу о пережитом за четыре года, пролить свет на многие тайны, в которые он был посвящен в силу обстоятельств. Кахраманов не ограничился воспоминаниями о своем пребывании в следственном изоляторе КГБ Лефортово, он собрал большой материал о жертвах “узбекского” и “хлопкового дела” и написал книгу обо всем увиденном и пережитом.

Я прочел книгу за один присест. Когда закончил чтение, была глубокая ночь. Но я уже не мог уснуть. Сила ее воздействия — в событиях, взятых из жизни, выстраданных самим автором и нашим народом.

Документальность является сильнейшим эмоциональным фактором. Зная, что в этом повествовании страдают, борются, отстаивают правду и умирают реальные люди, уже не можешь найти покоя, лишаешься сна. Автор в своем произведении справился с трудной даже для писателя-профессионала задачей — через трагические судьбы своих героев он создал обобщенный образ узбекского народа в наиболее драматичный момент его истории. Один из известных поэтов современности Расул Гамзатов смело встал на защиту нашего народа в то время, когда вся мощь центральной прессы была направлена на формирование “образа врага” — узбеков, которые все поголовно представлялись мошенниками, ворами, взяточниками. В одном из интервью, опубликованном в центральной прессе, Гамзатов сказал: “Думаю, это ошибка, когда коррупцию, преступления должностных лиц считают чисто национальным явлением. Народ не может быть преступником, но жертвой преступления быть может”.

Во время разгула репрессий 80-х годов в защиту нашего народа выступил всемирно известный писатель и общественный деятель Чингиз Айтматов. На одном из форумов деятелей культуры бывшего Союза он также во всеуслышание заявил, что Узбекистан имел такое же влияние на Среднюю Азию, как в свое время Византия на европейские государства. Айтматов резко осудил преступную деятельность Центра и таких его приспешников, как Гдлян и Иванов, против узбекского народа.

Роман Т. Кахраманова имеет особую ценность. Его невозможно читать без слез. Но это не те слезы, которые мы проливаем, когда видим на сцене драму или трагедию, разыгранную для нас актерами. В этом повествовании действуют самые настоящие злодеи, которые хладнокровно истязают свою жертву, отнимая свободу, родных и близких, здоровье, а порой и саму жизнь. Это повествование полное горечи, слез и негодования о рас-

топтанных судьбах наших соотечественников. Некоторые из них, пережив страдания и муки, выстояли, а многих ведь уже нет в живых...

Выдающаяся поэтесса Анна Ахматова во время войны находилась в эвакуации в Ташкенте. На узбекской земле она написала знаменитый цикл "Ташкентская тетрадь". На протяжении долгих лет она писала произведение, принесшее ей мировую славу — "Реквием", которым она оплакивала всех тех, кто стал жертвами репрессий, и в первую очередь мужа и сына.

*Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река.
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.*

Есть там и такие строки, близкие по тональности переживаемым нами чувствам:

*Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде...*

Мне кажется, что книгу Таштемира Кахраманова нужно воспринимать не просто как литературный факт, а скорее как нравственный поступок автора. И этот поступок, в свою очередь, требует большой ответственности от каждого.

Автор оставляет нас наедине со страданиями и невзгодами, выпавшими на долю сынов и дочерей узбекского народа. Кажется, что слышишь, как зывают их измученные души, моля о справедливости и милосердии.

И еще в книге лейтмотивом звучит мольба о том, чтобы Всевышний уберег нас всех от лицемерия, предательства, лжесвидетельства — всех тех пороков, которые испокон века губили род человеческий.

Считаю необходимым привести высказывания известных писателей, представителей общественности о достоинствах и особенностях этого произведения, когда на Совете прозы Союза писателей Узбекистана проходило обсуждение рукописи книги.

Знакомство с рукописью вылилось в заинтересованный разговор о прошлом и будущем Узбекистана, о репрессиях, об опасности террора, обо всем том, что волнует наш народ. Итак, слово моим коллегам.

ПИРИМКУЛ КОДИРОВ, Народный писатель Узбекистана:

Это общественно значимое, весомое произведение, насыщенное событиями, связанными с террором 80-х годов. В этом смысле можно сказать, что книга станет заметным явлением в современной публицистической литературе.

Считаю, что рукопись необходимо в ближайшее время издать в виде книги. Думаю, что она может послужить основанием для возобновления слушаний по делу следователей Гдляна и Иванова.

САИД АХМАД, Герой Узбекистана, Народный писатель Узбекистана:

Таштемир Кахраманов стал первым человеком, осмелившимся правдиво и мужественно написать об “узбекском” и “хлопковом” делах. Мы должны призвать и других наших писателей к проявлению такой смелости. Народ должен знать, какие муки и страдания испытывали соотечественники в 80-е годы, как они становились жертвами беззакония и произвола. Верю, что у книги долгая жизнь...

ОДЫЛ ЯКУБОВ, Народный писатель Узбекистана:

Слушая выступления наших известных писателей о книге Т. Кахраманова, я не мог скрыть слез. И это слезы радости за успех автора, за документальное произведение, которое может служить уроком мужества. Думаю еще долгие годы она будет оставаться духовным достоянием нашего народа.

УТКИР ХОШИМОВ, Народный писатель Узбекистана:

Помнить о прошлом нужно во имя будущего. Нельзя ничем оправдать репрессии 30-х, 50-х, 80-х годов, безвинно пролитую кровь, слезы, растоптанные судьбы. Но речь не только об этом. Главное, что произведение, которое повествует о страшных беззакониях, призывает ценить наше настоящее, стараться постигнуть глубинную суть независимости Родины. Благодаря мужественному решению руководителя республики Ислама Каримова, который встал на защиту своего народа, были прекращены позорные “хлопковое” и “узбекское” дела... Вот в чем главное значение этого произведения!

Книга будет интересна читателю еще и тем, что это документ мужества и стойкости автора, который сумел выдержать все испытания, которым его подвергали палачи-гдлянцы. Поэтому возрастает доверие к этой книге. Кроме того, автор стремился раскрыть причины возникновения на шумевших “дел” и почему Центр выбрал местом проведения репрессий именно Узбекистан. С горьким сожалением автор признает, что нашему трудолюбивому, великодушному, открытому народу в тот момент не хватало сплоченности. Кахраманов приводит веские доказательства того, что Гдлян и его сообщники были сами преступниками, палачами, которые терроризировали и грабили наш народ.

В числе других известнейших литераторов и общественных деятелей Узбекистана, давших высокую оценку рукописи книги “Возвращение из ада”, Джуманияз Джаббаров, Джонрид Абдуллахонов, Нормурад Нарзуллаев, Ходжиакбар Шайхов, Собир Ахунжанов и многие другие.

На счастье нашего многострадального народа у кормила власти встал руководитель, благодаря которому Узбекистан обрел свою государственность, веру в будущее. В годы советского режима Ислам Каримов защищал свой обиженный народ от репрессивной политики Центра, идеологических догм, клеветы и унижения. Он вступил в решительную борьбу за реабилитацию жертв произвола. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в XX веке не найти второго такого человека, как Ислам Каримов, имеющего столь великие заслуги перед узбекским народом.

Поистине важнейшим событием в нашей культурной и духовной жизни стал Указ Президента Республики Узбекистан от 12 мая 1999 года. В нем говорится:

“В целях увековечения памяти тысяч самоотверженных людей, представителей интеллигенции, отдавших свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, призывавших нацию к свободе, ставших жертвой репрессий в период советского режима, дальнейшего глубокого изучения их жизни и деятельности, богатого научного и творческого наследия, пробуждения в сознании народа и особенно у подрастающего поколения чувства глубокого уважения к идеям независимости, правам человека, воспитания его в духе патриотизма, верности Родине, демократическим принципам:

1. Создать и утвердить состав общественной комиссии для выявления имен соотечественников, которые... были несправедливо осуждены за их стремление к национальной независимости и прогрессу, преследовались и притеснялись, изучения их биографии и деятельности, разработки предложений и рекомендаций об увековечении их памяти”.

Трагедии прошлого являются уроком для нас. В этом смысле книга Таштемира Кахраманова также имеет важное воспитательное значение.

АБДУЛЛА АРИПОВ

Герой Узбекистана,

Народный писатель Узбекистана.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Одинаково опасно:
безумному вручить меч,
бесчестному — власть.

Пифагор

“История репрессий” пока не существует как книга, фундаментальный труд или обвинительный документ против “красной империи”, ее репрессивного аппарата и конкретных палачей. Узники ГУЛАГа пишут документальную прозу, понимая, что документ — это уже факт истории. Эту проблему исследуют философы, экономисты, социологи, историки.

Вначале были уничтожены “классовые враги” — капиталисты, нэпманы, независимые крестьяне.

Крупнейшей репрессивной кампанией, за которой стояли Сталин, Ежов, Берия и все их окружение стал разгром “правотроцкистского блока”, куда входили 21 человек — умнейшие люди своего времени, что называется, “цвет нации”. Их судьба была решена, по сути дела, еще до суда.

Процесс начался 2 марта 1938 года, а завершился оглашением приговора 13 марта. Военная коллегия Верховного суда Союза ССР по требованию А. Вышинского приговорила к высшей мере наказания 18 человек. Среди них были достойные сыны узбекского народа Файзулла Ходжаев и Акмаль Икрамов.

В джадидизме и пантюркизме были обвинены классики современной узбекской литературы и науки Абдулла Кадыри, Абдурауф Фитрат, Абдулхамид Чулпон, Махмудходжа, Бехбудий, Мунаввар кори, Усман Носир, Убайдулла Ходжаев, Саид Ахрорий, Боту, Исоххон Ибрат, Элбек и многие другие.

Султан Сегизбаев окончил в Москве Институт красной профессуры и преподавал в этом же институте и

других московских и ташкентских вузах историю и экономику. В сентябре 1937 г. его назначили председателем Совнаркома. 15 июня 1938 г. в Ташкенте проходила областная партийная конференция. С. Сегизбаев сидел в президиуме рядом с наркомом внутренних дел Апрезиным и другими членами Бюро ЦК. В это время кто-то подошел к нему и сказал, что в вестибюле его ждет человек. С. Сегизбаев вышел и буквально за порогом был арестован, 21 июня его увезли в Москву, а 25 февраля 1939 г. он был осужден Военным трибуналом. Судебный процесс длился два часа, Сегизбаева приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли.

Подобных фактов в истории много. В конце 40-х годов в Узбекистане были арестованы около двадцати крупных ученых, талантливых писателей и поэтов по обвинению в национализме и сепаратизме и приговорены к длительным срокам заключения — до 25 лет... сосланы в лагеря. Среди них были известный ученый Хамид Сулейман, поэты и писатели Максуд Шейхзаде, Саид Ахмад, Шукрулло, Шухрат и другие. В сталинских лагерях из-за бесчеловечных условий среди заключенных часто вспыхивали бунты, в которых активное участие принимали многие узбекистанцы. Вот один из примеров.

Народный писатель Узбекистана Шухрат был репрессирован в 1950 г. По ст. 58 за “идеализацию прошлого” (участие в разработке программы изучения классического наследия в литературе и истории). в 1953 г. В колонии, где он отбывал наказание, произошел бунт. Хитроумно спланированная провокация начальства колонии должна была привести к уничтожению политзаключенных руками уголовников. Рядом соседствовали три колонии: уголовная, политическая и третья — где содержались женщины — члены семей репрессированных. Политзаключенные не могли не вступить за честь женщин, которых стали атаковать уголовники. Так начался бунт. Шухрат стал одним из его активных участников. Заключенные несколько дней держали колонию под своим контролем благодаря сплоченности и организованности. На ее территорию власти ввели танки и бронетранспортеры.

ры, были задействованы и пожарные машины. Из брандспойтов заключенных окачивали ледяной водой, которая в 30-градусный мороз пробирала до костей. В результате многие из узников из-за переохлаждения схватили туберкулез, бронхит, астму. (Вскоре ослабевшие от болезни поумирали кто в лазарете, кто прямо в бараках), бунт был жестоко подавлен. Его организаторов и участников перевели в другую колонию, но само событие послужило наглядным уроком для других, что помогло им выжить в это суровое время. Так даже, казалось бы, в безвыходной ситуации, в условиях неволи и невероятных унижений люди пытались заявить о своем человеческом достоинстве.

К середине 30-х годов репрессивная машина заработала на полных оборотах. Расширение производства требовало притока новых ресурсов, в том числе и живого труда... Репрессивные органы стали своего рода "работоторговцами" — распорядителями потоков заключенных

Думая о репрессиях 30-х, 50-х годов, когда были уничтожены тысячи лучших представителей узбекского и других народов, которые нашли свою смерть в сибирской тайге, в рудниках и шахтах Колымы¹ и Карелии, и массовых расправах и шельмовании людей в 80-ых годах в Узбекистане, я невольно вспомнил знаменитую статью Эрнеста Хэмингуэя "Кто убил ветеранов во Флориде":

"Кому они помешали и для кого их присутствие могло быть политической угрозой?

Кто послал их на Флоридские острова и бросил там в период ураганов? Кто виновен в их гибели?

Ты мертв, брат мой! Но кто бросил тебя в ураганный период на островах, где тысячи людей до тебя погибли от урагана, строя дорогу, смытую теперь водой?

¹ "О том, что на Колыме есть золото, известно триста лет. Но ни один царь не решался добывать это золото принудительным трудом, арестантским трудом, рабским трудом. Решился на это только Сталин... После первого года — Беломорканала, после Вишеры — ему казалось, что с человеком все сделать можно, границы его унижения безмерны, его физическая крепость безмерна"/Шаламов В. Хан-Гирей. Ж. "Советский воин", 1989, № 1.

Кто бросил тебя там, и как теперь карается человекоубийство?"

После войны в 1956 году было подавлено венгерское восстание, а в 1968 году были введены войска Варшавского договора в "непокорную" Чехословакию.

В 1979 году советские войска вошли в Афганистан.

Наряду с террором, развязанным за пределами страны, внутри продолжались кампании против диссидентов.

В 1983 г. начались единичные аресты местных кадров, занимающих ключевые посты в различных государственных, хозяйственных, производственных структурах. Это была только "проба пера", чуть позже Центр развернул уже полномасштабную репрессивную кампанию. И даже была предпринята попытка придать этой античеловеческой аванюре вид законности, подвести "правовую" базу.

23 июня 1984 г. состоялся "исторический" (подготовленный Е. Лигачевым и его приспешниками) XVI пленум ЦК КП Узбекистана. В докладе 1-го секретаря ЦК Усманходжаева прозвучало: во всех областях республики имеют место преступные методы работы руководства и правоохранительных органов, которые необходимо беспощадно искоренить.

Начавшиеся по инициативе центральных властей нарушения законности и произвол подрубили под корень общественно-политическую и духовную жизнь Узбекистана. Сфабрикованные сценаристами из Центра "хлопковое" и "узбекское" дела обернулись муками и лишениями для тысяч узбекских семей.

За период с 1983 по 1989 годы в республике по "хлопковому делу" были арестованы и осуждены десятки тысяч человек. Большинство из них были невиновны и привлечены к уголовной ответственности незаконно. Десятки тысяч людей — члены их семей и родственники — подвергались допросам, физическим и моральным унижениям и оскорблениям.

На XVI пленуме было положено начало позорной инсинуации: "Узбекскому народу доверия нет". Все пред-

принятые впоследствии “меры” исходили из того самого тезиса “недоверия” целому народу. Усманходжаев капитулировал перед Центром, признав, что без привлечения кадров со стороны невозможно будет направить жизнь республики в нормальное русло. А следом полетели в Москву просьбы — откомандировать в наш край кадры из центральных регионов. Вновь и вновь обращались к генеральному прокурору, в МВД СССР, чтобы в республику направили следователей и прокуроров для борьбы с преступностью.

“Большая группа бывших партийных, советских, хозяйственных деятелей и руководителей правоохранительных органов, совершивших различные преступления, была привлечена к партийной и уголовной ответственности, — отчитывался на XXVII съезде КПСС тогдашний руководитель Узбекистана. — Так же как в первоначальный период наведения порядка в республике, мы вновь почувствовал всю мощь ЦК КПСС...”

Мы просим увеличить число специалистов народного хозяйства, командировать в Узбекистан кадры из центральных регионов”.

Для чего нужны были эти обращения и заявления с высоких трибун? Для “легализации” вмешательства и ссылок на “местную инициативу”. Центр обеспечивал себе алиби, ему нужно было заручиться свидетельствами руководителей Узбекистана, что в республике все так ужасно и нужно срочно наводить порядок. Сама инициировавшая “просьбы” руководства республики и “требования трудящихся масс”, империя оказывала “помощь”. С молниеносной быстротой был назначен 2-й секретарь ЦК КП Узбекистана Анищев, обязанности Главного прокурора Узбекистана были возложены на Бутурлина, заместителя прокурора — на Гайданова. Возглавить следственную часть прокуратуры было поручено Лаптеву. На должность первого заместителя министра внутренних дел был назначен Дидоренко. В областях республики также шло “насаждение” кадров из Центра. Каждую субботу Бутурлин проводил экспресс-совещания, анализировал ход судебных процессов. Отчеты “молнией” летели в Москву. Очень быстро число “пре-

ступников” перевалило за тысячу, две, три, четыре, пять...

Последствия ущерба, нанесенного узбекскому народу “десантниками” и группой, возглавляемой следователями по особо важным делам Прокуратуры СССР Т. Гдляном и Н. Ивановым, сравнимы с последствиями стихийного бедствия. Вуалируя свой произвол лихим термином “нетрадиционные методы ведения следствия”, Гдлян и Иванов дестабилизировали жизнь Узбекистана. В республике все меньше занимались хозяйственными вопросами и все больше шли на поводу у Центра, рапортуя, сколько еще руководителей снято с должностей, брошено за решетку. Материальный урон был значителен, но он поддается определению, что же касается морального, то он — безмерный и невосполним.

Преступления пресловутой группы были подробно описаны в книге известного правоведа В.Илюхина “Оборотни”. Противоправная деятельность “десантников” в Узбекистане вызвала резонанс как в бывшем СССР, так и за рубежом.

Но до сих пор все это не было описано очевидцем, который испытал на себе воздействие “нетрадиционных методов”. Осталось множество тайн и загадок.

В числе тех тысяч оклеветанных и брошенных за решетку оказался автор этих строк, незаконно арестованный и проведенный почти четыре года в тюрьме, а затем оправданный военной коллегией Верховного суда СССР. На первой же пресс-конференции с участием журналистов со всего мира мною было сделано заявление о преступлениях Гдляна и Иванова.

Друзья убеждали, что опыт пребывания в “аду” и возвращения из застенков, который обретет форму книги, может послужить уроком для последующих поколений. И я счел своим долгом посвятить моих соотечественников в истоки возникновения “узбекского” и “хлопкового” дела, поведать, кто был инициатором этих кампаний, опираясь на опубликованные в прессе материалы бывшего Верховного суда СССР, его стенограммы, документы специальной комиссии, занимавшейся проверкой материалов, связанных с деятельностью следствен-

ной группы Прокуратуры СССР, возглавляемой Т.Х.Гдяном.

Став очевидцем и объектом немыслимых методов допроса, которые применялись Гдяном и Ивановым в ходе следствия по отношению к узникам печально знаменитого следственного изолятора Лефортово, автор убедился в “родстве” палачей во все времена.

Наступил июль 1989 года, и новое руководство республики приняло обращение ко всем народам, проживающим в Узбекистане: “Да не прервутся узы любви и милосердия!”

“Можно с гордостью сказать, что узбекский народ предстает перед народами всего мира и перед своей Родиной с открытым лицом и чистой совестью”, — говорилось в нем. Эти слова вселили в сердца миллионов соотечественников веру и надежду. Вместе с тем эти слова были проявлением смелости и решительности.

Сказать веское слово в защиту своего обиженного оскорбленного, ошельмованного народа означало “вызвать огонь на себя”. И у нас появился лидер, обладающий мужеством, способный взять на себя ответственность за судьбы миллионов людей, мыслить широко, по государственному.

Хотелось бы в этой связи привести слова героя Узбекистана, народного писателя Узбекистана Саида Ахмада:

“Я пожилой человек, разменявший восьмой десяток, рядовой гражданин, стоящий в преддверии XXI века. За свою долгую жизнь мне довелось повидать многих руководителей республики. Большинство из них жили с оглядкой, “не спросить ли мне у Центра, что покушать в обед, можно ли мне участвовать в похоронах своего отца.” И в момент, когда читали заупокойную молитву их матери, они не заходя на кладбище, украдкой курили в столоне. Это были бессловесные, связанные по рукам и ногам, горе-руководители.

Я говорю о событиях, которые произошли у нас на глазах, совсем недавно. Но судьба смиростивилась над Узбекистаном. Чтобы вернуть веру нашему придавленному тоталитарным режимом народу, защитить его, возро-

дить бытую славу, к счастью, Бог дал нам руководителя, который как щит оградил Узбекистан от нечисти и от беды.

Политическая и общественная деятельность Ислама Абдуганиевича Каримова началась с того, что он стал отстаивать честь и достоинство узбекского народа, решительно и настойчиво бороться с последствиями беспредела. Руководитель республики добился возвращения на родину тысяч наших соотечественников, которые в результате трагедии 80-х годов были осуждены на долгие годы заключения и отбывали свой срок на магаданских рудниках, в сибирской тайге. Они были помилованы и оправданы, произошло воссоединение тысяч семей, их жизнь озарилась светом любви и милосердия.

ПРОИЗВОЛ В ДЕЙСТВИИ

В жизни три настоящих несчастья: угрызения совести, наказание без вины и болезнь. И единственное благо есть отсутствие этих зол.

Почему для подкрепления амбиций идейно-политических вождей бывшей империи Узбекистан был выбран как самый подходящий полигон?

В этой связи хотелось бы более подробно рассказать о "деле Хинта". В 1982 г. Т. Гдлян вел дело знаменитого эстонского ученого Йоханнеса Хинта. Ученый был приговорен к 15 годам лишения свободы. В своем последнем слове на суде И. Хинт сказал:

...Действия следователей я бы оценил высоко и справедливо, если бы считал, что 94 тома следственных материалов, не считая официальных документов, содержат хотя пять процентов правды... А если исключить ничего не поясняющие и не дополняющие повторы, то все содержание дела могло бы быть представлено в одном томе.

Стыжусь, что позволил оказать на себя давление тем лицам, которые и скомпоновали эти обвинения, и верил тому, что они мне говорили: мол, при полном признании мною своей вины меня освободят из-под стражи и я смогу побывать на могиле жены, а также, находясь на свободе, помочь до суда выяснить истину. Думаю, что эта моя слабость была обусловлена глубокой болью из-за смерти жены, а также плохим состоянием здоровья и особой подавленностью в этот период.

Т. Х. Гдлян дал мне бумагу и продиктовал содержание письма, которое обещал отправить моей младшей дочери Пилле. Если я правильно помню, в этом письме было сказано, что если она внесет предъявленную сумму денег, то это изменит положение ее отца. Бедная дочь, она стала заниматься, где только возможно, и собрала пять тысяч рублей, которые и выплатила на счет прокуратуры.

На мою слабость повлияло, вероятно, и то, что меня абсолютно не ознакомили с документальным материалом дела, который юридически полностью оправдывает мои действия. В обвинении были зафиксированы такие надуманные правонарушения, которые буквально меня ошарашили...

...Во время следствия создавалась атмосфера, которая вынуждала людей подписывать документы, не соответствующие показаниям и воле допрашиваемого, но всегда заканчивающиеся словами: протокол с моих слов составлен правильно. И подпись. Кто имел смелость говорить правду, того объявляли "подкупленным". Напрочь забыли о том, что всегда были люди, для которых защита истины — само их существование.

...Может быть, выстроив гигантскую компоновку обвинения, следователи надеялись крупно поразить юридический мир своим профессиональным мастерством и добиться официального признания? При этом, конечно, пренебрегая как интересами народного хозяйства, так и физическим и психологическим здоровьем старого больного человека, заключив его на длительный срок в тюрьму".

Как и предвидел ученый, он жил недолго и умер в 1985 г., отбывая наказание. Его смерть, безусловно, навести Т. Гдляна, который решил продолжать репрессии в этой прибалтийской республике. Но эстонский народ не смирился с подобным произволом. По всей республике прокатилась волна демонстраций протеста. Эстонцы, жившие за рубежом, обращались во многие международные организации, заявляли на весь мир о нарушениях прав человека в советском государстве.

А тогда, в 1982 году, руководство Центра, обеспокоившись неожиданным поворотом событий, в спешном порядке отозвало Т. Гдляна из Эстонии.

И.А.Хинт был посмертно реабилитирован пленумом Верховного суда СССР. Мне часто приходилось встречаться с друзьями и соратниками ученого, поэтому отоношу к его памяти с глубоким уважением.

10 ноября 1982 года умер Леонид Ильич Брежнев. "Трон" генерального секретаря занял Юрий Владимирович Андропов — бывший председатель КГБ СССР. Он выступал на политической арене как сторонник авторитарных методов руководства.

В годы войны, когда народ воевал против немецко-фашистских захватчиков, государство “воевало” со своими большими и малыми народами — латышами и литовцами, этническими немцами, крымскими татарами, балкарцами, калмыками и другими. Народы объявлялись “предателями” и подлежали высылке со своей территории. Без суда и следствия людей загоняли в телячьи вагоны и под конвоем, как арестантов, везли кого на север, кого на юг, кого на восток. С этого момента они лишались элементарных человеческих прав — права перемещения, получения высшего образования, права занимать руководящие должности, исполнять воинский долг, обучаться на родном языке. Было еще множество других “нельзя”, направленных на вырождение нации и народа. Государство не торопилось реабилитировать репрессированные народы, втайне надеясь, что они ассимилируются и растворятся в пресловутой “новой общности народов”, которую называли “великий советский народ”. Понадобились десятилетия борьбы международных организаций, лидеров этих народов, правозащитников, многие из которых заплатились жизнью, чтобы Верховный Совет в августе 1964 г. наконец принял закон о репрессированных народах и тем самым восстановил поправную справедливость.

С 1941 по 1945 годы всех крымских татар выслали из Крыма и переселили в “места компактного проживания”, в основном в Узбекистан и частично в другие республики Средней Азии. Лишь указом от 5 сентября 1967 года крымским татарам было предоставлено право участия в политической жизни советского государства, для молодежи был открыт доступ в институты Москвы и Ленинграда, юношам разрешено служить в рядах Советской Армии. Но в указ был внесен такой дискриминационный пункт: крымские татары не имели права возвращаться на свою этническую родину. Это было грубым нарушением человеческих прав: сделав кое-какие послабления, советская империя отнимала у крымских татар родину. Столь откровенная шовинистическая политика вызвала волну протестов.

В мае 1968 года, кроме массовых акций протеста в Узбекистане, более 1000 крымских татар провели также демонстрацию на Красной площади в Москве. Почти все ее участники были арестованы и поездом доставлены в Узбекистан. Суд над организаторами демонстрации проходил в Ташкенте. Тысячи крымских татар стояли возле здания суда. Присутствовать на процессе разрешили только ближайшим родственникам. Следуя указаниям Центра, суд в нарушение всех норм международного права осудил их на многие годы тюремного заключения. Процесс был направлен на то, чтобы запугать народ, но акции протеста продолжались, они прошли в городах Янгйюле, Самарканде, Чирчике, Аккургане.

Лишь в конце 80-х и начале 90-х годов по требованию депутатов Верховного Совета СССР государство разрешило поэтапное переселение крымских татар на родину. Депутаты Верховного Совета СССР, избранные от Узбекистана, вместе с другими демократами ходатайствовали об удовлетворении их законного требования.

После избрания его генеральным секретарем Андропов решил установить в стране жесткую дисциплину и порядок. В целях сохранения тоталитарного государства, переживавшего политический и экономический застой, новый Генеральный секретарь с помощью организации, из недр которой он вышел, стал искать полигон для очередной расправы. Почву для этого в нашей республике подготовил его подопечный Л. Н. Мелкопян, который постоянно "информировал" Андропова о хлопковых приписках, взятках, кумовстве и местничестве, проявлениях культа личности в Узбекистане. Все это подавалось, естественно, в утрированном виде.

Вот отсюда и берут начало "хлопковое" и "узбекское" дела.

В ПАУТИНЕ ЛЖИ

Если я лгу, я оскорбляю себя в большей мере, чем того, о ком я солгал.

М. Монтень

Лицемерные пропагандисты "красной" идеологии, основанной на насилии, подавлении всех человеческих прав

и свобод, выдавая за правду досужие домыслы, стали трубить на весь мир, что в Узбекистане “все в руках мафии”. Они принялись за целенаправленную “обработку” сознания населения бывшего СССР, утверждая, что в Узбекистане, как ни в каком другом регионе, много — воров, мошенников и коррупционеров. Для достижения своих корыстных целей и чтобы отвлечь внимание населения от социально-экономического застоя, который переживала страна, руководители империи встали на путь организации громких “процессов”. В недавней советской истории это всегда было козырной картой. И тут как нельзя кстати пришлось местные “деятели” — лицемерные, продажные, готовые ради личной выгоды поступиться интересами своего края. Они состояли “секретарями”, мальчишками на побегушках у московских “хозяев” и беспрекословно исполняли любой их приказ. Потеряв в погоне за партийными чинами совесть, они не хотели думать о чести и национальном достоинстве узбекского народа.

В те годы изо дня в день в центральных газетах и журналах печатались статьи, порочащие Узбекистан. О том, что в ЦК КПСС были лично заинтересованные в раздувании пожара, можно судить по тому, как в своих выступлениях по “узбекскому”, “хлопковому” делам самые высокие партийные бонзы подливали масло в огонь. По Центральному телевидению была организована серия передач, порочащих тогдашних руководителей республики — Худайбердыева, Айтмуратова, Раджабова, Турапова, Салимова, Рахимова и других.

В Бухаре, Кашкадарье, Сурхандарье, Хорезме, Джизаке, Ташкентской области, Каракалпакстане, во всех колхозах и совхозах, на хлопкоочистительных предприятиях, на заготовительных пунктах республики работали одновременно ревизионные и следственные комиссии. К работе этих комиссий были привлечены и те сотни специалистов, которые в соответствии с указаниями Центра были откомандированы в ЦК Компартии Узбекистана. К выполнению таких заданий привлекались в основном высокопоставленные чиновники, работники местных партийных и административных органов, работавшие по

указке следователей. Проверки шли с нарушением закона, по сути это были допросы, тут же заводились уголовные дела.

Размах происходящих событий заставил многих задуматься, проанализировать и попытаться установить их причины. Тысячи несправедливо осужденных, чье достоинство попиралось противозаконными методами ведения допросов, требовали обжалования несправедливых судебных приговоров. Они обращались с заявлениями, ходатайствами, жалобами в партийные, правительственные и правоохранительные органы. Родные и близкие тех людей, которые годами находились под следствием, приезжали в Ташкент, отправлялись на поиски справедливости в Москву. Месяцами они безрезультатно простаивали у порогов высших партийных органов. Слабая надежда на справедливость угасала, потому что беззакония чинила сама власть, люди оказались беззащитны перед несправедливостью и произволом государственной машины.

В годы тоталитаризма при очередной волне “чисток” в республиках центральные власти начинали искать и очень скоро находили виновного. Всю вину взваливали на него и выносили приговор. Это одно из проявлений философии страха! Ведь никто не желал становиться “козлом отпущения”, каждый стремился избежать участи “жертвы на заклание”. В подобных ситуациях наблюдалась тенденция — не брать на себя ответственность, а по возможности перекладывать ее на кого-то другого.

Именно так был отстранен от должности заместителя министра внутренних дел автор этих строк. Стал работать директором Ташкентского полиграфического техникума. Если скажу, что жил и спокойно трудился, солгу себе и читателям. Потому что происходящее вокруг вызывало все большую тревогу.

20 марта 1985 года в 10 часов утра ко мне в директорский кабинет без стука ворвались четыре человека. Двое назвали Гдяном и Ивановым, двое других не представились. Хотя моя совесть была чиста, визит незваных гостей настораживал. Как бывший работник службы внутренних дел, я отдавал себе отчет в том, что Гдян и Иванов пожаловали неспроста.

Следователи попросили своих спутников удалиться. Гдлян сел напротив меня и сказал:

— Таштемир Худайбердыевич, несколько ваших бухарских и ташкентских коллег (А.Музаффаров, Р. Шамсиев, А.Дустов, А. Тураев, В.Мулин, Б. Гаффаров, М. Анваров, М.Салахиддинов) заявили о том, что давали вам взятки. Уже на этом основании мы можем вас арестовать. Но вы нам не нужны. Нам нужен Чурбанов. Если вы напишете, что давали ему взятку, мы вас не тронем и обеспечим восстановление на прежней работе. Вы, как правовед, знаете, что явившийся с повинной по факту дачи взятки к уголовной ответственности не привлекается.

Тут я понял, как трудно будет избежать тех сетей и капканов, которые расставляли своим жертвам эти люди. Поэтому, взвешивая каждое слово, ответил, что по долгу службы действительно поддерживал официальные отношения с Чурбановым, но об арестованных в Бухаре и Ташкенте не имею представления и никоим образом с ними не связан. Сразу почувствовал, что такая мотивировка визитеров не устраивала. Их лица выражали уже открытую неприязнь. Все происшедшее дальше было самым настоящим оскорблением моего достоинства. Гдлян и Иванов позвали своих товарищей, и те надели на меня наручники. В нарушение закона, не имея ордера прокурора, они арестовали меня. Самое унижительное в этой ситуации то, что они демонстративно, под конвоем, вывели меня из кабинета на глазах у преподавателей и учащихся техникума и отвезли в следственный отдел КГБ.

Вместе с Гдляном и Ивановым допрос вел также Каракозов — начальник следственной части прокуратуры СССР. Видя мою несговорчивость, стали оскорблять меня нецензурными словами.

Иванов на какое-то время отлучился и появился часа через два. Выложил на стол ордер на мой арест, подписанный прокурором — “десантником” Бутурлиным. Я не стал расписываться в ордере. Около 22 часов они вызвали конвоира и упрятали меня в подвал.

В камере я увидел старую кровать с провисшими пружинами и торчащими пучками проволоки. На ней не было

ни матраца, ни подушки. Свет был настолько тусклый, что камера фактически освещалась лишь светом фонарей, горевших на улице.

Санитарное состояние камеры оставляло желать лучшего. Ее специально не убирали. Воздух в камере был такой тяжелый, что уже через несколько минут я почувствовал удушье. Утром я обнаружил в углу старый запачканный матрац. Зловоние от него исходило, как от свалки нечистот.

Позже я понял, что это тоже было одним из методов психологического давления. С первого дня заключения арестанта пытались сломить морально. Люди со слабой волей, как правило, не выдерживали такого унижения и становились игрушкой в руках следствия.

От мерзкой клеветы и унижений у меня горело всё внутри, во рту пересохло. Постучал в железную дверь и попросил у охранника воду.

— Мы не даем воду взяточникам, — ответил симпатичный с виду прапорщик и зло захлопнул окошко. Его выходка окончательно доконала меня, но сжав зубы, я перенес эту обиду и боль.

После ареста я должен был, по их расчету, признаться в несовершенных преступлениях, “подпевать” им. Группа Гдляна связывала большие надежды с моими показаниями, которые должны были привести на самый верх государственной пирамиды. Но моя совесть не позволяла этого сделать. Почему это вдруг мне отвели роль клеветника? Трудно было осмыслить свое положение, мысли путались.

Бесконечные допросы на первых порах так сбивают человека с толку, что с трудом разбираешь, где правда, а где ложь. Иногда кажется, что сам дьявол сбивет с пути истинного, предлагая вступить в сговор с мучителями. Нужно сказать, что лишившись свободы, очень нелегко сохранить здравый смысл.

Вслед за моим арестом группа Гдляна стала чинить беззакония над моей семьей и родственниками. На следующий день после моего ареста без всяких на то оснований, с работы был уволен средний брат Баходир. Сестра Малика, работавшая за границей, в срочном порядке была отозвана в республику. Мою супругу и младшую сестру выз-

вали на допрос. Их так явно пытались запугать, что после "собеседования" обе попали в больницу, не выдержав психологического напряжения. Брату Бокиджону, служившему в военном комиссариате Ташкентского района столичной области, было предложено написать заявление об уходе. Племянник Бахром служил в УВД Джизакской области. Его обвинили в халатном отношении к своим обязанностям и отстранили от должности.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Никогда с такой силой не проявляются воспоминания, как когда в слабом душевном состоянии.

Л. Толстой

Каждый человек должен знать свои корни. Поскольку каждый его шаг оставляет на земле след, он должен стремиться реализовать себя, занять достойное место в обществе. К сожалению, жизнь не проходит так ровно и гладко, как нам бы того хотелось. Жизненные водовороты постоянно вовлекают нас во все новые и новые испытания. Время проверяет на прочность, желая знать, чего мы стоим. Чтобы укрепить духом, я, как это случается со многими попавшими в беду, обратил свой взгляд в прошлое, мысленно вернулся к истокам, которые для многих становятся живительным источником нравственных сил.

Родители, их друзья сыграли важную роль в моем становлении. Особый микроклимат нашей семьи располагал к тому, чтобы дети выросли честными, смелыми, могли бороться за правду и справедливость.

Наш отец, Кахрамон Худайбердыев родился в 1909 году. Он был грамотным человеком, и кроме своего родного языка свободно читал книги, набранные по-арабски и по-русски. С юных лет он писал стихи и рассказы, которые печатались в андижанских газетах. Удавались ему и юморески, поэтому он прослыл в народе как "аскиячи" — остролов.

В свое время он был участником крупнейшей стройки — Большого Ферганского канала.

Заметив, как самоотверженно работает худощавый, жилистый паренёк, им заинтересовались руководители республики. Начальник стройки Бузрук-ака отрекомендовал отца как одного из самых старательных и сознательных. Парня подозвали и обратили внимание на его ладони, покрытые кровавыми мозолями. Ему велели срочно отправиться на лечение. Каково же было удивление самого большого и авторитетного в ту пору руководителя, когда через пару дней он увидел, что парень все так же проворно управляется с тяжелой тачкой, поднимая ее из котлована наверх и, не отдохнув, опять бежит вниз. Его снова подозвали и нарочито строго спросили, почему он не слушается старших. А тот засмеялся и ответил: — “Когда построим канал, тогда я обязательно последую вашему совету!”

Всем было рассказано об этом эпизоде, о простом паренке, который не щадит себя, все силы отдает большому и важному делу. На этом же собрании двое руководителей республики самого высокого ранга дали отцу имя “Кахрамон” — “герой”. С той поры отец и стал носить это имя.

В числе лучших строителей Большого Ферганского канала Кахрамон Худайбердыев в составе представительной делегации побывал в Москве. В 1939 году он был награжден орденом.

Благодаря своей честности и трудолюбию отец долгие годы пользовался расположением и дружил с известными в республике людьми — передовиками производства и общественными деятелями.

Наш дед по материнской линии, Мирзаюнус-бобо, был известен по всей Ферганской долине как один из самых просвещенных людей своего времени. Вместе с Иномжон Хидиралиевым, который впоследствии стал известным государственным и общественным деятелем, они закончили в 1910 году трехгодичную туземную школу. Мирзаюнус-бобо освоил профессию врача, Хидиралиев — ирригатора.

Мирзаюнуса-бобо знали в Джелалабаде, Оше, Узгене, Андижане под именем “чечакчи-бобо” — излечивающий оспу. Со всех окрестных кишлаков и городов к нему привозили на лечение тяжелобольных людей. Ты-

сячи людей в те годы остались живы благодаря его прививкам от оспы. Поэтому он пользовался большим авторитетом и уважением. Дедушка умер в 1921 году. На его похороны из Ташкента приехал Хидиралиев, один из руководителей Туркестана. Можно сказать, что дедушку хоронил весь город. В Андижане ему даже установлен памятник.

Наша мама, Каромат-опа, была очень доброй и трудолюбивой. Помню, что она была постоянно в трудах и заботах о семье. Когда отец ушел на фронт, мама стала работать в детском саду. Она работала до 1950 года, потому что отец вернулся с войны инвалидом I группы.

Несмотря на материальные трудности, двери нашего дома всегда были открыты для друзей. Случалось, что у нас в гостях бывали и артисты, тогда наша труженица-мама брала в руки дутар и мастерски исполняла старинные народные песни. У нее был приятный грудной голос и особая манера разговора — тихая и ласковая. Ко всем своим детям и снохам она обращалась на “вы”.

ЛИЦА И ЛИЧИНЫ

Всякий дурной поступок носит в себе кнут для спины своего виновника.

В. Ключевский

“Узбекистан необходимо огородить колючей проволокой, на минаретах устроить вышки и поставить охрану. Потому что здесь живут воры и взяточники”, — эти слова принадлежат следователю Карташяну, работавшему в группе Гдляна. Эти кощунственные слова, сказанные на земле с древними исламскими традициями подняли в душе волну самых противоречивых чувств.

20—30-ые годы ознаменовались в бывшем СССР оголтелой борьбой с религией. Были разрушены мечети, построенные великими мастерами 300-400 лет назад. В мечетях устраивали стойла для скота, склады ядохимикатов. В России уничтожались церкви, сжигались иконы. Были созданы институты атеизма. Атеистическое воспи-

тание начиналось чуть ли не с первых дней появления детей на свет. В результате мощного идеологического прессинга на неокрепшее сознание детей и подростков, выросло несколько поколений воинствующих атеистов. Но попытка подменить идею Бога коммунистической идеологией не имела успеха, поскольку была изначально ложной.

В те же 20-е годы Узбекистан стал необычайно притягательным краем для художников. Среди них был Павел Петрович Беньков. Он приехал в наш край в 50-летнем возрасте, сложившимся мастером, с большим творческим и педагогическим опытом. Его главной музой стала наша земля и ее люди.

Александр Васильевич Николаев обрел в Узбекистане вторую родину. В средневековой философии Востока он обнаружил много точек соприкосновения со своим мировосприятием. Он принял ислам и узбекское имя Усто-Мумин, которым почти всегда подписывал свои работы. Его произведения, отличающиеся одухотворенностью и редкой законченностью формы, относятся к лучшим образцам национального искусства.

Значительную часть наследия Георгия Николаевича Никитина составляют пейзажи окрестностей Самарканда. Влюбленность в творения наших древних зодчих была вдохновительницей создания его картин. Он часто писал одни и те же места, создавая целые циклы, варьируя один и тот же мотив, например, Шах-и-Зинда.

Я назвал только трех мастеров кисти, но их было очень много. И в то же самое время, когда безбожники ходили громить мечети, художники бережно запечатлевали на холстах мечети и минареты, мавзолеи святых.

Только сатанинскому отродью могло прийти в голову кошунство "устроить из минаретов вышки с автоматчиками". На тех минаретах, с которых правоверных призывают к молитве, обращаются к Аллаху...

В любой цивилизованной стране Карташяна, Гдляна, Иванова судили бы за оскорбление достоинства нации и призыв к разжиганию религиозной розни. В бывшей же "красной империи" подобное высказывание воспринималась как остроумная шутка...

Никому не дано права огульно оскорблять весь народ, нанося урон его чести и достоинству. Однако в те времена “десантники” присвоили себе право клеймить и чернить всех и вся. Их направили сюда для того, чтобы бороться с преступностью в “широких масштабах”. Значит, они любой ценой должны были оправдать это доверие. Что значит “любой ценой” всем ясно. Это идти к цели по чужим головам. Они по головам и пошли.

Самыми распространенными методами в практике группы Гдляна были гонения на членов семьи и родственников, избиения, оскорбления, унижение национального достоинства. Гдляновцы в качестве заложников арестовывали родителей, детей, беременных женщин, подвергали их оскорблениям и избиениям. Представьте себе, что переживал заключенный, зная, что, может быть в соседней камере в невыносимых условиях находятся его престарелые родители или беременная жена.

К примеру, из семьи Мусахановых было посажено четверо, из семей Камоловых, Раджабовых, Джуманиязовых, Усманходжаевых, Нурумбетовых — по восемь человек, а из семьи Худойбергенова — пятнадцать родственников! По личному распоряжению Гдляна были допрошены и подвергнуты унижениям и оскорблениям престарелые родственники людей, находившихся под следствием: 75-летний Туркменов, 70-летний Джураев, 83-летний Джуманиязов, 91-летняя Иброхимова — бабушка 10 внуков и 23 правнуков. Совершенно невиновных Олимову — мать девяти детей, Саидову — мать двенадцати детей, беременных Каримову, Саидакбарову, Худайбергенову взяли под стражу. По делу первого секретаря Бухарского областного комитета партии, арестованного в августе 1984 года, допросам были подвергнуты 20 родственников. Большинство из них в нарушение закона содержались под стражей от одного года до четырех лет.

Чтобы оказать психологическое давление, следовательно, грубо нарушая закон, надевали на невиновных людей наручники и до полуночи, а иногда и до утра вели допросы (Абдуллаева, Нуримбетова, Туркменова, Исмадова, Ходжимурадова и сотен других). Чтобы скрыть от

общественности свою противоправную “практику”, они изымали из дела протоколы подобных незаконных допросов, скрывали их от суда, сотни таких протоколов, как выяснилось позже, были сожжены.

Чтобы читатель мог представить себе жестокость следователей-палачей, скажу, что десятки больных, измученных пытками знатных хлопкоробов доставляли в залы суда в качестве *свидетелей* в носилках и наручниках. Такой жестокости не проявлялось, наверное, ни в одном суде мира даже к самым отъявленным преступникам.

Хужам Исроилов, Ахмад Дусбеков, Ислитдин Хайдаров, Исрофил Муродов, Соликжон Отаханов, Абдугани Илашев, Жуман Турокулов, Сатиб Каландаров, Шукурullo Бобожонов, Ахмат Норкобилов, Содик Усмонов и сотни других наших соотечественников не выдержав пыток и психологического давления на допросах, а также измывательств над ними в камерах и зоне рецидивистов, ушли из жизни.

Не церемонились с Камоловой — кормящей матерью, ребенку которой не исполнилось и года: 2 июня 1988 г. в 23 часа она была взята под стражу, где ее продержали трое суток. Ей не позволяли вовремя покормить плачущего ребенка. Такими методами они пытались заполучить состряпанные ими самими “показания” у измученной женщины.

Дома у неё остались без присмотра еще двое несовершеннолетних детей, потому что все члены семьи — муж Камоловой, свекор, свекровь — тоже были подвергнуты семейному аресту.

Десятки невиновных людей вместо оговоренных по закону 3 дней содержались под стражей без санкции прокурора от 10 дней до месяца. К примеру, в Ургенче 15 декабря 1987 г. около 24 часов Карташян доставил в следственную часть Есимурадова и до 4 часов утра они с Гдяном допрашивали его, а потом заперли в комнате без еды и питья. Такие “допросы” с оскорблениями и побоями продолжались изо дня в день в течение пяти суток, после чего арестованного заперли в одном из общежитий Ургенча. Там же несколько дней с конца ноября по начало декабря 1987 года по указанию Гдяна без санк-

ции прокурора содержался свидетель Раджапов. Подвергая его оскорблениям, побоям, следователи принудили его так же, как и Есимурадова, подписать ложные клеветнические показания.

По указанию Гдяна был незаконно арестован один из крупных чинов Навоийской области Тура Хаитов. Цель ареста была ясна: в 1982 году в Навои побывал Чурбанов. Следователи решили добиться “показаний”, что Хайитов дал тогда взятки Чурбанову и руководителям МВД. Во время следствия жена Хаитова от постигшего их семью горя умерла. Хаитову об этом не сказали, продолжая подвергать жестокому психологическому давлению. Но справедливость восторжествовала: Верховный суд Узбекистана полностью оправдал его. Этот мужественный человек впоследствии стал одним из тех, кто не уставал разоблачать преступную деятельность Гдяна и Иванова.

Точно так же оклеветанный 27 месяцев провел за решеткой Отамурод Мухаммадиев. Он выдержал все трудности и лишения, и не поддавшись ни на какие провокации, в конце концов был оправдан.

Гдян и Иванов неоднократно нарушали даже депутатскую неприкосновенность. К примеру, по личному указанию Гдяна 30 ноября 1987 г. был незаконно арестован депутат Шабазского поселкового совета Раджапов.

Еще раньше, в 1984 г. Иванов арестовал депутата Ургенчского городского совета С.Эшчанова, а в декабре 1988 года — депутата Нукусского городского Совета Худайбергана.

Председателя Навоийского областного исполкома, народного депутата Узбекистана У.А. Асадова задержали прямо на колхозном поле, скрутили руки, надели наручники и, оскорбляя и избивая на глазах у растерянных колхозников, увезли на допрос. В 5-м номере журнала “Смена” за 1988 год был напечатан снимок, на котором Гдян выводит из вертолета Асадова. Такая публикация была прямым нарушением закона.

Совместно с административными органами группа Гдяна возбудила более восьмисот уголовных дел. По ним более пяти тысяч человек были осуждены на длительные

сроки лишения свободы. Среди них было восемьсот руководящих работников, многие из которых являлись народными депутатами, десять — героями труда. Большинство из них были ни в чем не повинными людьми. Скрывая истинных мультимиллионеров, закрывая глаза на регионы, в которых процветала коррупция в десятки раз больше, чем в Узбекистане, руководители “красной империи”, чтобы отвлечь внимание общественности от настоящих преступников направили в наш край своих оборотней.

Ведь центральная пресса лишь мимоходом обмолвилась о преступлениях первого секретаря партийной организации Краснодарского края Медунова, министра рыбного хозяйства Рыкова, о “цирковом деле”, “бриллиантовом деле”, “гешефтах” торговых работников Москвы, Ленинграда, о коррупции в Армении. По делу Харьковского облбюта, по которому проходило более 100 человек, хищения и взятки составляли более 8 миллионов рублей. Много высокопоставленных лиц было уличено в валютных махинациях, что в ту пору считалось тяжким преступлением.

В 1986—1988 гг. отдельные руководители административных органов стали конфликтовать с Гдяном, потому что результаты расследований, которые ими проводились, Гдян приписал себе, заявив об этом в печати.

А в это время тюрьмы Узбекистана были переполнены заключенными. Чтобы наглядно представить, каково в такой обстановке бывает людям, приведу небольшой отрывок из воспоминаний Низаметдина Ахметова, за плечами которого почти 20 лет срока. В своих мемуарах “Ровесник Гагарина”, опубликованных в 1990 г. в журнале “Юность”, он пишет:

“...После обеда в жаркий июльский день 1969 года меня вернули с прогулки и велели собираться с вещами. Все определяющий в жизни арестанта приказ. Чье сердце не вздрогнет, услышав его?

— Ух, предатель жареный! — пнул меня в зад тюремный надзиратель напоследок, и я оказался перед зеленым “боби-ком”. Проворные люди в зеленой форме запихнули меня в один из двух “отстойников”. Место, куда меня повезли ока-

залась не близко от тюрьмы, в железном "бобике" при 55-градусной жаре показалось мне, что машину добрых полтора часа трясло на изуродованных землетрясением и строителями улицах города. Я в "бобике" один, но мне уже не хватает воздуха, я боюсь, что меня пережарят, и мне давно уже хочется руками и ногами стучать в железную обшивку, чтобы остановили машину. А каково приходится тем, кто уходит сегодня из тюрьмы общим этапом?

В тюрьме это бывает так: начальник конвоя, веселый мужчина, легко перекрикивает наш возмущенный ропот.

Мужчины, — говорит он, — у меня норма 50 рыл на машину, но по состоянию климатического момента я солидарно 10 рыл скидываю. Будете по 40, просторно будет, мужчины! — ободряет он".

Во время работы следственной группы Гдляна и Иванова ситуация в тюрьмах еще более усугубилась. В камерах вместо положенных по норме 50 заключенных содержалось 150-200 человек. Из-за антисанитарии, скученности арестованные заболевали астмой, туберкулезом, ревматизмом, сердечными, нервными болезнями. Нередки были случаи инфарктов и инсультов.

Когда тюрьмы нашей республики оказались переполненными, арестованных стали отправлять в Туркменистан, Казахстан, в тюрьмы Таджикистана. Когда и они были забиты до отказа, стали пересылать в печально известные московские тюрьмы "Матросская тишина", Бутырку, в ленинградские "Кресты" и другие российские тюрьмы.

В самом Узбекистане в областях и районных центрах для содержания заключенных использовали спортивные залы, клубы, гостиницы, что являлось грубейшим нарушением закона.

Должностные лица требовали, чтобы заключенные содержались в тюрьмах Министерства внутренних дел. Гдлян воспринял это требование как вмешательство в дела его следственной группы и написал свой протест в Центр. В это же время он стал собирать компромат на тех людей, которые осмелились противостоять ему. Впоследствии он включил его в свою книгу "Кремлевское дело". Кроме того, очень многие журналисты, прежде всего из Центра, постоянно оказывали ему поддержку,

всячески восхваляли. В результате следственная группа стала совсем выходить из-под контроля.

В те годы в Узбекистан со всех концов необъятной империи слетались как стервятники люди, потерявшие всякий стыд и совесть. Уверовав в свою безнаказанность, они творили здесь страшные беззакония. Это Бутурлин, Гайданов, Дидоренко, Лаптев, а также бывшие заместители прокуроров разных областей республики, такие, как Галкин, Торопов, следователи Артамонов, Кочергин, Шитов и многие другие. Теперь они рассеялись по просторам бывшей империи и спокойно доживают свой век.

Бывший Генеральный прокурор Союза Рекунков, его заместители Катусев и Сорока и тогдашний министр внутренних дел республики Федорчук и его заместитель Лежепекоев сыграли не последнюю роль в трагедии узбекского народа. Именно по их рекомендации в республику направлялись некомпетентные, проштрафившиеся, морально разложившиеся кадры органов прокуратуры и милиции. Что можно было ожидать от этих людей? Преступив все нравственные законы, они были готовы на любую подлость, они не считались с законодательством республики, не говоря уже о национальных традициях и обычаях; получив большие полномочия от Центра, они безнаказанно расправлялись с нашим народом.

ПОД ПРЕССОМ КЛЕВЕТЫ

Наш страх — это источник храбрости для наших врагов.

Т. Манн

Доведенные до белого каления моей несговорчивостью, следователи затаили очередную провокацию, стремясь любой ценой вынудить меня на самооговор, устроили очную ставку с начальником отдела внутренних дел города Навои Бухарской области Р. Набиев. Стоящего передо мной подполковника я видел впервые. Иванов называл его имя. Затем уже обратился к нему с вопросом: “— Вы знакомы с сидящим здесь?”.

Р. Набиев зашпарил как заведенный:

— Это заместитель министра внутренних дел Узбекистана. Я передал ему 5 тысяч рублей в его служебном кабинете за свое назначение на пост начальника отдела внутренних дел города Зарафшана. Кахраманов сказал “спасибо” и убрал деньги в ящик стола. Я спросил Кахраманова: “Когда же вы назначите меня начальником?”, он ответил: “Через неделю будешь в должности!”

Следовательно повернулся ко мне:

— Рахим Набиев был честным человеком. Это вы превратили его во взяточника. Вы знакомы с ним, вы подтверждаете, что получили взятку?

Меня затрясло как в лихорадке. Таковую горячку я не испытывал даже когда болел настоящей лихорадкой в далеком детстве. Я был оглушен, ошарашен, не мог произнести ни слова. Видимо, подскочило давление, у меня потемнело в глазах, закружилась голова. Внезапно у меня из носа пошла кровь, и я свалился со стула как подкошенный. Не могу вспомнить, сколько времени я пребывал в беспамятстве. Очнувшись, я увидел, что Иванов брызгает мне водой в лицо. Несмотря на то, что из-за сильнейшего гипертонического криза я находился буквально на грани жизни и смерти, садист следовательно не соизволил даже пригласить врача для оказания медицинской помощи.

Иванов и Набиев подняли меня, поддерживая под руки, и посадили на стул. При этом следовательно, видимо, запачкался кровью, поэтому, брезгливо морщась, начал мыть руки водой из графина. Тщательно вытер их носовым платком и швырнул его в мусорную корзину. С раздражением процедил сквозь зубы Р. Набиеву:

— Достань платок и вытри ему кровь с лица. Меня воротит от его морды.

Я вновь потерял сознание (за день до ареста я выпи-сался из 1-й городской клиники после полуторамесячного лечения). Когда я слегка пришел в себя, Иванов вытер мне лицо. Видать, не решился отправить в подвал в таком виде. Осторожничал. Потом выбросил платок, вымыл руки, вызвал охрану и приказал отвести меня обратно в подвал. Допрашивать подследственного в полукоматозном состоянии было бессмысленно и небезопасно.

Мой сокамерник, гражданин одной из азиатских стран по имени Солем, врач по профессии, увидев мое состояние, осторожно уложил меня на нары. Пощупал пульс и кинулся барабанить в дверь, требуя вызвать неотложную помощь. Довольно скоро появилась тюремная медсестра, породная, с заплаканными глазами. Измерила давление, с безучастным выражением лица дала мне валокордин.

У этой женщины, проработавшей в тюремной медсанчасти десятки лет, налицо была полная атрофия естественной человеческой жалости. На состояние здоровья арестантов ей было совершенно наплевать. Для нее было важнее угодить следователям.

Мне становилось все хуже. Солем снова позвал медсестру и с негодованием произнес: "Врачи во всем мире дают клятву Гиппократу при любых условиях и обстоятельствах, независимо от личности больного, защищать здоровье человека". Солем пытался взывать если не к человечности, то хотя бы к чувству профессиональной этики своего горе-коллеги. Однако все его усилия оказались тщетными.

Возмущенный откровенно пренебрежительным отношением тюремных медиков к заключенному, Солем потребовал выдать мне соответствующее диагнозу лекарство. В противном случае он грозил обратиться в Министерство иностранных дел. Медсестре не оставалось ничего иного, как исполнить его требование. Ведь с его переводом в другую камеру инцидент мог получить нежелательную огласку.

Прошло несколько часов. Принесли обед. Боль не отпускала, мои физические и моральные страдания были невыносимы, я был не в состоянии ни есть, ни пить. После обеда меня снова повели на допрос. Солем, насколько позволяли обстоятельства и его статус заключенного, как врач и человек протестовал против этого. Но все было напрасно, никто и не собирался его слушать.

К слову отмечу, что впоследствии, узнав из сообщений зарубежной прессы об оправдательном приговоре Верховного суда и моем освобождении, этот мужественный человек, даже в сырых тюремных подвалах в чужой стране помнивший о своем врачебном долге и чести,

нашел время и возможность, чтобы навестить меня в Ташкенте, у меня дома. Ныне у Солема серьезная медицинская практика в солидной клинике на родине, он защитил ученую степень кандидата медицинских наук. Я выражаю искреннюю благодарность доктору Солему и всю жизнь буду помнить о его бескорыстном участии по отношению ко мне, совершенно не знакомому человеку, с которым его свел в одной камере случай.

В комнате для допросов с заговорщическим видом ворковали Иванов и тот самый, оговоривший меня подполковник. Едва я переступил порог, как Иванов подскочил ко мне с угрозой:

— “Будете дальше упорствовать, живо намажем лоб зеленкой, и получите пулю в самую середину”.

Я хранил молчание.

Это окончательно вывело Иванова из себя:

— Вы узнаете присутствующего здесь и передавшего вам взятку подполковника?

Я почувствовал острую колющую боль в области сердца, но постарался взять себя в руки и в отчаянии повернулся к подполковнику:

— “Побойся бога, у тебя тоже, наверное есть семья, дети... Мы же никогда прежде не встречались с тобой, я не знал тебя и не знаю! Здесь решается вопрос жизни и смерти — твоей и моей. Прошу тебя, скажи правду, не клевети, не наговаривай на меня!

Подполковник, перекинувшись взглядом со следователем, заикаясь и потев, повторил свои прежние слова.

Мало того, он заученным тоном стал рассказывать, будто бы и начальник отдела внутренних дел Навоийского облисполкома Тура Хаитов, являясь моим близким другом, примерно раз в неделю привозил взятки мне и министру К. Эргашеву. Я решительно, насколько позволяло мое тогдашнее состояние, обращаясь к Иванову, сказал, что это все гнусная ложь, что Хаитов ни при каких обстоятельствах не мог еженедельно приезжать ко мне в Ташкент, так как аппаратные совещания проводятся с периодичностью раз в два месяца, что сам он честный, порядочный человек, а при необходимости можно запросить для проверки его служебные командиро-

вочные документы. Я потребовал отразить в протоколе допроса все слова, сказанные мной на очной ставке.

Прекрасно понимая в каком тяжелом состоянии я находился в этот момент, Иванов все же как ни в чем не бывало протянул мне протокол допроса. Я отказался его подписывать. Направляясь обратно в подвал, я еще раз взглянул на Р. Набиева:

— Ука, не скажешь правды — до конца своих дней будешь мучиться угрызениями совести.

А он застыл на месте, бледный и растерянный. Меня увели вниз.

Забегая вперед, скажу, что через несколько лет, уже после своего освобождения, я получил от Р. Набиева письмо. Это письмо, полное запоздалого раскаяния он передал мне через бывшего заместителя начальника управления внутренних дел Бухарского облисполкома.

Пользуясь случаем, хочу сказать, что не держу обиды на людей, которые своими ложными показаниями, оговорами в ходе следствия и на суде вольно или невольно стали причиной моего ареста и заключения, причиной слез и страданий моей семьи, родных и близких.

Многие из этих людей уже покинули этот мир. Тем же, кто еще жив и может прочесть эту книгу, я желаю многие лета и прощаю их за проявленную слабость. Искренне прошу и читателей этой повести не судить их строго и не предавать остракизму их детей и родственников. Потому что сами эти люди — тоже жертвы безжалостной тоталитарной системы. Их судьбы — это сотни и тысячи человеческих трагедий с поистине страшным финалом — утратой самих себя, своей личности. Немногим было суждено оправиться после пережитых потрясений и вернуть самоуважение. Чувство стыда и муки совести стали их вечными спутниками. Сегодня я простил их всех, но правда и то, что не сразу я мог это сделать, а на первых порах даже думал, что ничто и никогда не заставит меня забыть об их предательстве.

И вот я держу в руках письмо Р. Набиева:

Он написал это письмо на имя своего друга Р. Шамсиева, находясь в больнице, в крайне тяжелом состоянии.

“Привет из Самарканда!

Здравствуй Рахим Абдуллаевич!

Нахожусь в санатории “Зарафшан”. Если помнишь, 31 января, 1985 года в 17 часов, в кабинете Гдяна его заместитель Иванов свел меня с тобой. Около 3-х часов мы разговаривали вместе, на своем родном языке.

Я рассказал тебе обо всех издевательствах, оскорблениях, угрозах и мучениях, а также шантаже в отношении себя, родственников. Говорил тебе и об избиениях.

Я жаловался, что меня выгоняют с работы. Ты меня пожалел, сказал, что если не пойду навстречу, то следователи меня посадят. Ты предложил: “Пиши на меня 1 тыс. рублей и 5 тыс. рублей на Кахраманова. Так будет хорошо. Будешь работать на прежней должности, изберут депутатом. Иванов подтвердил это и обещал поддержку. Я согласился и с этого момента, оказывается, совершил непростительную ошибку. Не надо было мне слушаться тебя и Иванова. Толкнув меня на ложь, ты сам дал возможность оговорить себя, Кахраманова и Мулина. Потом уже я бы втянут в другие оговоры, как Хаитов и Норов. Последнему приписал два костюма.

Самое главное, я оговорил себя, испачкал свое честное имя. Гдян и Иванов требовали от меня оговаривать все новых и новых людей. Они же путем угрозы заставили меня на твоём суде подтвердить ложь.

Сколько я претерпел мучений после увольнения, после исключения из рядов КПСС, известно только мне. Склоки вокруг моего дела не прекращаются по сей день, хотя Н.В.Иванов снабдил меня “охранной грамотой”.

Если бы я знал, что со мной так будет, я бы застрелился раньше, чтобы не встретиться с этими мясниками гдянами.

Зачем ты тогда отправлял ко мне своих племянников Закира и Ибрагима с запиской?

Зачем ты передал мне записку через следователя Лобарь? Зачем я послушался тебя? Я оговорил тебя, Кахраманова, Мулина и в конце концов себя! Однако твоё письмо, которое ты отправил мне из Алма-Аты несколько успокоило меня, ты там просил извинения за то, что просил меня указать фамилии людей, которые толкнули тебя и меня на

преступления! Меня окрылило, я узнал всю правду о Гдяне и Иванове! Позвонил Гдяну и начал стыдить его. Он сказал: ты не беспокойся, я Рахима отправлю в Сибирь. Через день меня вызвали в Навои, где следователь Боров забрал у меня твое письмо. Допросил, как это письмо оказалось у меня.

Мне кажется, что я искупил свою вину, которую "заработал" с помощью тебя, Гдяна, Иванова и других. Кахраманова оправдали. Тебя и Мулина освободили. Должны оправдать и тебя, и Владимира Васильевича, который абсолютно невиновен. Ведь никогда не было ни дачи, ни получения взяток! Пишу тебе это письмо из Самарканда и на душе стало легче. Передай Кахраманову копию этого письма, и мои извинения за причиненную боль, страдания. Одну копию передай семье М.С.Норова, пусть они простят меня за подлую ложь.

Теперь у меня совесть чиста. Извини, поехать к тебе не могу, сильно болен. Передай привет семье и детям. Если приедете в Ташкент, заезжайте. Нина и дети будут рады.

Да, я должен сказать как меня ударил insult после очной ставки с Хаитовым... Должен сказать, что в начале 1986 года меня из Зарафшана вызвали в Бухару, где следователи Лобарь, Васильев, какой-то литовец, их человек шесть, в кабинете областной прокуратуры напали на меня, избили, закрыли кабинет изнутри, требовали дать на тебя показания. Три дня они меня мучили, отпускали только ночью. Об этом знают Бигузев, зам.начальника Учкудукского ГОВД, Тура Хаитов и Мамарахимов Каюм.

В общем разговора много, приезжай, поговорим. Все то, что они творили со мной, могу подтвердить. Не могу писать, поэтому отпечатал на машинке. Прилагаю "охранную грамоту". С приветом твой друг Рахим Набиев.

1 ноября 1989 года".

Как запоздало его раскаяние, запоздало на годы страданий, на череду искалеченных судеб!

Однако вернемся к нашему повествованию: на следующий день меня свели на очной ставке с О. Тураевым. Впоследствии я узнал, что он работал начальником ГАИ управления внутренних дел Бухарской области. И хотя я

сам находился не в лучшем состоянии, вид моего визави произвел на меня гнетущее впечатление. Потому что доведенный изощренными пытками следователей-изуверов до истощения человек, скорее, даже тень человека, который уже целый год содержался под стражей, из которого в прямом смысле "выбивали" компрометирующие показания на руководящих персон министерства внутренних дел республики, едва держался на ногах. Об этом лучше услышать от него самого, вот его подлинное свидетельство:

"8, 9, 10 апреля 1983 года работники следственной группы Гдян, Иванов, Мирзаев и Мошиашвили проводили обыски сначала в моём служебном кабинете, после у меня дома. Во время обысков я и моя супруга Дильбар отсутствовали. Когда мы вернулись, то увидели, что девять человек из следственной группы (кто именно, уже не припомню) закончили обыск, забрали абсолютно все, что можно было унести, включая носильные вещи, одежду моих детей, и даже одежду моих родственников-студентов, временно проживавших нас. Я неоднократно обращался к следователям с требованием вернуть хотя бы вещи этих студентов. Мои требования не были удовлетворены. 19 июня меня незаконно уволили из органов МВД. 7 декабря 1983 года около двенадцати часов Гдян лично позвонил ко мне домой: "Ты же на свободе ходишь, приезжай сюда". Когда же я прибыл, Гдян, Иванов и другие следователи начали меня допрашивать. Во время допроса они мне сообщили, что у меня дома снова идет обыск. Одновременно допрашивали и мою супругу. Гдян спросил, кому я передавал взятки, а от кого получал сам. Я ответил, что не имею ни с кем подобных взаимоотношений. Допрашивая таким образом, нас продержали до двух часов ночи. Я попросил следователей отпустить хотя бы мою жену, так как пятеро наших малолетних детей оставались дома одни. Нам разрешили пойти домой, но поставили условие: до утра я должен написать заявление о даче мною взятки нескольким должностным лицам. Восьмого декабря в 7 часов утра меня снова доставили в то же самое помещение. Поначалу Иванов, следом Гдян спросили меня: "Ну что, написал обо всех, кому передавал взятки?" Я повторил свой вчерашний ответ. Тогда он показал мне спи-

сок. В списке были фамилии министра МВД Узбекистана К. Эргашева, его заместителей Кахраманова, Давыдова, руководящих работников МВД СССР Чурбанова, Богатырева, Мельника, первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова, председателя облисполкома Асадова, начальника УВД области А.Дустова и его заместителя Р. Шамсиева, Мулина, Тилового и бывшего начальника УВД М.С.Норова. Следователь настаивал, чтобы я написал признание о том, что я якобы передавал каждому из указанных в списке лиц взятки в размере от 5 до 15 000 рублей. Иначе, пригрозил он, вся вина падет на тебя, получишь "вышку". Я отказался, сказал, что не могу написать такое. Гдьяна это взбесило, он сорвался на крик и, обращаясь к Иванову, распорядился: "Немедленно отправить его в Ташкент, я припас для него спецпомещение в подвале одного здания". В тот же день, около полудня меня привезли в Ташкент. Бросили в подвальное помещение. Целые сутки мною никто не интересовался. 18 декабря Гдьяна и Иванов вызвали меня к себе, они издевались и смеялись надо мной: "Ну, теперь тебе крышка, признался бы вовремя, все было бы прекрасно, а так пеняй на себя". В той одиночной камере меня продержали 16 дней.

В ход шло все: непрерывные допросы, угрозы, шантаж, запугивание; судя по всему, щепетильность никогда не была добродетелью Гдьяна и Иванова, которые методично внушали подследственному свое гениально простое и очевидное, на их взгляд, "умозаключение": О. Тураев не просто так занял должность начальника ГАИ, наверняка здесь без взяток не обошлось. — К.Эргашеву, Давыдову, ну и Кахраманову с М.Норовым, конечно. "Тебе же лучше, если признаешься добровольно, иначе сгниешь здесь на корню, все равно заставим признать вину, будешь артачиться, получишь пулю в лоб, жену твою арестуем, детей посадим и отца с братом достанем, так что думай!"

Тураев оказался перед неразрешимой дилеммой: откажешься от взяток — измордуют, признаешь... А как быть с доказательствами, ведь если такому количеству людей передавались взятки, причем неоднократно, должны же быть и доказательства! Он отказался, и это предредило его участь.

Имей место задержание с поличным или какое-либо подобие фактов, улики, тогда другое дело. Ан нет, не вышло! Тем не менее вышедшие на тропу войны “непримиримые борцы с мафией” не собирались поступаться своими амбициями. С маниакальным упорством и настойчивостью, достойными более полезного применения, гнули свою линию: нет улик — подкинем, заключенный молчит — “расколем”, отрицает вину — что за вопрос, под дулом заставим любого признать любое обвинение, нет фактов — организуем в момент, не стыкуются детали — подгоним, а то и так сойдет. И как это ни горько вспоминать, сходило с рук, и не раз. Сколько руководителей областей поддались на гнусные провокации, запутавшись в сетях, расставленных интриганов. Поэтому следователи нисколько не сомневались, что уж с какого-нибудь начальника областного ГАИ получают нужные показания без сучка и задоринки. Однако на этот раз дела пошли не так гладко.

Более всего Гдляна беспокоило отсутствие реальных фактов и доказательств. Тут его “осенило”: если возникнут проблемы с доказательствами о передаче взяток руководству, можно будет взять показания с подчиненных задержанного, что и было сделано. Собрали группу водителей и рядовых работников ГАИ и под диктовку заставили написать устраивающие следствие заявления.

Я осознавал, что очная ставка с человеком, сломленным длительным заточением и пытками, будет нелегкой. К тому времени я уже не раз слышал, да и сам видел, как замученные изоляцией от привычной среды и близких, совершенно деморализованные физическим и психологическим давлением со стороны следователей, заключенные шли на самые нелепые признания, чудовищный самооговор. Очень скоро мои самые худшие опасения начали сбываться.

Иванов:

— Кахраманов, вы знакомы с присутствующим здесь человеком?

Я: — Нет! Я с ним никогда в жизни не встречался.

Иванов — Тураеву:

— Вам знакомо присутствующее здесь лицо?

Мутным взглядом из-под распухших век он посмотрел на следователя, потом на меня: — Да... это заместитель министра внутренних дел Узбекистана Кахраманов.

Иванов — Тураеву:

При каких обстоятельствах вы давали взятку Кахраманову? Когда и где?

Восково-бледный Тураев, утративший всякую сопротивляемость за время нахождения под арестом, с трудом выговаривал слова, пытаясь не сбиться с “инструкций” следователей:

— В 1982 году в министерство было направлено представление на меня для присвоения звания подполковника. Но Кахраманов задержал срок присвоения звания. Мне было неудобно из-за этого перед коллегами в областной милиции. Позднее я приехал в Ташкент, зашел к Кахраманову на работу, чтобы представиться. Тогда я и передал ему взятку 5 тысяч рублей. Он сказал “спасибо”, и убрал 5 тысяч рублей в ящик стола.

Следователь одобрительно закивал. Снял очки, протер стекла платком и с победоносным видом, криво усмехнувшись, обратился ко мне:

— Кахраманов, вы подтверждаете слова Тураева?

— Я никогда раньше не видел этого человека, — сказал я. — Он лжет. И во время поездки в Бухару в 1982 году я его тоже не видел. Что касается вопроса присвоения ему звания, мне ничего об этом не известно.

Как и в случае с Набиевым, следователь стал нахваливать Тураева. Мол, поскольку он помогает следствию, добровольно сознался и теперь изобличает взяточников, мы скостим ему срок, потому что его принудили давать взятки. Я повернулся к Тураеву: “Хватит говорить неправду. Где это я тебя видел? Когда? У тебя есть совесть вообще?!”

К сожалению, он продолжал идти на поводу у авантюристов. До этого Тураева долгое время держали в холодном карцере, систематически избивали. Он сопротивлялся как только мог, хотя уже и находился на краю физического и морального истощения. Остатки воли и мужества были сломлены, когда Гдлян предъявил ему

официальное постановление на арест его отца и сына. Нависшая над родными и дорогими ему людьми угроза возымела действие, он оказался загнанным в угол, в страхе (небезосновательном, кстати) за судьбу своих близких стал подписывать то, что от него требовали.

Тураев вспоминает о том, как "Гдлян показывал схему, на которой были начерчены квадратиками министерство внутренних дел СССР и республики, ЦК КПСС, обкомы. В каждом квадратике были написаны фамилии. В отношении этих лиц он и требовали дать показания в получении ими взяток".

Дальнейшее развитие событий описывается в книге В.Илюхина "Оборотни" следующим образом: *"По этой схеме О. Тураев оговорил бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Гаипова в передаче ему в виде взятки ко дню рождения золотых часов. Выбитые показания записал Иванов. Однако он не указал в протоколе дату рождения, не знал этого и О. Тураев. Потом дело примет к своему производству следователь Ковеленов, на допросе он попытается выяснить время передачи взятки у О. Тураева но тот не смог этого сделать, так как не знал даты, а все его показания были вымышленными. Ковеленов понял это вместе с О. Тураевым пришел в кабинет к Гдляну и заявил, что этот эпизод с часами явно притяннут"*.

Дальше, как вспоминает **О. Тураев**, Гдлян в их присутствии позвонил управляющему хозяйственной частью ЦК КП Узбекистана и у него узнал дату рождения Гаипова, при этом Гдлян сказал О. Тураеву, чтобы тот не забывал эту дату. Затем Ковеленов снова провел допрос О. Тураева и вписал указанный день в протокол. Так под диктовку Гдляна и Иванова был "уточнен" эпизод о взятке золотыми часами.

Впоследствии эти показания подтвердил и следователь Ковеленов.

Я убежден, что в смерти бывшего первого секретаря Кашкадарьинского обкома партии Р. Гаипова прямая вина группы во главе с Гдляном. Мне было известно о периодически организуемых против него анонимках с самыми невероятными обвинениями. С Рузиматом-ака я был знаком с 1960 года. С его сыном Озодом нас связывали дру-

жеские отношения. Мы некоторое время вместе работали в ЦК. Он был простым, хорошим человеком, как и его отец. Как и многие из нашего поколения, Озод Гаипов тоже не избежал репрессий. На собственной шкуре он испытал все “эксплозивные” методы следствия гдлянцев, добивавшихся от него сведений о местонахождении мнимых отцовских богатств. Ложь, клевета, необоснованные обвинения стали причиной его раннего ухода из жизни.

У “чистильщиков” из Центра были большие планы насчет Р. Гаипова: через него они намеревались добыть компромат на лиц из высшего эшелона партии и руководителей МВД СССР. Чтобы арестовать его, в то время им пришлось собрать подложные показания с десятков человек. Для задержания руководителя области требовалось наличие более десяти неопровержимых доказательств. Будто гончие на охоте, следователи рыскали повсюду, вынюхивая добычу, добычей же стали десятки инспирированных доносов и заведомо ложных показаний, с помощью которых они собирались “расколоть” Рузимата-ака. Р. Гаипов догадывался, что следователи мало заинтересованы в установлении истины, их цель — арест, публичная дискредитация. Знал он также и о собранных показаниях. Трагический эпизод с Р. Гаиповым запал мне в память ещё и потому, что на одном из допросов Гдлян не преминул показать цветные фотографии, сделанные на месте гибели Р. Гаипова. При этом в деталях описал приезд следователей в дом Р. Гаипова. За мгновения до рокового момента они уселись пить чай, пока хозяин ушел переодеться и, конечно, спохватились слишком поздно. Арест не состоялся, да и Гдлян, судя по его тону, не очень расстроил такой финал. К тому же и снимки можно было использовать для психологического давления на непокорных.

Он говорил обо всем этом откровенно и с подробностями, будучи абсолютно уверенным в своей безнаказанности.

И вообще, что значит “вошли, сели пить чай”? Обратите внимание: вошли в дом к человеку, подозреваемому в серьезном преступлении, затеяли чайную церемонию

не кто-нибудь, а члены группы задержания во главе со следователем по особо важным делам союзной прокуратуры! Видать, хорошо припекало азиатское солнце, что они в тот момент перестали адекватно реагировать на окружающее. Расслабились, увлеклись чаепитием настолько, что лицо, для задержания которого они прибыли, успел по собственному почину уйти из жизни! И этот негодяй без тени смущения хотя бы за вопиющее профессиональное разгильдяйство угрожал теперь уже мне и многим другим заключенным по “узбекскому делу” новыми расправами.

Демонстрируя арестованным устрашающие фотоснимки (когда подлинные, когда смонтированные фальшивки), следователи нередко достигали желаемого эффекта.

Но людей угнетал страх **не перед законом, а перед беззаконием и беспределом.** Гаипов был сильным человеком, никогда не отступавшим перед жизненными трудностями, прошедшим войну от начала до конца. Он вернулся домой инвалидом, стал героем труда мирного периода. Но ветеран оказался бессилён перед оговорами и ложью. В его решении наложить на себя руки, уверен, не был малодушия или сознания какой-то за собой вины. Он наверняка догадался, что проводится хорошо спланированная акция, что это не досадное недоразумение, а целенаправленный “отлов” республиканских кадров, введенный механизм взаимных, по цепочке, предательств и оговоров для будущих процессов и расправ. Это стало причиной сильнейшего стресса. Он был сильный и порядочный человек, но в какую-то минуту не выдержал.

Следователи должны были ответить за смерть Гаипова перед законом. К сожалению, этого не произошло. После смерти Рузимата-ака гдляновцы с целью оправдания преступной халатности собрали с заключенных СИЗО дополнительные показания, дискредитирующие его.

КТО ИСТИННЫЙ ВОР

По вечерам члены следственной группы Гдяна устраивали private застолья с обилием яств и спиртного, просматривали порнофильмы на конфискованной ви-

деоаппаратуре. С вещественными доказательствами, в частности, видеотехникой, телерадиоаппаратурой особо не церемонились, пользовались как попало. В итоге, когда подходило время возвращения их законным владельцам, чаще всего обнаруживалось, что возвращать-то, по сути, нечего. Тогда впопыхах пытались найти таинственно пропавшие предметы, оформлялись какие-то справки. Лишь бы сошлось количество. Но и тут не все выходило гладко.

При проверке сигнала о пропаже вещественных доказательств всплыл странный "документ":

"Акт от 28 октября 1986 года, г. Ташкент. Мы, нижеподписавшиеся, руководитель следственной группы Прокуратуры Союза ССР Гдлян Т.Х., начальник штаба группы Непомнящий Д.С., следователь следственной группы Власов Ю.М. и старший инженер хозяйственного отдела прокуратуры Союза ССР Бондаренко В.И., составили настоящий акт в том, что после включения отопительной системы кипятком залило коробку, в которой находились видеомagnetные ленты, изъятые у Рузметова Арслана, стоявшие на полу у окна в кабинете следственного отдела. В результате видеокассеты пришли в полную негодность, так как magnetная лента покорежилась, а кассеты деформировались".

На официальный запрос по поводу неисправности отопительной системы из органов был получен следующий ответ: "В кабинете следотдела в течение всего отопительного сезона 1986—1987 годов неполадок с отопительной системой не было". Это лишь маленький но примечательный эпизод, характеризующий повадки всей компании. Во всеуслышание объявляя на каждом углу, что "все узбеки воры, расхитители, взяточники", Гдлян, тем не менее, никогда не забывал о своем личном интересе: ныне уже ни у кого не вызывает сомнений то, что грубые нарушения, допущенные при обысках и изъятии ценностей, вовсе не были досадной оплошностью.

Гдлян и его команда умышленно фальсифицировали данные крупных изъятий: неправильно указывали фамилии понятых, а то и просто заменяли их, изымаемые ценности не осматривались, сваливались в общую кучу, об-

щая сумма облигаций и денег вообще не подсчитывалась, при упаковке ценностей подменялись оттиски печатей, нередко крупные ценности вообще не опечатывались, золотые монеты и ювелирные изделия не учитывались даже по количеству (определение их стоимости находится в компетенции другого ведомства). Для осмотра не приглашались специалисты-эксперты, не указывались характерные особенности ювелирных изделий.

Дело доходило до того, что на ценности, изъятые у разных лиц, составлялся общий протокол "осмотра", в результате чего изъятые ценности обезличивались: невозможно было определить, у кого что изъято. Этот процесс усиливался во время рекламных выставок и демонстраций перед представителями прессы в Ташкенте и Москве — конфискованное добро длительное время никуда не сдавалось, а хранилось в кабинетах или сейфах следователей.

При изымании пачек с денежными купюрами нередко подсчитывались только пачки, а общая сумма вообще не подсчитывалась и не указывалась. Поэтому при сдаче денег в банк обнаруживались и крупные недостатки. Но оказалось, что какой-то недостатков "радетелей" соцзаконности Гдяна и Иванова не испугаешь, в подобных случаях они попросту оформляли новый протокол изъятия, естественно, на меньшую сумму и с другими понятиями.

Следователей "нового типа" Гдяна и Иванова не волновало даже то, что кто-то мог уличить их в подлоге, так как ключи от сейфов, печати и листы для опечатывания находились лично у них.

А вот "перлы" профессионального описания предметов изъятия из протоколов осмотра: *"Сосуд с кольцами из желтого металла с камнем и без"* (отсутствует указание даже примерного объема этого самого сосуда), *"изъято 60 и более монет"* (а какого достоинства и из какого материала?), *"изъят дипломат, наполненный дополна деньгами"* (но дипломат в зависимости от купюр может содержать и один миллион и сто тысяч рублей).

Таких примеров было выявлено множество. За период работы гдянской группы из Узбекистана бессчетно и без оформления каких-либо документов было вывезено ценно-

стей, ювелирных изделий, драгметаллов и камней, предметов антиквариата, уникальных предметов старины и просто наличных денежных средств на миллионы и миллионы.

Прикрываясь следовательскими удостоверениями, эти “ловцы удачи” действовали со сноровкой и алчностью разбойников с большой дороги. Масштабы награбленного и присвоенного гдлянцами в Узбекистане под видом вполне законных процессуальных изъятий за время широко разрекламированной кампании “по борьбе с организованной преступностью и мафией” сопоставимы с трофеями многочисленных археологических, географических, геологических и прочих исследовательских экспедиций, которые далеко не всегда бескорыстно орудовали на территории Самарканда, Бухары, Хивы, Кашкадарьи и других центров древней восточной цивилизации. Якобы в интересах науки беспрепятственно и безо всяких ограничений вывозились несметные богатства — золото, драгоценности, исторические раритеты, памятники старины, уникальные произведения искусства и народных промыслов, культурные и религиозные реликвии, являющиеся национальным достоянием народов нашего края.

Убежден, что не обязательно быть изощренным аналитиком, чтобы без труда вычислить единственно правильный ответ на вопрос “Кто является истинным вором?” Для меня же ответ на него был ясен с самого начала, и моя уверенность крепла тем более, чем долее я наблюдал за беспрецедентно помпезной и скандальной предвыборной кампанией, развернутой все теми же Гдляном и Ивановым, нацелившимися занять и занявшими-таки депутатские кресла в Верховном Совете Союза. Их бы энергию да на иные цели! Впрочем, не случайно этот дуэт так возжаждал депутатской неприкосновенности...

ПУТЬ К ПРАВДЕ

Невозможно всегда быть героем, но
всегда можно оставаться человеком.

И. Гете

23 апреля 1985 года мне организовали очную ставку с заместителем начальника УВД Бухарской области Р. Шам-

сиевым. На следствии 20—22 апреля Гдян и его патрон — начальник следственной части союзной прокуратуры Каракозов, требовали, чтобы я дал показания против Чурбанова. Взамен обещали освободить меня и восстановить в прежней должности. Действительно, закон предусматривал освобождение от уголовной ответственности лиц, добровольно обратившихся в следственные органы с заявлением о явке с повинной в передаче взяток. Я ответил Каракозову, что никогда не занимался таким грязным делом, к тому же близких отношений с бывшим первым заместителем министра внутренних дел СССР никогда не имел, сказал также, что Чурбанов с подачи К. Эргашева даже дважды объявлял мне выговор. Но правда никого не интересовала, следователи требовали компромат на Чурбанова. К тому времени К. Эргашев и Давыдов уже покончили с собой. Вот они и решили, что теперь для инспирируемого ими дела наиболее подходящей по чину и служебному рангу фигурой являюсь я, и со свойственной им настырностью вешали на меня “близкие отношения” с Чурбановым.

Каракозов был способен пройти по трупам, если того требовали его личные интересы, он не скрывал и свои национал-шовинистские взгляды. За ним ещё в 70-ые годы числились незаконное задержание и длительное содержание под стражей в нарушение процессуальных сроков бывшего председателя Совета Министров Узбекистана Р.Курбанова, бывшего председателя Верховного суда Узбекистана Пулатходжаева. Свое коварство и беспринципность Каракозов продемонстрировал и в случае с арестом Х.Яшнарова. А ведь он хорошо знал его по своим визитам в Узбекистан еще с 70-х годов. Министр МВД Х.Яшнаров всегда встречал Каракозова с распростертыми объятиями, как дорогого гостя, и даже предлагал ему пост своего заместителя. Однако впоследствии Каракозов отплатил Яшнарову черной неблагодарностью, подвергнув его всем мыслимым и немыслимым унижениям и издевательствам.

В сложившейся обстановке я, не колеблясь, отверг предложение-директиву Каракозова. Меня не могли прельстить его обещания о содействии моему освобождению и вос-

становлению на работе. К тому же, я слишком хорошо знал цену этим обещаниям. Естественно, мой ответ не устроил следователей. Каракозов не сдержался, сорвался на угрозы в мой адрес. Я понимал, что эти угрозы не пустое. Каракозов, в предвкушении предстоящих мне злоключений, решил пока отправить меня обратно в камеру, чтоб я мог "одуматься" и принять "верное" решение.

О том, каким образом следователи "лепили" из меня предводителя взяточников по делу Чурбанова, читатель может составить собственное представление, прочитав письмо-признание с просьбой о прощении Р. Шамсиева, также арестованного и осужденного по "узбекскому" делу, которое он написал мне 30 января 1989 г., уже после моего оправдания, мучимый угрызениями совести. Письмо приводится с сохранением подлинного стиля его автора:

Здравствуйте уважаемый Таштемир Худайбердиевич!

Прочитав на страницах газеты "Литература и искусство Узбекистана" от 13 января 1989 года статью О.Темушкина и увидев там фотографию Вашей супруги Икбол-опы в плачущем состоянии, я сильно расстроился и меня замучила совесть, что виновником ее горьких слез являюсь и я. Эти слезы она проливала в течение 4-х лет.

Виновником этих слез являюсь не только я, но и работники следствия, в первую очередь Гдлян и Иванов.

Эти следователи буквально замучили не только меня, но и других людей — моих сослуживцев из Бухары Дустова, Тураева и Мулина.

Следователи, вызывая меня на многочисленные изнурительные допросы, при беседах говорили, что "мы должны одевать шапку на Вашу группу" т. е. Вы должны предстать перед судом во главе с своими руководителями. С их слов, Эргашев застрелился, Давыдов тоже, Селиверстов к делу не причастен, а Мухамадиев и Рахимов новые люди в Министерстве, остается Кахраманов, пусть он и ответит, будет Вашим "паровозом", за его спиной Вам, "маленьким винтикам", дадут "маленькие сроки". Так что поставьте перед собой Кахраманова. Суд учтет, что на преступление толкнуло вас ваше начальство, взятки вы получали для них, передавали все взятки им.

Они усиленно обрабатывали не только меня. Я им объяснял, что Кахраманова я хорошо не знаю, служебными делами с ним не связан, не знаю даже его кабинета и ничего плохого о нем не слышал. Лично Иванов, угрожая мне, говорил, что если не дашь показания на Кахраманова, Яшнарова, Давыдова, Эргашева и других, тогда тебе на "лоб намажут зеленку", т. е. расстреляют, угрожая арестом моих и родственников Джаббарова, Астанова, Бахрамова, племянников Рахмановых (одного — Шакира так и арестовали чуть раньше меня) и брата. Другого выхода не было. В моей камере были их люди — провокаторы, которые советовали дать показания на свое начальство, мол надо свою шкуру спасти. Другого выхода не было. Меня свели с Мулиным и Тураевым, мы договорились в присутствии следователя Вафина и Иванова, что факты дачи взяток Кахраманову, Эргашеву, Каримову, Давыдову мы рассказывали друг другу еще до своего ареста. Как говорится, заключили между собой сделку. Например, Тураев будто бы мне рассказывал в моем доме, что он Кахраманову давал за присвоение звания 3 тыс. рублей, здесь я выступаю в роли "свидетеля" Тураева, а последний "поддержит" т. е. будет моим свидетелем в передаче "взятки" Давыдову, и т. п. Мулин пошел моим свидетелем, будто бы я Вам давал 400 и 1000 рублей, а я взамен этого стал его свидетелем в части передачи им Вам "взятку".

Таким образом, Дустов, Музаффаров, я, Тураев и Мулин представляли друг друга в свидетели по ложным эпизодам, подсказанным следователями или разработанным вместе легендам.

Вот так Вы попали в орбиту взяточполучателей, т. е. стали нашим "паровозом", для следователей — они "надели шапку на милицию", т. е. начиная с низов-до Министерства все занимались взяточничеством.

В тот день, когда я давал впервые на Вас и Давыдова показания, следователь продержал меня до 22 вечера в кабинете Гдляна. Это был Иванов. Я написал на Вас ложные показания, оговорил Вас. Вы еще были на свободе. Вернувшись в камеру я плакал. Там со мной сидел Пулатов Джурса и еще один старик, он был провокатором.

Пулатов Джурса проживает в Ташкенте по ул. Саид Ризо или Саид Низо дом 16 (рядом с кладбищем, недалеко от дома кинотеатр).

Он меня успокаивал, до этого хвалил лжесвидетеля Рахима Набиева, хвалил он и меня за помощь следствию, обещал, что все это учтется, они скажут судье дать маленькие сроки всем, кто им помогает.

На Вашем суде я подробно не мог говорить, что было на душе, ибо с подвала я поднимался не лифтом, а по лестнице, у меня была одышка и еще не приходил в себя.

В следизоляторе, в камере сидели Бегельман и Шарипов Ахмаджон. Они целый месяц мучили Юлдашева Юсуф-аку, заставляли его дать ложные показания на своих начальников, об этом мне рассказывал сам Шарипов, а потом и Юлдашев. Шарипов и Бегельман помогали следствию, и камера, где они содержались называлась "прессхатой".

Шарипов заработал себе свободу — это он для меня готовил текст "последнего слова на суде", разъяснения по эпизодам. С его слов, его неоднократно принимал Гдлян просил повлиять на сокамерников чтобы они дали показания в отношении Норова, Кахраманова и других.

Иванов лично приезжал дважды после суда в следизолятор, где уговорил подтвердить свои показания в отношении Вас, Эргашева и др., угрожал, что если я не подтверждаю все, что говорил ранее, он меня пошлет в ИТК г. Нижнего Тагила, а если подтверждаю то в Алма-Ату. Я был вынужден согласиться с ним, и он меня, Мулина, Тураева и Дустова отправил в Алма-Ату. Сюда приезжал следователь Вафин, еще раз допрашивал о Вас, чтобы я подтвердил, он обещал помочь мне быстрее освободиться, тогда я отказавшись от посредничества в "передаче" 3х тыс. рублей Гафаровских денег, подтвердил факты "дачи" 1400 рублей.

Меня, Тураева, Мулина, Дустова и Музаффарова в течение 4-х месяцев держали во время суда в одной камере, чтобы "мы не путались в своих показаниях", а зазубрили, обговорили. На мои вопросы, что Кахраманов откажется, не подтвердит наши ложные показания, он, т. е. Иванов сказал, что "Кахраманов как миленький будет признавать, мы его заставим, повезем в Москву, устроим ему прессхаты" и т. п.

После очной ставки со мной, когда Иванов Вас бил, я с ним встречался и стыдил его, он говорил, что кто ему докажет, что он избивал, хвалился, что при расследовании

дела 18 человек покончили с собой и никакого спроса с них не было.

Больше того, когда я не “признавался”, мне не давали ни свидания и ничего о своей семье не знал, а когда “отношения” с ним наладились он даже разрешил мне в своем кабинете пить бельгийское пиво, которое привез мой племянник. Вот так во время следствия, кто шел по их грязному пути, следователи кормили таких подследственных “на отвал”, им давали свидание. Так я перед судом получил несколько свиданий, на одном из свиданий было не менее 12 моих родственников!

Он, когда я отказался от части своих показаний, то в следизоляторе получил три взыскания, меня избили 6 человек (а их было гораздо больше, ежедневно забирали мою постель, чтобы я не спал, и т. д. и т. п.).

Следователю Иванову спустя один месяц после своего ареста я давал письменный отвод за его обвинительный уклон, однако мне отказали.

Тов. Кахраманов! Я никаких преступлений не совершал, взятки не брал и не давал. Об этом знает вся Бухара. Но следователи терроризировали всю Бухару и вынудили их давать ложные показания. На суде 80 чел. говорили со слезами, как их избивали, издевались над ними. Суд вынес частное определение, установил 6 чел. следователей которые допускали произвол и незаконие, вызвал их в суд. Но они на суд не пришли, а на частное определение прокуратуры СССР не ответили!

Гдян и Иванов все время говорили от имени ЦК, от имени Генерального прокурора СССР. В общем творили все что хотели.

За то, что я письменно стал жаловаться, меня из Алматы выслали в холодную Сибирь, шельмуют на страницах газет и журналов. Измучили мою семью, замужних дочерей!!!

После Вашего суда я пришел к выводу, что справедливость не нравится кое-кому из прокуратуры.

Они против того, что Вас оправдали, и будут делать все, чтобы вновь опорочить Вас.

Меня мучает совесть. Поэтому я писал письмо Рахиму, чтобы он отказался от своих ложных показаний, потому

что нас обманули обоих. Это я втянул его в эту провокацию, в которую втянули и меня самого. Я написал 205 жалоб на сегодняшний день. Вот уже 5 лет имею при себе партийный билет № 07189454, который при мне оставили Гдлян и Иванов. Я нахожусь в заключении, таскаю с собой по тюрьмам и колониям этот билет и никто не спрашивает об этом.

На Давыдова и Эргашева мы давали показания о даче "взятки" после их самоубийства — задним числом. Следователи уговаривали об этом, они боялись, что родственники устроят с ними скандал "за доведение до самоубийства".

Меня вынудили давать показания о даче взятки 5 тыс. руб. Чурбанову, Яшнаррову — 1 тыс. рублей и Шкребину — 2 тыс. рублей. На Шкребина они стали собирать "материал" за то, что он в гостинице "Шелковичная" не поздоровался с Гдляном-Ивановым и сказал, что "может же человек жить среди взяточников и остаться честным самому", он имел в виду себя.

Арестовали Вас потому, что кто-то должен был "возглавить" все сфабрикованное дело. Об этом откровенно говорили нам следователи.

В письме не все изложишь. Все это имеется в моих жалобах, копии которых имеются у моего адвоката т. Райхмана Владимира Львовича работающего в юридической консультации г. Загорск, Московск. обл. по ул. Инженерная-7. Ваш адвокат может связаться с ним и получить интересующие данные.

Единственное, что я прошу Вас и Вашу супругу простите меня за все те подлости, которые я совершил при прямом участии следователей Гдляна и Иванова. Это я оговорил Вас, помог следствию подговорить Рахимова Наби стать лжесвидетелем. Я переживаю за все это. Меня мучает совесть и за то, что я оговорил и осквернил память умерших Эргашева и Давыдова, дав на них ложные показания.

Меня будет мучить совесть теперь до самой смерти. Я же проклинаю Иванова и Гдляна. Придет время и они ответят за свои подлости. Их ждет участь Берии и Ежова.

Если у Гдляна, Иванова есть совесть хоть немного, они должны извиниться перед Вами, перед Вашей семьей, как

это сделал я. Все то, что здесь изложено, я готов подтвердить где бы то ни было, когда бы это ни происходило.

Надеюсь, что буду оправдан и я, потому что не совершал никаких преступлений, 29 лет я не курил, впервые курил после того как оговорил Вас, это может подтвердить Джура-ака, он дал мне табак и свою трубку, я курил до утра. Ему рассказал, что дал ложные показания по двум зам. министрам. Он меня стыдил за трусость и безволие. Потом его вдруг увезли в Таштюрму.

О том, что я оговаривал Вас, я говорил своим сокамерникам и в первый день знакомства с своим адвокатом Либусу И. А. Он мне сказал, что правильно сделал, держись этой линии, будет мало сроку "за оказание помощи следствию и чистосердечное признание".

Следователи не успокоились одними-двумя показаниями. Они требовали найти еще свидетелей-взяточдателей.

Лично Иванов сказал, что они изучали личные дела и пришли к мнению, что твой друг Рахим Набиев давал тебе, Норову и Кахраманову взятку, мы его арестуем, он отказывается на Вас давать показания. Мне не хотелось, чтобы арестовали моего давнишнего друга Рахима, так как ему до пенсии оставалось совсем немного. Я сказал, что повлияю на него — он даст показания, только вызовите его и дайте мне с ним поговорить. Иванов вызвал из Бухары моего племянника и Музаффарова Ибрагима, прож. по ул. Жуковского 52 в Бухаре. Я написал на имя Рахима Набиева записку, чтобы он приехал, писал еще: "что скажут следователи — делай". Ибрагим поехал в Зарафшан с моей запиской к Рахиму. Через несколько дней Рахим приехал и Иванов свел меня с ним в кабинете Гдляна, мы плакали, часа два говорили и Рахима я уговорил, чтобы он давал показания на Вас о дачи взятки 5 тыс. рублей (или 6), для убедительности я уговорил Рахима дать и на меня показания — одну тысячу рублей. Все придумали вместе, он якобы брал деньги у брата своего за счет проданной машины. Короче говоря, Рахима Набиева свидетелем сделали Иванов и я. За ним специально ездил Музаффаров Ибрагим, с ним встречался по этому вопросу мой племянник. По вопросу "дачи взятки Давыдову" я привлекал свидетелем своего племянника Шакира, которого Гдлян арестовал раньше. Я пи-

сал ему, следовательно давать любые показания, Шакир к тому моменту отбывал наказание. Вот так фабриковались материалы против Вас. Мне Иванов рассказывал что "Вот Рахим дал показания на Кахраманова во время очной ставки, так говорил уверенно, так исполнял свою роль артиста, что даже я удивился ему". Пока я в опале, надеюсь и до меня дойдет очередь — оправдание.

С большим человеческим приветом к Вам Шамсиев Рахим Абдуллаевич

Р. Шамсиев

30.I.1989 г.

Подтвердите получение моего письма от 1.01.1989 и настоящего".

Все, написанное в этом письме Рахимом Абдуллаевичем — истинная правда. Но как долго — целых 1643 дня, полных физических и душевных страданий, безысходного отчаяния и боли, мне пришлось ждать этой правды! Лично я не сомневаюсь, что и Шамсиеву довелось хлебнуть сполна всех ужасов следственных методов Гдляна и Иванова. Поначалу, еще не зная о выпавших на долю Шамсиева жестоких испытаниях, я был очень зол и обиден на него за клевету, помню даже, на очной ставке я оскорбил его. Прошло немало времени, прежде чем он осознал свои ошибки, которые сыграли роковую роль в моей судьбе и судьбах многих других людей, но все же позднее он нашел в себе силы включиться в борьбу против следственного произвола.

Благодаря обретению Независимости нашим народом он был оправдан через 14 лет. Я рад, что и ему Независимость подарила свободу и вернула доброе имя. Поэтому надо беречь её как зеницу ока. Есть, к сожалению, некоторые основания сомневаться в искренности Р. Шамсиева и в процитированном выше, и в восьми других его письмах к автору этих строк, которые у меня сохранились.

Дело в том, что мне стало известно, что Р. Шамсиев говорил нашим общим знакомым, будто не писал мне ничего подобного, то есть ему вроде бы и рассказываться не в чем. Более того, ссылаясь на свои 200 писем, которые, по его словам, он в свое время разослал в различ-

ные инстанции, Р. Шамсиев стал убеждать окружающих, что именно его эпистолярная активность приблизила освобождение и реабилитацию тех людей, кого он вместе со своими “подельниками” по “бухарскому” делу оговорил! Что ж, внесём ясность.

После выхода в свет книги “1643 дня в когтях у дьявола” я получил немало писем от читателей с вопросом, почему я не указал подлинные имена людей, проходивших по “бухарскому” делу. Причина одна — малодушие и непорядочность нескольких людей не должна ложиться тенью на их родных и близких, которые и без того хлебнули лиха. Но когда чёрное выдают за белое, не мешает расставить все точки над “i”.

По нашумевшему “бухарскому” делу были арестованы и судимы работники областного УВД А. Музафаров, А. Дустов, Р. Шамсиев, О. Тураев, В. Мулин и др. Старший прокурор управления по надзору Генпрокуратуры Р. М. Овчарова сумела развенчать гдьяновскую систему сбора “доказательств”, построенную в первую очередь на страхе и обещаниях уменьшить меру наказания за готовность действовать по указке следователей. Её выступление на судебной коллегии высветило и общую ситуацию в республике и безобразия “десантников”. Р. М. Овчарова рассказала об обстановке, в которой проходил суд (Дело слушалось в Верховном суде республики под председательством А. Липатова). На этом суде впервые Гдлян и Иванов потерпели фиаско. Клеветникам и оговорщикам суд не сделал обещанных Гдлянм поблажек. За неискренность, а также за оговор невинных людей их приговорили к длительным срокам заключения, были и смертные приговоры.

От осужденных во все инстанции полетели тогда письма с запоздалыми признаниями, что следователи их обманули, посулив малые сроки за “уступчивость” и “сотрудничество”. Я тоже получил от них покаянные послания с просьбами простить их. Как известно, все инстанции ответили им отказом, подтвердив меру наказания.

В свою очередь я послал в их защиту несколько писем, справедливо полагая, что все, в той или иной мере стали жертвами “десантников”.

Р. Шамсиев был оправдан в числе других в конце 1998 года. Не хочется бросать камень в тех, кто с лихвой расплатился за свои поступки. Но когда затевается кампания по обеливанию себя и своей неприглядной роли, когда вместо прощения от нас же, оговоренных этими людьми, требуют чуть ли не благодарности, есть повод усомниться, пошел ли им урок впрок? Не стань они плясать под дудку Гдляна, события наверняка приняли бы иной оборот, куда менее драматичный для всех нас. А теперь Р. Шамсиев и другие, проходившие по этим делам, рядятся в мантию борцов за справедливость и свободу.

Аллах им судья!

Но продолжу рассказ. Тогда же, в апреле 1985 года меня свели на очной ставке с каким-то председателем колхоза. Фамилию его сейчас не помню. Кажется, его звали Рузимет. Услышав его наглое заявление о даче мне взятки в размере 5 тысяч рублей, я, не владея собой от бессильной ярости, разразился ругательствами и, признаюсь, нецензурной бранью по его адресу. Я сказал Гдляну и Иванову, что и вранье должно иметь какие-то границы, и отказался отвечать на их дальнейшие вопросы. Не стал подписывать и написанные под их диктовку фальшивки.

Перед отправкой в следизолятор Гдлян сообщил, что завтра меня ожидают очные ставки с начальником ГАИ города Ташкента М. Салохиддиновым, заместителем начальника Бухарского УВД В. Мулиным, сотрудником БХСС УВД Бухарской области Б. Гаффаровым, начальником УВД Ферганской области О. Фазиловым и еще с какими-то председателями колхозов. Я заявил, что категорически отказываюсь встречаться, отказываюсь говорить с этими людьми, что не выйду из камеры, даже если меня расстреляют, поклялся, что никогда не имел с ними никаких дел, а многих из них вообще не знаю.

...Прошло три дня, и меня вызвали на очную ставку с начальником Бухарского областного УВД А. Дустовым. С ним я был хорошо знаком. Он много лет работал вместе с покойным министром и на пост начальника управления был назначен по рекомендации К. Эргашева. Я

даже возил его после назначения в Бухару для представления сотрудникам областного УВД. А. Дустов был вторым, после Музаффарова, человеком, арестованным по делу о взяточничестве в органах внутренних дел республики. Как ни горько мне писать об этом, выяснилось, что и А. Дустов "выдал на гора" ложные показания против меня, К. Эргашева, Давыдова и других. С его слов выходило, что он давал мне взятку за свое назначение начальником управления, что было абсолютной выдумкой. На указанный пост он был назначен по согласованию с Рашидовым, Щелоковым, Чурбановым лично К. Эргашевым. Я прекрасно видел, что он выполняет требования Гдияна и Иванова и опровергал его наговоры неоспоримыми фактами.

Несмотря на то, что с А. Дустовым я был знаком с давних пор, я с трудом его узнал. Полтора года пребывания в темных, сырых подвалах СИЗО, допросы, пытки превратили его в ссохшееся, желтушно-болезненное существо с потухшими глазами. Лишенный всякой воли и сил, он машинально повторял то, что предварительно вбили в его мозг следователи. И только когда его стали уводить обратно в камеру, он будто очнулся и со слезами на глазах произнес: "Простите, ака, за то, что оговорил вас, я не смог выдержать".

Много позже я узнал, что он довольно долго сопротивлялся всяческому козням, продержался почти год, и только потом, под нажимом следователей, был вынужден пойти на самооговор и оговор других.

ДОРОГА В "АД"

Ни на солнце, ни на смерть нельзя
смотреть в упор.

Ф. Ларошфуко

На допросах за время моего содержания в СИЗО следователям не удалось доказать ни одного из предъявленных мне обвинений. Не помогли ни инсинуации, ни запугивания, ни издевательства и угрозы. Допрос 28 апреля 1985 года был последним моим допросом на Родине...

15 августа 1984 года произошло трагическое событие. В 6 утра Эргашев покончил жизнь самоубийством. Перед смертью он написал письмо на имя Усманходжаева. В прощальном послании своей семье он писал: *“Мама, отец, любимая Хадича, дети, родственники, снохи, зятья, я мечтал прожить с вами всю жизнь в мире и радости, к сожалению, моему желанию не суждено исполниться. Я остался перед вами, мои дорогие, должником. Поэтому прошу у вас прощения. Уйти на тот свет меня заставила клевета. Я сын дехканина и своими силами поднялся до высокой должности. Но клевета одолела меня. Виновыми в моей смерти стали Лежепеков, Яшнаров, “А”, “Т” и другие их подручные...”*

“Обиженные” достигли своих корыстных целей. В начале июня 1983 года Эргашев был отстранен от должности. Но его противники продолжали терроризировать отстраненного министра и его заместителей. Они звонили им домой по телефону, в открытую шантажировали, угрожали. Потерявший стыд и совесть, один из них требовал у бывшего министра и у его замов возвращения каких-то мифических сумм, которые они якобы брали как взятки. Также он обещал во что бы ни стало “упечь их в тюрьму”. Ужас их положения состоял в том, что они были беззащитны и вынуждены были терпеть клевету, шантаж, издевательства. Впоследствии эти суммы стали фигурировать как реальные в уголовных делах.

Преступники не ограничились этим. Они, сочинив различные улики, писали анонимки и доносы. Гдлян и Иванов собирали эти анонимки или “находили” их во время обыска, подшивали к делу, как документ, начинали с ними “работать”.

Среди них были клеветнические подметные письма, которые во многом способствовали тому, что я был несправедливо арестован. Об этом написано в томах уголовного дела и эти фальшивки в них фигурируют в качестве доказательств.

Наш известный писатель Саидахмад-ота в своем очерке “Пройти по тропе ангела смерти”, опубликованном в нескольких номерах газеты “Халк сузи”, написал горькие и справедливые слова о том, что зачинщиками “уз-

бекского дела”, расторопными “костровыми”, раздувавшими костер террора, подручными Гдляна и Иванова были отдельные отщепенцы из нашей среды, которые предали интересы своего народа и страны.

Сейчас, по прошествии времени зачинщики нашумевших “дел” пытаются оправдать себя, а также скрыть свои прежние грехи. Хотя они сами сажали других людей, они продолжают оговаривать честных, невинно пострадавших представителей нашего народа, многие из которых по клевете “обиженных” стали жертвами Гдляна и Иванова. Правда все же восторжествовала. Имена клеветников открываются. История еще расставит все по своим местам.

Но в свое время “обиженные” добились своей цели: против Эргашева и других невинных людей были возбуждены уголовные дела.

Не выдержав шантажа и психологического давления, Эргашев решил свести счеты с жизнью.

Но и после смерти негодяи не хотели оставлять свою жертву в покое. Они делали все для того, чтобы заклеить его как преступника. Надеялись завоевать славу и авторитет, а на деле обагрили свои руки невинной кровью.

Гдлян и Иванов показывали мне цветные фотографии окровавленных К. Эргашева и Г. Давыдова. После чего Гдлян сказал мне:

— В Москве мы вам “намажем лоб зеленкой” (его излюбленное выражение), и будете выглядеть так же, как и они. Их все-таки семьи хоронили в Ташкенте, но ваше тело мы не выдадим. И дети даже не будут знать где захоронен ваш прах. Потому что такие взяточники, как вы, никому не нужны. Уже сейчас ваши родственники возненавидели вас. Вчера мы вызывали ваших жену, детей, брата, сестер. Все они отреклись от вас, не желают вас знать. Они проклинали вас последними словами.

Я отвечал, что такого не может быть никогда, не только мои родные, но и весь Узбекистан знает, что я честный человек, что все их слова — абсолютная ложь. На это Иванов сказал с сарказмом:

— Когда арестуем всех твоих родственников, устроим вам всем сразу семейную очную ставку. Увидишь, они

не только проклянут тебя, но и плюнут тебе в морду. Скоро мы тебя отправим в Москву, там ты точно заговоришь. Будь уверен, у нас еще имеются такие методы в запасе, что и не такие упрямцы начинают соловьем заливаться.

Меня переполняла ненависть к этим подонкам. Перед глазами проплывали страшные фотоснимки с телами К. Эргашева и Давыдова. Глядя на них, я не сомневался, что Гдлян и Иванов способны на любые крайности. Не только во время допросов, но и с трибун официальных собраний они высокомерно заявляли, что действуют по поручению Политбюро и от имени генерального секретаря М. Горбачева. Грозились, сотрясая воздух: "Мы наведем порядок в республике, а то вас больно много развелось тут, взяточник на взяточнике сидит, кругом расхитители. Захотим, засадим сотни, тысячи таких, как ты, если потребуется половину всех узбеков пошлем на нары, сгноим в тюремных подвалах".

Еще до своего ареста я слышал о взятии под стражу десятков, сотен родственников, просто близких, знакомых ранее арестованных руководящих работников Узбекистана. После самоубийства министра внутренних дел и его заместителя в результате издевательств и гонений со стороны следователей в умах и сердцах многих работников милиции и партийно-хозяйственных руководителей всех рангов поселились тревога, смятение, и не только за себя, но и за судьбу родных и близких, за них, пожалуй, даже в большей степени. За короткое время один за другим были арестованы министр хлопкоочистительной промышленности В. Усманов, его заместители, целый ряд начальников областных управлений хлопководства, директоров хлопкоочистительных заводов, руководителей областей, районов, колхозов, совхозов.

Возникали тревожные слухи: "Того посадили, а у этого арестовали членов семьи. У третьего был обыск. Нашли золото, наличные деньги". Подобные, бередящие душу, разговоры можно было услышать повсюду, каждый день, каждый час. Люди перестали бывать не только у друзей и приятелей, — страх посеял семена отчуждения даже между кровными родственниками. Один мой

знакомый, председатель колхоза умер во время допроса с пристрастием — не выдержало сердце. Его младший брат, боясь потерять свое кресло, не пришел даже на его похороны.

Эта гнетущая атмосфера всеобщего страха подавляла, парализовала сознание людей. Власть и неограниченные полномочия, которыми были наделены Гдянь и Иванов, разрушительная вседозволенность, с которой действовали эти двое, постоянные ссылки на поддержку и полное доверие кремлевской верхушки оказывали на людей гипнотическое действие, они безоговорочно верили во всемогущество эмиссаров Центра. Каждый, кого они называли, как бы заранее считался виновным, становился парией. Не встречая на своем пути не то чтобы сопротивления, но даже тени сомнения или недоверия, Гдянь и Иванов все более уверовали в свою непогрешимость и избранность, и на какой-то стадии их самоуверенность перешла в маниакальную одержимость. Поэтому многие арестованные в тот зловеющий период на первых же допросах подпадали под мощный прессинг и влияние следователей. Теряя волю, как кролик перед удавом, они подписывали любые показания, написанные под их диктовку. За время пребывания в СИЗО, а потом и в Лефортово мне неоднократно приходилось читать подобные заявления о явке с повинной, почти дословно повторяющие друг друга, отличающиеся иногда лишь фамилиями и суммами. Диктуя эти признания, следователи не утруждали свою фантазию и словарный запас: почти всегда местом передачи взятки назывался служебный кабинет. Не отличались разнообразием и мотивы дачи взяток. Обо всем этом я слышал и из уст самих заключенных.

В душной тесноте тюремных камер, когда ты оторван от наскучившей в свое время ежедневной суеты, которая, оказывается и есть настоящая жизнь, когда родные далеко и увидеться с ними не в твоей и не в их воле, когда любимая работа, встречи с друзьями, коллегами, планы на будущее, радужные мечты остались в прошлом, когда даже небо и облака, великодушный дар Всевышнего, вдруг по чьему-то злому умыслу, становятся видны лишь сквозь решетку, а живительные лучи солнца не все-

гда могут пробиться к тебе, ты начинаешь понимать, как все изменилось вокруг, как разительно изменился ты сам. Изменилось мироощущение, даже чувства, привычки — они стали как будто не твоими, да и тебя самого, привычного, будто и нет. День за днем ты стараешься привыкнуть к этому и не сойти с ума. И вот наступает час отчаяния, и даже надежда, которая, как известно, умирает последней, оставляет тебя, и ты теряешь всякую веру, что справедливость восторжествует хоть когда-нибудь.

И все же я изо всех сил старался держаться, не дать сломить себя. После многочасовых допросов, бесчисленных очных ставок со знакомыми и незнакомыми мне людьми, слушая потоки лжи, угрозы следователей, я неизменно твердил: “Делайте что хотите, хоть стреляйте. Пока закон на вашей стороне. Но придет время, и вы обязательно ответите за свои черные дела”.

Как-то ближе к ночи (было где-то около часа) железная дверь камеры с шумом открылась. Надзиратель дал мне пять минут на сборы. Через пятнадцать минут меня в наручниках и с вещами везли в “бобике” (тюремная спецмашина для перевозки заключенных) в аэропорт. Еще через полчаса я сидел на последнем сиденье гигантского авиалайнера в окружении четырех вооруженных конвойных. Вскоре началась посадка пассажиров. Входящие в салон люди смотрели на меня с опаской и в то же время с какой-то жалостью. Только после взлета я узнал, что самолет направляется в Москву.

Ни еды, ни воды мне в самолете не дали. Какой-то парень с передних рядов подошел к начальнику конвоя: “Имейте совесть! Я хорошо знаю этого человека. Он очень уважаемое лицо. Вы же сами едите, для чего нужно так издеваться над этим беднягой?” Но конвой потребовал от него не приближаться к арестанту. В противном случае пригрозил применить оружие. В той ситуации не было никакой возможности узнать имя этого парня и кто он, откуда. Но чувство глубокой благодарности за его человечность и смелость я сохранил по сей день.

Полет продолжался. Перед глазами проносились картины тех счастливых и беззаботных дней, когда я был на свободе. На сердце было неимоверно тяжело, горь-

ко, до боли обидно за нашу республику, за наш народ, за свою семью и за себя. Так хотелось, чтобы это был сон, страшный, ужасный сон, чтобы можно было проснуться и забыть обо всем. В мыслях и чувствах — полный разброд, голова раскалывалась от множества вопросов, ответы на которые я мучительно искал и не находил в тот момент.

Что случилось с моей страной? До каких пор нас будут унижать? Что мы за народ, почему безропотно позволили превратить себя в подопытных кроликов, а нашу землю — в испытательный полигон для человеконенавистнических экспериментов? Отчего мы не смогли объединиться против темных сил и происков недоброжелателей? Возможно ли жить в страхе и прятать голову в песок до конца своих дней, неужели нам на роду написано стать и умереть манкуртами?

Казалось, вопросам этим не будет конца.

Не знаю, не могу сказать, но сам я действительно падал в бездну и пока что не видел ее конца.

В полудреме между бодрствованием и забытием я мучительно пытался воскресить события убегающего прошлого...

ГДЕ КОРНИ РЕПРЕССИЙ?

Кто не карает зла, тот способствует его совершению

Л. Да Винчи

Народ наш никогда не принимал до конца ни псевдогуманистическую коммунистическую идеологию, ни великодержавную автократию царизма. Это неприятие накапливалось, видоизменялось на протяжении почти полутора веков, недовольство масс кое-где выливалось в стихийный бунт, порой в открытое восстание или принимало форму скрытого саботажа, подпольной борьбы. В качестве примера следует вспомнить национально-освободительное движение под названием "басмачество", получившее широкое распространение на территории Туркестана. Причем тенденциозность и политическое лукавство присутствуют уже в самом названии

“басмач”, “басмачество”, которым окрестили патриотическое движение коренных туркестанцев “красные” идеологи и которое означало в переводе “бандит” - “бандитизм”.

Присвоив освободительному движению заведомо порочащий ярлык “басмачества”, большевики не брезговали ничем, чтобы удержать власть в своих руках. Советы вели тенденциозную пропаганду, настраивая мирное население против патриотов, откровенно провоцируя гражданскую войну в регионе. Акции освободительных отрядов, направленные прежде всего на свержение чуждого туркестанцам по духу и декларируемым морально-этическим ценностям большевистского режима, советская пропаганда преподносила населению как обыкновенный разбой и мародерство, намеренно замалчивая или искажая до неузнаваемости подлинные идеи и лозунги движения. Почти 16 долгих лет национал-патриоты вели партизанскую войну против оккупантов на земле Туркестана. Эта затяжная кровопролитная война унесла и искалечила жизни сотен тысяч наших земляков. Кто не могли и не хотели смириться с новой властью массами уходили в вынужденную эмиграцию, обрекая себя, своих детей и внуков на вечную разлуку с Родиной. Огромное количество узбеков по огульному обвинению в оказании поддержки “басмачеству” было сослано в Сибирь.

Так уж вышло, что по своему геополитическому положению, климатическим условиям, богатыми ресурсами Среднеазиатские государства представляли собой лакомый кусок для завоевателей как с Востока, так и с Запада. Немаловажную роль играли также оседлость (а значит, наличие базисной культурно-экономической, бытовой основы), трудолюбие (гарантированная рабсила), покладистость (хорошая управляемость), традиционное миролюбие (гарантированная лояльность) народов нашего края.

Этими ключевыми факторами и объясняется категорическое нежелание прежних режимов потерять столь завидный форпост, позволяющий не только контролировать все важнейшие торгово-экономические маршру-

ты в регионе, но и оказывать политическое влияние на соседние государства. Так было при царизме и позднее в "революционном" семнадцатом, и в печально известные 20-е, 30-е и последующие годы. Огульными расправами над узбекским народом обернулось нежелание теперь уже бастиона "развитого социализма" утратить свое господство на южных рубежах.

О грядущих провокациях, готовящихся в Центре, о кулуарных перипетиях возникновения пресловутых "узбекского" и "хлопкового" дел более других подозревал, вернее, догадывался Ш. Р. Рашидов. Наверняка он анализировал складывавшуюся тогда вокруг республики обстановку, пытался сделать какие-то выводы. К сожалению, к моменту полномасштабного развертывания событий Шарафа Рашидовича уже не было с нами.

Х. Яшнаров работал министром внутренних дел республики 17 лет. За это время он допустил целый ряд нарушений законности, чем серьезно скомпрометировал себя. В связи с этим обстоятельством в вышестоящие инстанции поступило множество жалоб и заявлений. Для их проверки на месте из Москвы в Узбекистан прибывает специальная комиссия, созданная по поручению министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова и первого зам. министра союзного МВД, зятя генсека ЦК КПСС Л. И. Брежнева Ю. М. Чурбанова. Через несколько дней напряженной работы комиссия в общем и целом справляется с поставленной задачей и выносит на рассмотрение вопрос об освобождении Х. Яшнарова от занимаемой должности. Осенью 1979 года министра внутренних дел республики Х. Яшнарова отправляют в отставку. На вопрос Ю. Чурбанова о том, кто будет назначен на вакантное место, Шараф Рашидов отвечает неопределенно и обещает подумать над этим.

Спустя некоторое время он едет в Москву по делам, где встречается и с руководителями МВД СССР. Неожиданно Н.А. Щелоков по рекомендации Ю. Чурбанова предлагает на пост министра кандидатуру К. Эргашева, работавшего на тот момент начальником УВД Кашкадарьинской области, характеризуя его как молодого, перспективного генерала (кстати, в это время К. Эргашев

обучался в Москве на курсах повышения квалификации Академии МВД). Подбор кандидатуры на пост силового министра без согласования с руководством республики, естественно, настораживает Рашидова. Но он не подает виду и соглашается с предложенной кандидатурой, да иного выхода и не было.

Расклад был очевиден: Ю. Чурбанов — обласканный зять Брежнева, Щелоков — ближайший соратник Леонида Ильича по работе в ЦК КП Молдавии. Этой аурой родственно-клановых отношений было пропитано все вокруг, и не считаться с этим было просто невозможно. Рашидову только оставалось надеяться, что "новобранец" справится со столь сложным участком.

На посту министра К. Эргашев начал свою деятельность с отстранения от дел тех, кто работал с Х. Яшнаровым. В этом он, конечно, полагался на поддержку руководства союзного МВД. Сотрудники, предчувствуя надвигающееся увольнение, написали жалобу на К. Эргашева в ЦК Компартии Узбекистана. Ш. Рашидов приглашает К. Эргашева к себе с тем, чтобы предложить последнему померить пыл и не пороть горячку, так как любая суeta в кадровом вопросе всегда чревата последствиями, поэтому желательно сохранить наиболее опытных и компетентных специалистов, ведь первоочередная задача министерства — борьба с преступностью, охрана государственного и личного имущества граждан, соблюдение законности и защита прав и законных интересов членов общества, а не сведение мелких личных счетов под видом кадровой перестановки.

К тому времени уже назревал скрытый от посторонних глаз конфликт между К. Эргашевым и Л. Мелкопяном. Сведение личных счетов и борьба амбиций. Во-вторых, корнями этот конфликт уходил в давнее соперничество, почти вражду между руководствами силовых министерств бывшего Союза.

Справедливости ради следует отметить, что именно в описываемый период были изданы правительственные указы и постановления, направленные на поднятие авторитета и поддержание престижа работников милиции. Значительно улучшилось и их материальное положение.

В самом начале своей карьеры в должности министра внутренних дел К. Эргашев поддерживал относительно лояльные отношения с Мелкопяном. Однако довольно скоро в окружении нового министра появились "доброжелатели", которые приспособились поставлять председателю республиканского КГБ всякую проверенную и непроверенную информацию, касающуюся нового министра. Мелкопян был мастером "аппаратных игр", к тому же не утруждал себя проверкой доносов и поисками правды, а скорее то-ропился довести все услышанное до сведения первого секретаря, само собой разумеется, с личными комментариями.

К. Эргашеву становится известно о том, что на него ведется сбор компромата. Понятное дело, министр не собирался сидеть сложа руки. Узнав о том, что ведутся серьезные процессуальные действия в отношении близкого к Мелкопяну человека, он распоряжается срочно собрать данные об этом. Кроме того, еще одно близкое Мелкопяну лицо работало начальником республиканской мебельной базы, в органы поступало много сигналов о его не совсем безупречной в смысле законности деятельности. К. Эргашев держит под личным контролем прохождение материалов и не упускает случая докладывать подробности Центру. Войну компроматов подхватил Мелкопян: он устанавливает оперативную слежку за приближенными к К. Эргашеву лицами, замешанными в манипуляциях с перепродажей бензина.

Борьба амбиций между первыми лицами двух правоохранительных ведомств разгоралась. В Центр полетели доносы, рапорты, докладные, целые потоки не всегда правдивой информации.

Вот в такой напряженный, противоречивый период Ш. Рашидов рекомендовал мою кандидатуру на пост заместителя министра внутренних дел республики. Меня одолевали сомнения, но первый секретарь заверил меня, что все будет нормально, а в случае каких-либо трудностей я могу обращаться непосредственно к нему самому. Действительно, он не оставил министерство без внимания, регулярно интересовался общей обстановкой, кадровыми вопросами. Рашидов был крайне недоволен бли-

зорукостью, неспособностью К. Эргашева видеть дальше своего носа, а также его попытками решать кадровые вопросы через голову первого секретаря, с Москвой. Не меньшее раздражение у Рашидова вызывали и интриганство, мстительность Яшнарова и Мелкопьяна.

Примерно за год до ухода с должности, К. Эргашев показывал мне копии оперативных материалов на людей из ближайшего окружения Мелкопьяна. К сожалению, тогда, благодаря заступничеству Рашидова, этим материалам не был дан ход. Мне не хотелось бы гадать о том, как развивались бы события, поступи он тогда иначе.

В сентябре 1981 года я был командирован в Москву для обучения в Академии внутренних дел. Так я попал на прием к министру Н. Щелокову. После общепринятых в подобных случаях расспросов Щелоков поинтересовался, почему я не в ладах с министром. Интересно, откуда ему стало известно о моих довольно прохладных взаимоотношениях с К. Эргашевым? Вот уж действительно, земля слухами полнится. Я коротко доложил ситуацию, стараясь быть объективным. Выслушав меня, министр спросил: "А что там за возня с Х. Яшнаровым идет?" Я никогда не был склонен ни слушать, ни передавать непроверенную информацию, проще говоря, сплетни — не моя стихия, тем более если дело не касалось меня лично. Я ответил, что ничего о грызне между К. Эргашевым и Х. Яшнаровым или кем-либо еще не знаю. Потому что, с моей точки зрения, конфликт между бывшим и действующим министрами, куда был втянут и шеф комитета безопасности, больше носил личный, частный характер. Это прежде всего была война, объявленная уязвленным самолюбием одного и жадной самоутверждения другого. Больше всего удручало то, что эти умные, в общем-то, люди, не выдержали испытания властью: один — утратив ее, другой — получив должность, первым делом принялись сводить счеты друг с другом. Им не удалось подняться выше собственных интересов и мелочных обид, а компромат по служебной линии в жалобах того и другого, скорее всего, был лишь наиболее удобным средством мести. Служебный долг, офицерская честь как бы перестали для них существовать.

Я считал абсолютно неприемлемым для себя обсуждать в кабинете союзного министра все детали и в выяснении отношений между руководителями двух "силовых" министерств нашей республики. Неожиданно Щелоков задал вопрос, который вроде бы не имел отношения к теме нашей беседы: "Ведь Мелкопян армянин, да?" Я сказал, что возможно, но точно не знаю. Министр недоброжелательно говорил о протекционизме Мелкопяна, который устраивал своих родственников и земляков в наиболее престижные и доходные торговые точки. А в конце добавил: разве в республике нет подходящего узбека, чтобы возглавить безопасность? Было ясно, что Мелкопян каким-то боком успел неосторожно задеть и верхи союзного МВД, если министр так акцентирует внимание на его персоне. А источник сведений, понятное дело — К. Эргашев. Но я не подал виду и сказал, что это решать центру.

Обстановка в министерстве все накалялась. За время моей служебной командировки К.Эргашев опять отстранил от работы ряд прежних сотрудников. Наши отношения испортились окончательно. Чтобы предостеречь К. Эргашева от нового опрометчивого шага, я решил высказать ему свое мнение о некорректности его позиции по вопросам назначения или увольнения кадров в обход руководства республики и что в случае продолжения подобной практики я буду просто вынужден поставить в известность об этом руководство республики.

К моему глубокому сожалению, наступил момент, когда мне пришлось все-таки пойти на прием к Ш. Рашидову. Внимательно выслушав мой доклад о рокировках в министерстве, первый секретарь сказал:

— Никто не говорил, что будет легко. Мы тебя направили туда именно из-за трудностей. Я вижу и прекрасно понимаю, что обстановка в министерстве сложная, но не думал, что ты так быстро сдашься. Исходя из своего опыта, скажу: нельзя позволять обстоятельствам сломить тебя. Терпение и выдержка — вот что главное. Продолжай работу, а мы тебя поддержим.

К моему возвращению в министерстве, оказывается, уже знали, что я был у Рашидова. Не успел я войти в свой

кабинет, как зазвонил внутренний телефон. Я взял трубку. Это был К. Эргашев. Ему уже стал известен мой визит "наверх", чем он был явно недоволен. Я не собирался оправдываться. Эргашев попросил меня зайти к нему в кабинет. Состоялся трудный для нас обоих откровенный разговор. Я без обиняков выложил все, что думаю о его действиях, особенно о его кулуарной "дружбе" с Щелоковым и Чурбановым. В конце нашего разговора К. Эргашев попросил, чтобы все осталось между нами. Его отношение ко мне после этого несколько изменилось.

Тем не менее благодаря стараниям К. Эргашева в Центре меня не жаловали. Уже длительное время под разными предлогами задерживали присвоение мне звания полковника. На очередном собрании актива МВД присутствовал и первый секретарь республиканского ЦК. По окончании актива Рашидов отозвал министра и меня в сторонку и сказал, что очередные звания следует давать своевременно, без задержки и волокиты, чтобы не возникало ситуаций, когда в подчинении у подполковника находится полковники и генералы. Он дал понять К. Эргашеву, что ждет от его руководства соответствующего распоряжения и не намерен мириться со своеволием союзного министра, есть и более высокие инстанции.

После этого разговора прошло дней десять и меня повысили в звании.

Смена руководства страны, в том числе и силовых ведомств привела к усилению одних кругов и "закату" других.

Прошла волна "чисток" кабинетов от неугодных кадров. Для Мелкопьяна было настоящим подарком возвышение Ю. Андропова, а для их оппонентов начался период опал и наказаний за грехи настоящие и мнимые.

Пост союзного министра внутренних дел занимает некто Федорчук. На должность первого зама, которую ранее занимал Чурбанов, получает назначение давний друг Мелкопьяна — зам. Пред. КГБ СССР по кадрам Лежнепов. Новая команда начинает свою деятельность с кадровой чистки под лозунгом "нет щелоковцам и щелоковщине в органах МВД". Как и случается всегда при подобных кампаниях, под шумок борьбы с "телефонным

правом”, кумовством и круговой порукой из органов было уволено и немало по-настоящему компетентных, опытных, высокопорядочных работников, по тем или иным причинам пришедшихся не ко двору новым шефам. В конечном счете, вся эта кампанейщина крайне негативно отразилась на деятельности министерства.

Рассказывая о событиях тех лет, необходимо учитывать и общую социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию, сложившуюся тогда в такой огромной, многонациональной стране, как бывший СССР, по занимаемой территории равной одной шестой части суши нашей планеты. На фоне агонизирующей системы, нахваливаемой десятилетиями как образец “развитого социализма”, который должен плавно перейти в коммунизм, — пыталась выжить любой ценой казавшаяся такой незыблемой, такой бесспорной гегемония КПСС, почти закономерно обретая при этом форму тоталитарной диктатуры. История имеет обыкновение повторяться. Кампания массовых “чисток” в застойные 80-х является, как и предыдущие, очередным подтверждением этой аксиомы.

Думается, сегодня уже едва ли найдутся не согласные с историческим фактом, что оказываясь перед лицом экономического, политического, идеологического, социального и прочих кризисов, большевистские власти каждый раз решению наболевших проблем предпочитали поиски врага, и эти поиски всегда вызывали аналогии со средневековой “охотой на ведьм”. Не важно, враг внешний или внутренний, главное — найти “козла отпущения” и бросить клич “Ату его!”, чтобы народ не успел даже задуматься о причинах возникновения кризиса, не задавался вопросами: “Почему” и “Что делать?” Впрочем, большевики никогда не употребляли термин “кризис”, категорически игнорируя саму возможность возникновения какого бы то ни было кризиса при социализме, и предусмотрительно обходились словосочетанием “временные трудности” (не имело значения был ли это голод или разруха, бедствия трудящихся масс, разгул преступности, информационная изоляция, отсутствие гласности, скрытый расизм, дискриминация по национальному

признаку, коррупция, товарный дефицит, длинные очереди за всем и вся и т. д. и т. п.)

Тогда, в начале 80-х, Советы и проповедуемая ими коммунистическая идеология столкнулись с наиболее серьезным кризисом за всю свою историю. Почти полвека уже не было никаких войн с внешними врагами, был позади послевоенный восстановительный период, казалось, пора, пора уже наступить долгожданному всеобщему благоденствию, тем более что другие воевавшие и даже поверженные в последней войне державы процветали. И лишь в стране-победительнице, несмотря на бравурные речи первых лиц с высоких трибун, досрочное выполнение и перевыполнение ударных пятилетних планов, громкие достижения в космонавтике, науке, спорте и другие величайшие (действительные или мифические, "дугие", в идеологических интересах конечно) успехи, наступление хорошей жизни почему-то задерживалось.

Вместо всеобщего счастья в разных регионах нашей огромной страны, от Москвы до самых до окраин, как пелось в популярной патриотической песне, стали возгораться очаги конфликтов на межнациональной почве (Сумгаит, Карабах, Фергана, Абхазия и др.) с трагическими последствиями, участились аварии и катастрофы в воздухе, на воде, на суше с большим числом человеческих жертв и разрушений.

Помимо межнациональных конфликтов, стихийных бедствий и катастроф, вызывало тревогу и то, что именно в 80-е годы преступность стала обретать новые, такие опасные свойства, как консолидация преступной среды на межрегиональной основе, коррумпированность и использование преступниками легальных структур, сращивание уголовного мира с нечистоплотными представителями аппарата власти и управления, в том числе правоохранительных органов, дискредитация и устранение (иногда даже физическое) неугодных и неподкупных людей, составляющих цвет нации.

Все это не могло пройти бесследно, не задев сознание и сердца миллионов простых советских людей. Люди беспокоились, задумывались над причинами, задавали вопросы. Тоталитарному режиму ни к чему были эти де-

баты и разброд в умах, режим привычно предпочитал повелевать инертными, безгласными массами. Административно-командная система, не допускающая не то чтобы критики, но даже тени сомнения в правоте власти, оказалась чрезвычайно выгодной для партийной бюрократии. Чтобы возвести в почти божественный ранг саму себя, партийная бюрократия не только вооружилась изощренной демагогией (вроде того, что она вовсе не бюрократия, а плоть от плоти авангард пролетариата, а затем — всего народа, слугой которого она якобы является), но и создала и всячески пестовала всесильную карательную машину и дала ей в руки карательное законодательство, которое позволяло объявлять преступлением любые действия и любые помыслы, идущие вразрез с марксистскими догматами.

Вот откуда идут корни прогремевших на весь мир “узбекского” и “хлопкового” (а также многих других с территориальной, этнической, отраслевой привязкой по всему Союзу) дел, они зародились и стали набирать обороты благодаря почти животному инстинкту выживания партийной бюрократии, ее ненасытной жажде власти, неумемному желанию сохранить во чтобы то ни стало тотальный контроль над судьбами народов, которым заведомо была отведена роль “младших братьев”, управляемых из могучего Центра. Власти пустили в ход испытанный способ, мобилизуя общественное сознание и силовые структуры на “бескомпромиссную войну” с мафией и коррупцией, взяточничеством и приписками, в общем-то справедливую и необходимую, наверное, в тот момент войну, но стараясь как всегда “убить двух зайцев”.

При этом не забыли пальцем указать место нахождения “врага”, тормозящего наступление коммунизма. Так, вслед за корейцами, крымскими татарами, турками-месхетинцами, калмыками, немцами Поволжья и другими, зачисленными советской властью в “неблагонадежные” народы, в 80-е годы “врагом № 1” социалистических завоеваний был объявлен узбекский народ, поголовно окрещенный нацией воров, расхитителей и взяточников, а Узбекистан, следовательно, территорией локальной борьбы с мафией и коррупцией.

К несчастью, провокационный демарш "красного центра", вылившийся, по сути, в попытку возродить в Узбекистане "бериевщину" со всеми вытекающими из этого последствиями в назидание остальным субъектам, входившим тогда в "союз нерушимый республик свободных", не встретил никакого противодействия в республике.

Наоборот, давняя и к тому же плохо скрываемая грызня между К.Эргашевым и Яшнаровым, мелочное соперничество и склоки между ключевыми фигурами оказались только на руку сценаристам "узбекского" дела и способствовали беспрепятственной раскрутке новой авантюры. Но и здесь не обошлось без специфических особенностей, как всегда, сказывались межведомственные интриги. В ходе кадровой чистки более всего пострадали сотрудники органов МВД.

В числе первых жертв спланированной Центром провокации, нацеленной на дискредитацию Узбекистана, оказался начальник управления внутренних дел Бухарской области А. Дустов. О нем было известно, что он в свое время 10 лет бок о бок работал с министром К. Эргашевым и на ответственный пост был назначен по его личной рекомендации. Начальник областного ОБХСС А. Музаффаров, начальник областного ГАИ О. Тураев также в прошлом какое-то время работали вместе с министром в пору его службы в Кашкадарьинской области. За ними была установлена оперативная слежка, которая опекала каждый их шаг, их телефоны поставили на круглосуточное прослушивание. Из данных оперативной слежки и прослушивания выясняется, что А. Музаффаров имеет далеко не бескорыстные контакты с работниками сферы торговли. Оставалось только дожидаться удобного случая, чтобы произвести арест с поличным.

И такой случай не заставил себя ждать. К А. Музаффарову подослали специально подготовленную молодую женщину. Весенним днем 26 апреля 1983 года она прибывает из Ташкента в Бухару. 27 апреля она идет на прием к А. Музаффарову с просьбой оказать помощь по личному вопросу и как бы в благодарность за услугу вручает ему 1000 рублей, предварительно обработанные специальным порошком. А. Музаффарова как будто что-то тре-

вожит, но алчность, жажда легкой наживы заглушают голос разума, и он берет деньги. Прибывшая из Ташкента следственная группа могла задержать А. Музаффарова в его кабинете с поличным. Но задержание откладывается, так как следствие больше заинтересовано в обнаружении содержимого его домашних тайников.

Музаффарова взяли прямо из машины, когда он в сопровождении водителя возвращался к себе домой в Ромитанский район. Группа задержания в составе ташкентских и бухарских оперативников, проведя обыск на месте, обнаружила помеченные спецкраской деньги. Музаффарова вместе с водителем увозят в областной центр и запирают в изоляторе УВД, в это же время в доме задержанного проводится обыск. Найденные ценности послужили предлогом для проведения подобного рода операция в более широких, почти беспрецедентных масштабах по всей республике.

Здесь не из предвзятости, а исключительно истины ради, я хотел бы уточнить для лиц, не посвященных в специфику следственных процедур, что дела о расхищении социалистической собственности, служебных злоупотреблениях, взяточничестве, правонарушениях, совершенных местными гражданами, никогда не входили в юрисдикцию КГБ, ими по закону должны заниматься органы прокуратуры. Но кто же станет обращать внимание на подобные "мелочи" в тоталитарном государстве, где абсолютно все — экономика, общественные и межличностные отношения, даже наука и искусство было подчинено идеологии правящей верхушки, где вопреки здравому смыслу балом правили не дух и буква закона, а политика и политиканство, именуемые ранее "революционной целесообразностью". О масштабах и уровне значимости операции свидетельствовало и то, что в Ташкенте ход дела координировал глава республиканской безопасности Мелкопян, а в Москве оно находилось на личном контроле Андропова.

Следователи "поработали" с Музаффаровым весьма основательно. Ему день и ночь вдалбливали, какое тяжкое преступление он совершил, какое страшное наказание его ожидает, как все это отразится на членах его

семьи, однако, добавляли следователи, он может искупить свою вину, если согласится сотрудничать со следствием, это ему зачтется в суде. Чтобы спасти свою шкуру А. Музаффаров начинает давать обвинительные показания против первого секретаря обкома партии А. Каримова, министра внутренних дел К. Эргашева, начальника областного УВД А. Дустова, бывшего начальника областного УВД М.С. Норова и его заместителей. Более того, не задумываясь о последствиях, которые могут иметь подобные, в большинстве своем надуманные, показания для упомянутых лиц, А. Музаффаров подписывает продиктованный ему документ о даче взяток целому ряду ему лично мало знакомых ответственных работников, неугодных Мелкопьяну. За какую-то неделю-другую производится череда громких арестов. Задержаны и взяты под арест А. Дустов, работники ОБХСС области Б. Гаффаров (который, не будучи никогда знаком со мной лично, под давлением следователей показал, что якобы давал мне взятку), Н. Джуманов, председатель РАПО Бозоров, председатель облтехснаба Бухары Д. Шарипов и другие.

Аресты не ограничиваются Бухарой. Чекисты открывают "второй фронт" уже в столице республики. В июне 1983 года был задержан заведующий одним из подразделений Ташкентской областной бензоколонки С. Закиряев. Уже по наработанной схеме с него снимают показания против К. Эргашева, А. Мадаминаова и других должностных лиц. Следует арест с соответствующей шумихой и обязательными обысками в кабинете и в доме задержанного, которые в общем-то кончаются ничем: никаких миллионов или припрятанных драгоценностей не находят. Следует сразу оговориться, что Анвар Мадаминнов был полностью оправдан и восстановлен в системе МВД. Я был искренне рад, что ему вернули доброе имя. Рад и за его близких, в первую очередь супругу, женщину мужественную и верную. Несмотря на отсутствие вещественных улик и откровенную слабость доказательной базы, поддерживаемый Андроповым Мелкопьян не прекращал повальные аресты работников правоохранительных органов.

Я неспроста так подробно остановился на деталях “бухарского дела”. А. Музаффаров был пойман с поличным, и ценности, изъятые из его дома, и свидетельские показания доказывали его вину. Жажда наживы, власть, которую Музаффарову давал занимаемый им высокий пост, потеря бдительности руководством МВД и окружающими Музаффарова людьми сделали возможным совершение тяжкого преступления. Он забыл о служебном долге и чести, в результате оказался на одной стороне барьера вместе с преступными элементами, против которых был призван бороться. Его нечистоплотность легла позорным пятном на органы внутренних дел, вызвав новую волну акций, умышленно направленных на дальнейшую дискредитацию всей милиции.

Именно случай с Музаффаровым в определенной степени был взят следователями в качестве отправной точки, как некий шаблон по делам о взяточничестве. В последующих арестах следователи уже не утруждали себя ни анализом оперативных данных, ни сопоставлением поступаемых сигналов с реальными фактами, ни тем более поисками доказательств: зачем искать, если есть пример с Музаффаровым? Значит, и все остальные заведомо не лучше его. Набросав для себя нехитрую схему и прикинув на глаз, с кого сколько (по служебному рангу, по званию) миллионов предположительно можно “получить”, главные усилия направили на массовые аресты. С задержанных всеми правдами и неправдами выбивали интересовавшие следствие, а при необходимости — даже ложные, показания, после чего все подгонялось под заранее составленную схему. Не последнюю роль в фабрикации и раскрутке “бухарского”, “узбекского” и “хлопкового” дел сыграл Мелкопян. Его сотоварищи по инициированию “узбекского дела” Гдлян и Иванов позднее с пафосом напишут в своей клеветнической книге “Кремлевское дело”, что Л. Н. Мелкопян за свою деятельность подвергся гонениям со стороны Ш. Рашидова и даже “сослан” в Чехословакию, что Ш. Рашидов также приложил руку к отстранению от должностей первого заместителя Мелкопяна и других. Что опять же является домыслом Гдляна и Иванова, потому что в те годы и в той ситуа-

ции первый секретарь республиканского ЦК при всем желании не мог влиять на кадровые перестановки в системе госбезопасности, напрямую подчиненной Москве и непосредственно Андропову. На самом деле Мелкопян был отстранен от занимаемой должности в связи с наличием серьезных следственных материалов на ближайших к нему людей, что несомненно бросало тень и на его репутацию.

У ИСТОКОВ “БУХАРСКОГО ДЕЛА”

Счастье приносит друзей,
а несчастье их проверяет.

С. Цвейг

6 июня 1983 года по поручению министра внутренних дел СССР Федорчука из Москвы в Ташкент прилетел начальник управления по кадрам, генерал-майор И. Мельник. В аэропорту он сказал:

— Вчера вечером арестован начальник УВД Бухарской области А. Дустов. Завтра я вылетаю в Бухару, а вы вместе с министром должны подобрать на замену подходящую кандидатуру.

Здесь надо объяснить, почему “узбекское” дело начали с Бухары. В Бухарском УВД работали земляки К. Эргашева и близкие ему люди — Дустов, Тураев и другие, занимавшие ключевые посты. А попали они туда из Кашкадарьи по рекомендации К. Эргашева, который до того как занял пост министра, тоже работал в Кашкадарьинском УВД. Кроме того, первый секретарь обкома партии Бухарской области был родом из Кашкадарьи и тоже поддерживал своих земляков. Становится ясно, что самый близкий путь, чтобы выйти на Эргашева, вел в Бухару. Мелкопян этим хотел убить двух зайцев: устранить К. Эргашева с первым секретарем обкома и через них выйти на руководство республики. И надо сказать, что осуществление этого плана проходило успешно.

8 июня И. Мельник прилетел из Бухары. Оказывается, он лично участвовал в обыске, который устроили

следователи в квартирах Р. Шамсиева, В. Мулина, Р. Тураева. Там нашли тысячу рублей, много водки и коньяка.

Несмотря на позднее время, мы в тот день ознакомились с личными делами восьми кандидатов на место А. Дустова. Но ни одна кандидатура не устроила И. Мельника. Он сказал: “Желательно, чтобы это был молодой, энергичный, инициативный работник”. Я предложил трех человек. Это были руководители отделов внутренних дел Ташкентской, Наманганской и Сырдарьинской областей. Министр также поддержал эти кандидатуры. Однако вышестоящие организации сочли их “слишком молодыми” и сказали, чтобы мы искали ещё. На следующий день утром в кабинете министра мы опять встретились с посланцем Центра. Эргашев предложил кандидатуры заместителей министра внутренних дел В. Селиверстова и Н. Ибрахимова. Эта идея понравилась И. Мельнику. Эргашев сразу же связался с Ш. Рашидовым и попросил принять нас и московского гостя для утверждения кандидатуры на должность начальника управления внутренних дел Бухарской области.

Мы зашли на прием к первому секретарю. По его внешнему виду чувствовалось, что события в Бухаре сильно повлияли на Рашидова. Первый секретарь просмотрел два личных дела и сказал:

— Я не согласен. Пусть они работают на своих местах. — И стал критиковать руководителя Бухарского областного комитета партии. — Почему это А. Каримов, исходя из корыстных местнических целей, взял на работу своего земляка? Ведь и А. Музаффаров, и А. Дустов — его соседи! Неужели в Бухаре или в других областях не нашлось хороших, добросовестных работников? В этом есть и ваша вина, — на этот раз первый секретарь обратился ко мне. — Почему Вы не сказали об этом заведующему отделом административных органов ЦК или мне?

Я попытался объяснить:

— А. Музаффаров был принят на работу до меня. Вопрос о назначении А. Дустова решался при участии Щелокова и Чурбанова, когда я учился в Москве. Обо всем этом в свое время я информировал заведующего отделом.

Первый секретарь сказал Эргашеву:

— Да, что-то нехорошо получается. Мелкопян превысил свои полномочия. Он оказался из тех людей, которые не помнят добра. Похоже, он ступил на путь сговора с нашими местными “обиженными”. — Он обратился непосредственно к нам: — Вы зайдите к председателю парткомиссии Олдже Отакулову, еще раз просмотрите документы, касающиеся Мелкопяна, потом скажите мне свое мнение.

Ш. Рашидов простился с нами довольно сухо. Недовольство первого секретаря было обоснованным. Министр попросил меня еще раз ознакомиться с личными делами кандидатов, рекомендованных на должность начальника управления внутренних дел в Бухару.

Вечером я занес к министру личные дела десяти кандидатов, и среди них начальников управлений внутренних дел Андижанской и Навоийской областей Г. Рахимова, Т. Хайтова. В кабинете министра я вновь встретился с И. Мельником. Мы вместе рассмотрели кандидатуры. Я предложил Т. Хайтова и Г. Рахимова.

Министр пошутил:

— Г. Рахимов — земляк Таштемира Худойбердиевича.

Но И. Мельник не обратил внимания на эту “шутку”. Эти кандидатуры устраивали его тем, что тут не пахло местничеством, и кроме того, они были действительно людьми достойными. Но так как Хайтов только два месяца назад был назначен начальником Навоийской областной милиции, то по нашей рекомендации в Бухарскую область должен был ехать Рахимов. Его кандидатуру поддержал и первый секретарь.

Но Рахимов попросил, чтобы его не отправляли в Бухару, поскольку его престарелые родители нуждались в его помощи и опеке. Г. Рахимова можно было понять. В то время Бухара, образно говоря, была “объята пламенем”. Он давал себе отчет в том, какая тяжелая ответственность ложится на его плечи.

12 июня И. Мельник, видимо, по поручению министра внутренних дел СССР, отправился на встречу с Мелкопяном. Он вернулся около 8 часов вечера в плохом настроении, и мы пошли к Эргашеву, где узнали,

что А.Музаффаров в своих показаниях упомянул кого-то из работников министерства. На следующий день Мельник перед отлетом в Москву поручил нам в кратчайшие сроки освободить заместителей начальников управлений внутренних дел Бухарской области и при назначении новых должностных лиц исключить местничество.

Через неделю он вновь прилетел в Ташкент. Закрывшись вместе с ним в кабинете Эргашева, мы долго обсуждали вопрос о недостатках, допущенных в работе, и о необходимости смены руководящих кадров. После обеда московский посланец отправился в КГБ. Вернулся очень поздно и, войдя в мой кабинет, спросил:

— Таштемир Худайбердиевич, можно задать вам один вопрос? В каких отношениях вы были с А. Музаффаровым?

Мне пришлось посвятить московского гостя в нашу кухню. На Музаффарова поступало много жалоб, но я не был знаком с ним лично, его деятельностью в основном занимался В. Селиверстов, а лучше всех о нем знал Г. Давыдов, приказом министра курировавший Бухарскую область.

Тут Мельник сказал фразу, от которой меня бросило в жар:

— Музаффаров написал в своих показаниях, что давал взятки министру и Норову. А вам через Шамсиева передал взятку от некого Гаффарова. Видимо, он был очень напуган тем, что при обыске в его доме обнаружено материальных ценностей на два миллиона рублей. Поэтому, когда на него “нажали”, чтобы он написал соответствующие показания на нужных лиц, он исполнил это беспрекословно. Но пусть этот разговор останется между нами.

Как прикажете вести себя, если в твой адрес звучит явная клевета? Я хорошо знал о том, что некоторые нечистоплотные люди подружились с Мелкопяном. Но то, что я будто бы объединился с Эргашевым, было ложью. Мельник, оказывается, знал о том, что меня хотят опорочить. Он также знал, что организована целая клеветническая кампания против Эргашева, меня и других. Вместе с Мельником мы зашли к министру. Оказывает-

ся, Эргашев знал об этом давно. Стоило московскому гостю заикнуться о Музаффарове, как министр перебил его и с жаром сказал:

— Я в курсе всего. Пытая Музаффарова и Дустова, они добились клеветнических показаний против меня. Вообще у нас с ним были нормальные отношения. Но те “обиженные”, которых я снял с должностей, и Яшнаров способствовали тому, чтобы между нами “пробежала черная кошка”. Ладно, пусть они возводят клевету на меня. Но я никогда не поверю в их измышления относительно Таштемира Худайбердиевича. Кахраманов даже не был лично знаком с Музаффаровым и Р. Шамсиевым. За месяц до ареста Кахраманов отправил работников инспекции для проверки работы Музаффарова, потом объявил ему выговор. Если бы речь шла о других работниках, то, может быть, я бы еще засомневался, но ведь они возводят клевету на Кахраманова! Кому-то наруку было противостояние Эргашева и Кахраманова. К сожалению, я был не прав по отношению к своему заместителю. Поэтому я прошу вас ознакомиться с компрометирующими материалами на близких Мелкопьяна, который под всех копает, хотя и сам не без реха. — сказал министр.

В тот момент, когда Мельник знакомился с документами, Эргашев, несмотря на свою подавленность (ведь сторонники Мелкопьяна и Яшнарова торжествовали “победу”, а некоторые из его заместителей поддерживали их) держался с достоинством.

После этого Мельник уехал в Москву, а 22 июня снова прибыл в республику. Войдя в мой кабинет, он сказал, что был на приеме у Рашидова, а потом имел телефонный разговор с министром внутренних дел Союза, и по договоренности с заместителем по кадрам (другом Мелкопьяна) Лежепевым они пришли к выводу о необходимости освободить меня от занимаемой должности.

ЦК КП Узбекистана рекомендовал меня на работу в Андижан вместо Рахимова. Однако Лежепев, руководствуясь ложными показаниями Музаффарова, выступил против.

Хочу обратить внимание читателей на то, что, хотя моя вина не была установлена законом, мне заочно уже выносился приговор.

Буквально через неделю после моего незаконного отлучения от должности я был вызван заведующим административным отделом республиканского ЦК. Он выразил сожаление по поводу случившегося, сказал, что Андропов посвящен в дела Музаффарова, Дустова, Мадаминова и держит их под контролем.

— Раньше я предлагал вашу кандидатуру на должность начальника внутренних дел Андижанской области, но ситуация изменилась, и я вынужден подчиниться обстоятельствам...

Наутро я вместе с ближайшим другом отца Абдулхаем Таировым встал во главе поминального обряда по случаю двадцати дней со дня смерти его отца. По иронии судьбы те люди, которые клялись в верности чуть ли не до гроба, обходили меня стороной. Черная молва всегда распространяется со скоростью света, и благополучные, благопристойные люди предпочитают сторониться людей гонимых, неугодных. Мне сполна пришлось испытать это на себе. Предательство людей, которых я считал близкими друзьями, ранило очень сильно. На память пришли слова отца:

— Сынок, истинных друзей немного: когда на твою долю выпадают жизненные испытания, то люди, прежде поклонявшиеся тебе, идут на службу к твоим врагам.

Действительно, когда я выходил на улицу, то вчерашние "друзья" шарахались от меня в сторону как от прокаженного или изменника Родины. К сожалению, так относились не только ко мне, но и ко всем моим родственникам и членам моей семьи.

Истина о том, что нельзя зарекаться от тюрьмы и от сумы, еще раз подтвердилась моей судьбой. Оказалось, что достаток, связи, должности — вещи преходящие. И те люди, которые отвернулись от вас в дни гонений, а после вашего оправдания вновь кинулись к вам в объятия, являются своего рода индикаторами "общественного мнения". Но тот опыт, который человек вынес из тюрьмы, уже не позволяет покупаться на дешевые заверения в дружеском участии и сочувствии...

Я не обременял никого вопросами своего трудоустройства. И надо сказать, что и других это не заботило. Но вдруг в середине августа к нам домой позвонил Эргашев и сказал, что моей судьбой интересовался Ш. Рашидов.

— В ближайшее время он намеревался передать материалы следствия в прокуратуру Узбекистана и заново пересмотреть все дела.

В конце августа меня пригласил к себе Первый секретарь. Чувствовалось, что происходящее подкосило Рашидова. После приветствия я счел нужным признаться:

— Шараф Рашидович, моя совесть перед вами чиста. Не думайте обо мне плохо, все написанное — клевета. Придет время клеветники ответят за свои деяния.

Рашидов спросил:

— Где вы работаете?

— Нигде.

— Подойдите к Содикджону, он подыщет вам работу. А когда улягутся страсти, мы восстановим вас в вашей должности.

Потом я встретился с заведующим отделом ЦК С.Нижановым.

Он предложил мне несколько должностей. Я согласился работать директором Ташкентского полиграфического техникума. Надо сказать, что это было самое неблагополучное учебное заведение. И чтобы разрешить накопившиеся проблемы, я пошел в Министерство высшего и среднего специального образования. Меня принял министр. Мы были давними знакомыми, и Салим-ака попытался обнадежить меня:

— Все образуется, а пока мы будем оказывать вам всестороннюю помощь.

Пока же вернусь к событиям осени далекого 1983 года. В управлении кадров существовала инспекция по проверке заявлений, поступивших на работников милиции.

Проверка заявлений и жалоб была возложена непосредственно на инспекцию и меня. В случае нарушения закона инспекторами отвечать приходилось мне. С удовлетворением могу отметить, что большую часть этих ра-

ботников составляли люди честные и справедливые. Они чувствовали возложенную на них ответственность.

В то время число анонимок ежедневно доходило до 50—60, и бедным инспекторам приходилось день и ночь разбираться с ними.

Больше всего времени уходило на анонимки, написанные на начальников управлений внутренних дел: Фазылова, Сабирова, Норова, позже — Дустова, Норбекова, Мухаммадиева, Саттарова, а также на их заместителей и работников БХСС.

Я неоднократно обращался к министру Эргашеву:

— Поручите, пожалуйста, это дело кому-нибудь из своих заместителей, потому что я уже нажил себе много врагов.

— Вы знаете, что в нашем министерстве заниматься этой сферой ни у кого больше нет прав. Это ваша прерогатива! — отвечал министр.

И действительно, этой работой занималась только проверочная инспекция управления кадров. И судом, и следственными органами для работников милиции являлась проверочная инспекция. В итоге кто был самый плохой? Конечно же, проверочная инспекция!

Недаром говорят, что самым большим хищником на земле является человек. Работая в должности заместителя министра внутренних дел, я часто беседовал с теми, кто писал жалобы. Они обладали редким “даром” — очернить буквально все и всех. От работников инспекции требовались большая выдержка, опыт, интуиция, чтобы отличить белое от черного.

День ото дня нарастал поток анонимок на Эргашева. Большая часть из них уплывала в Москву, на имя Чурбанова и Брежнева. Они входили в разряд чрезвычайно серьезных “сигналов” для создания в Москве компетентных проверочных комиссий. Информацией о существовании подобных анонимок в Центр располагал сам министр, его заместитель по кадрам (т.е. автор этих строк), отдел административных органов и парткомиссия ЦК.

По материалам заведенного позднее уголовного дела, которое включало более 100 страниц и написано под дик-

товку Гдляна, меня охарактеризовали как сообщника Эргашева; О.Мухаммадиева и Т.Хаитова — как “приближенных” Кахраманова, людей, которые давали взятки Эргашеву и Кахраманову. Во время обысков, проводимых в их домах, находились подметные письма против Эргашева, меня и других. Подобные письма, направленные против Эргашева и написанные на имя первого секретаря, стали самыми знаменитыми анонимками в истории МВД Узбекистана, они в открытую преследовали цель смещения министра. Впоследствии они явились одним из поводов появления на свет “узбекского дела”.

Большинство анонимок, направленных против Эргашева и его замов, не подтвердилось. Результаты проверки свидетельствовали, что эти жалобы — дело рук “обиженных”, которые всеми средствами пытались добиться своей цели дискредитировать Эргашева и некоторых его заместителей. Групповщина, противостояние должностных лиц из-за каких-то незначительных разногласий могли нанести серьезный урон авторитету республики. В этом вопросе первый секретарь, со свойственной ему выдержкой, действуя мудро и смело, предпринял своевременные меры.

Компрометирующие Мелкопяна материалы, собранные К. Эргашевым, были отправлены в Центр высшему партийному руководству.

В своей полной фальсификациями книге “Кремлевское дело” Гдлян и Иванов дают высокую оценку деятельности Мелкопяна, который согласовывал свои действия поверх головы Рашидова со вторым секретарем ЦК компартии Узбекистана Л. Грековым. Авторы открыто признают существование “института партийного наместничества”, когда второй секретарь считался “глазами и ушами” ЦК КПСС. Он же курировал правоохранительные органы. Греков действительно как мог приспособливался к политике Рашидова, угодничал перед ним, но так и остался “залётной птицей”. Почувствовав с приходом Андропова новые ветры в политике, он тут же поспешил дистанцироваться от своего патрона и стал “держат нос по ветру”. “Этим и объясняется его благосклонное отношение к активизации усилий госбезопасности, согласие на проведение акции в Бухаре”.

Авторы пытаются представить организаторов “бухарского дела” чуть ли не героями. Путь предательства, наветов, доносов, избранный этими “героями”, широко практиковался самой следственной группой Гдляна-Иванова. Книга изобилует фактами, не подтвержденными в суде, показаниями, которые были добыты, как лицемерно написано в предисловии к книге, “нетрадиционными методами следствия”. Авторы не расшифровывают, что это значит. Но об этом могли бы сказать тысячи людей, у которых издевательствами, пытками, шантажом, путем психологического давления были получены “компроматы” на них самих или тех руководящих работников, которые по воле двух, засланных к нам временщиков и их вдохновителей и покровителей, должны были гнить в тюрьмах.

Это невозможно и нельзя предать забвению! Никакие исторические катаклизмы и тьма новых дел и забот, никакие возникшие границы не должны быть помехой справедливому воздаянию за зло. И потому заветным остается желание — наказать негодяев, которые огульно оскорбляли на весь мир наш народ, ошельмовали его. Я надеюсь своим повествованием приблизить наступление этого дня.

ПРЕМУДРОСТИ ТЮРЬМЫ

Чем трагичнее удел человека, тем более непреклонной и вызывающей становится надежда.

А. Камю

Самолет плавно приземлился в столичном аэропорту. Вот она, Москва, белокаменная красавица! Глядя вслед спешащим к выходу, чтобы поскорее увидеть Москву, пассажирам, я вдруг подумал, как живучи лозунги и идеологические трафареты, создаваемые официозной пропагандой. Только теперь я понял, что и сам долгое время находился во власти образа славного города Москвы, усвоенного еще со страниц школьных учебников. Но доставленный сюда под конвоем, я думал уже не об олим-

пиадах и фестивалях, не о “форпосте мира и социализма”, не о “крупнейшем научном и индустриальном центре”, а о тех закулисных играх и властолюбии кремлевской бюрократии, из-за которых в наши дома приходят разлад и несчастья. И каждый раз за репрессиями следует запоздалые реабилитации, оправдания и заверения в том, что “такое больше не повторится”.

Согласно внутреннему распорядку, конвой вывел меня из салона последним. На земле меня грубо затолкали в зарешеченный воронок, вплотную подогнанный к самолету.

В 5 утра по московскому времени меня куда-то привезли. Одёт я был очень легко. И то сказать, из Ташкента мы вылетали при 20—25 градусах выше нуля, а здесь температура была минус 2—3 градуса. Нас остановили у огромных железных ворот, охрана придирчиво и как-то нарочито долго проверяла документы сопровождающих. Я уже порядком замерз, от холода зуб на зуб не попадал. Впоследствии опытные заключенные объяснили мне, что это тоже было способом психофизического воздействия на арестанта. Загремели засовы и цепи, и наконец-то ворота открылись. Нас опять продержали с полчаса из-за каких-то формальностей. И вот мы оказались внутри здания. Оно не было похоже на тюрьму. Я решил, что меня привезли в одно из помещений прокуратуры СССР для очной ставки с Чурбановым. Совесть моя была чиста, никаких контактов с Чурбановым, которые могли бы заинтересовать следствие, у меня не было, наоборот, как я уже упоминал прежде, стараниями Чурбанова мне дважды объявляли выговор, поэтому я не беспокоился и был готов к откровенному разговору по фактам. И не просто к разговору, у меня имелись веские аргументы и доказательства.

Я строил догадки насчет ведомственной принадлежности здания. Стандартная архитектура, безликая казенная мебель, как в сотнях и тысячах других советских учреждений, только в воздухе носилось что-то тревожное. Вот появились две медсестры, попросили конвой снять с меня наручники. Пятерых конвойных, сопровождавших меня, сменили двое прапорщиков, которые препроводи-

ли меня в комнату в конце коридора. Выдали старую, заношенную тюремную одежду. Судя по застиранному и латанному-перелатанному виду до меня ее носила по крайней мере сотня арестантов. Ботинки оказались 45-го размера, я же носил сороковой. Однозначно: это была спецтюрьма.

Двое конвойных отвели меня в другую комнату. Один из врачей измерил мне давление, которое наверняка было высоким. После 4—5-часовой "мариновки" на морозе я был явно простужен. Врач распорядился, чтобы сестра сделала укол. Я не согласился. Я опасался последствий такой "заботы", поэтому, несмотря на болезненное состояние, отказался от укола. — Не бойтесь, — успокоил меня врач, — здесь не используют то, о чем вы думаете, примите тогда таблетку.

Меня поместили в "одиночку". Она отличалась от остальных камер: здесь был лежак, железный стол и табурет — все приварены друг к другу. Позже я узнал, что в этой камере обычно держали заключенных, приговоренных к высшей мере. В тюрьмах нередко случаи суицида заключенных, нервы сдают у многих. Поэтому надзиратели ежеминутно заглядывают в дверное окошко. Охрана несет службу круглосуточно, сменяясь в определенные часы.

Поместив в камеру смертников, обо мне "забыли" на целый месяц. Только мысли о Всевышнем и о моих родных были со мной в эти дни. Радио в камере не было предусмотрено, только ежедневно на десять минут давали газету "Правда". Угнетающий дух одиночной камеры, в стенах которой ждал своего последнего часа не один смертник, давил на сознание, все предметы здесь хранили печать безысходности и отчаяния.

Ровно через тридцать дней меня вызвал начальник тюрьмы Петренко. Трое конвоиров доставили меня в его служебный кабинет, отделанный со строгим шиком, как у высочайших чинов. Разрешив мне сесть, начальник представил свое заведение, не преминув при этом дать мне "дельный совет":

— Вы находитесь в знаменитом Лефортово. Я являюсь начальником этой тюрьмы. Советую вам доброволь-

но признать свою вину. В противном случае — заставим. Покончить с собой вам здесь не позволят. Упирайтесь ни к чему. Здесь все признают свою вину. Это не милицеское СИЗО. У нас кто угодно заговорит.

От советов Петренко постепенно перешел к угрозам. Продолжалось это довольно долго. Не чувствуя за собой вины, которую я должен был бы признать, я прервал его нотации:

— Я не преступник. Меня задержали по оговору из-за Чурбанова. А с ним я даже толком не знаком, не говоря уже о близких отношениях. Он любимый зять генсека, зачем ему такие, как мы? Знайте: меня арестовали необоснованно, поэтому прошу вас доложить руководству партии об этом.

На что последовал ответ:

— Именно партия и наводит сейчас порядок в стране. По поручению ее руководства идет борьба против взяточников и расхитителей. Мой вам совет — признайтесь. Мы хорошо знаем Гдяна. Он делает все, чтобы восстановить порядок в Узбекистане, очистить его от взяточников. И мы ему полностью доверяем. Только что он звонил из Ташкента. Сказал, что ваши преступные действия подтверждены свидетельскими показаниями. Лучше отправляйтесь в камеру и хорошенько обдумайте мой совет.

ЗАВУАЛИРОВАННАЯ ПОДЛОСТЬ

В тех случаях, когда до следователей доходили сведения о том, что обитатели СИЗО быстро нашли общий язык, сблизились между собой, незамедлительно принимались контрмеры — сокамерников рассаживали по разным отсекам.

Работало негласное правило, заведенное в местах заключения: подсаживать к непокорным, не поддающимся следовательскому диктату лицам, уголовников, рецидивистов со стажем, воров, убийц, насильников, мошенников, "стукачей". Такие "посаженцы" с благословения следователей терроризировали особо несговорчивых, устраивая в камере настоящий уголовный беспредел. По-

этому неудивительно, что заключенные послабее духом и телом ломались, становясь безвольной, послушной игрушкой в руках своих мучителей, выполняли любые инструкции следователей. Но мы не вправе судить их за это, ибо: не судите других, и не судимы будете. И нельзя, наверное забывать: у каждого человека свой индивидуальный порог прочности — и физической, и психологической, и моральной.

К заключенным по “узбекскому” и “хлопковому” делам тоже подсаживали таких. Их снабжали четкими инструкциями, информацией о личности “обрабатываемого”, советовали, к кому какие способы воздействия применять. Сколько людей по простоте душевной, подавленные оторванностью от дома, от близких, страдающие без привычного общения, наконец, попадались в эту ловушку, отдающую иезуитским душком. Они делились своими мыслями, изливали душу перед не в меру “общительными” соседями, нередко с их помощью совершали непоправимые ошибки, оказывались втянутыми в грязные провокации.

“Добровольных помощников” не раз и не два подсаживали и в мою камеру. Только их пребывание там обычно длилось недолго. Мой жизненный и профессиональный опыт позволял мне довольно быстро раскусить подобных людишек, и их скорее перебрасывали в другие камеры.

После месячного пребывания в одиночке меня перевели в другую камеру. Там уже было двое заключенных. Один из них представился Виктором Федоровым, другой — Сергеем Королевым. Первый назвался ученым, второй — экс-сотрудником посольства СССР в Англии. Я здорово намолчался за месяц одиночества, и теперь был рад хоть какому общению. Мы проговорили четыре часа кряду. Они интересовались, за что меня посадили, затем, как бы между прочим, заметили, что в этой тюрьме заключенные, чистосердечно признавшие свою вину, получают различные сроки, а не признавших ожидает расстрел. Однако спустя какое-то время некоторые повадки, вскользь произнесенные словечки сокамерников насторожили меня: мелькнула смутная догадка. Чуть поз-

же я уже не сомневался, что эти двое — гдьяновские “шестерки”. В последующие дни, они как бы жалея, дали мне “дружеский” совет, что самое лучшее, что можно сделать в сложившейся ситуации, — сотрудничать со следствием, а упрямство идет только во вред мне самому, так и придется носить до конца эту ветхую одежду. Сами мои “советчики” были одеты в спортивные костюмы с эмблемой западногерманской фирмы “Адидас”. Питались они присылаемыми из дома деликатесами. Ясное дело, это было вопиющим нарушением и гласных, и негласных тюремных правил. Говорю об этом потому, что негласный тюремный этикет предписывает заключенному делиться табаком, продуктами с сокамерниками. Мои же соседи уплетали “домашний паек” каждый в своем углу. При этом не забывали выдать мне очередную порцию “полезных советов”: “Если бы ты помогал следствию, тоже смог бы носить свою одежду. Разрешили бы принимать передачи с домашней едой. Ходят слухи, что арестовывают родственников тех, кто не признает вину. Ты тут характер показываешь, а невинные люди страдают из-за тебя. Разве это правильно?” Такое промывание мозгов устраивали многим. Некоторые ломались под давлением, но были и такие, кто изо всех сил сопротивлялся.

На одном из последних допросов следователь добивался от меня признательных показаний, размахивая перед моими глазами санкцией прокурора на арест моих детей, говорил, что жена моя умерла из-за меня, теперь вот пострадают дети.

Вдобавок ко всему, следователи заявили, что подбросили в дом моих родственников золото и драгоценности, изъятые у бухарцев, а затем арестовали всю их семью за то, что они якобы помогали мне в укрытии полученных взяток.

Следователи не уставали повторять: “Можешь жаловаться куда хочешь, хоть самому господу богу. Никто тебе не поверит. 30 человек показали, что ты брал взятки. А суду достаточно трех доказанных эпизодов, чтобы потянуть тебя на вышку. Суд будет считаться с нашим мнением. Потому что судьи тоже выполняют задание По-

литбюро ЦК. Милиция в Узбекистане занималась взяточничеством вместо того, чтобы бороться с преступностью. Не было никакого контроля за деятельностью работников органов внутренних дел. До сих пор вы абсолютно не считались с нами. Но теперь вы в наших руках”.

Моральный садизм, психологический прессинг традиционно входили в “джентльменский набор” следственных приемов функционеров из госбезопасности. Еще в СИЗО в Ташкенте, затем в Лефортово я написал шестнадцать жалоб в связи с применением следователями недозволенных методов и эмоционального давления. К сожалению, по абсурдным бюрократическим правилам документооборота жалобы для проверки фактов направлялись самим Гдляну и Иванову. Думаю, комментарии относительно результатов подобной “проверки” просто излишни. Поэтому я от них воздержусь и приведу подлинные свидетельства самих следственных работников, в разное время непосредственно участвовавших в расследовании так называемого “узбекского дела” вместе с Гдляном и Ивановым и не пожелавших мириться с противоправными действиями этой парочки. Выдержки из заявлений и рапортов, с которыми следователи в соответствии со служебным распоряжком обращались в вышестоящие инстанции, с разрешения компетентных органов были опубликованы в газете “Советская Россия” в № 120 (9971) от 25 мая 1989 года под общим заголовком “Таковы факты”. Вот свидетельство одного из больших чинов следственной службы бывшего Союза *А. Г. Жучкова*:

“...17 октября 1988 года в составе следственной группы следотдела КГБ СССР под руководством тт. Раца В.А. и Титова В.А. я приступил к работе по уголовному делу в отношении бывших членов ЦК Компартии Узбекистана. Узнав о порученной мне т. Титовым В. А. работе, Гдлян Т. Х. заявил, что усматривает в этом какую-то интригу и дело отдавать никому не намерен.

Гдлян Т. Х. пояснил, что все допросы производятся по его “методике”, суть которой сводится к получению прикрасных показаний, которые оформляются не протоколом, а заявлением о явке с повинной.

Это в свою очередь, в случае отказа от своих показаний, должно оградить следствие от обвинений в предвзятости, т. к. в подавляющем большинстве случаев в качестве доказательств преступной деятельности служат лишь показания ранее осужденных по другим уголовным делам лиц.

Более того, Гдлян Т. Х. заметил, что т. н. "среднеазиатская" взятка, по его мнению, отличается тем, что может быть дана "на всякий случай".

В моем присутствии 3 ноября 1988 года Гдлян Т. Х. признал то, что предпринимал "меры" против группы тт. Титова В. А. и Раца В. А., но делал это "ради интересов дела", после чего пообещал, что этого не повторится. Однако заявление Гдльяна Т.Х. вызывает сомнение по той причине, что, даже со слов заместителя Генерального прокурора СССР т. Васильева А.Д., Гдлян Т.Х. -неуправляем.

На основании изложенного свое дальнейшее участие в работе следственной группы Гдльяна Т. Х. считаю невозможным и прошу вас разрешить мне приступить к исполнению своих служебных обязанностей в отделе.

Д. А. Панфилов, ст. следователь отдела, майор юстиции.

"...На мой вопрос на одном из совещаний группы, почему следствие ведется беспланово, Гдлян ответил, что это новый метод, им придуманный, который он назвал "методом плавающих ножей", и от классических методов расследования взяточничества нужно отойти.

Если арестованный дает признательные показания и называет лиц, с которыми он был связан, тогда следователи получают такие протоколы, а если арестованный в отказе, это держится в тайне от следователей, но поступает от Гдльяна на место "спецзадание" — любым способом собрать аризы — "явки с повинной" на узбекском языке на такую-то сумму, чтобы арестованный после этого заговорил.

Так было по делу начальников Навоийского, Самаркандского, Хорезмского областных УВД и других. Если арестованный признался в содеянном как в получении, так и даче взяток на "нужных" Гдлян и Иванову людей, поступает команда прекратить собирать доказательства о получении таким-то взятку.

Сказанное может подтвердить следователь группы Мартемьянов, которому Гдлян давал указание "выбросить" из дела эпизоды преступной деятельности Норбутаева, так как он "хороший", оказывает помощь следствию. Такие указания получал следователь Власов, который расследовал участок Яшнарова; следователь Тарасов вопреки моему совету, по указанию Гдляна из обвинения Джамалова выбросил многие эпизоды его преступной деятельности, так как Джамалов "хороший" обвиняемый и дает показания на арестованного Осетрова.

...Я не согласен и с тем, что в основе доказательства вины обвиняемого по методу Гдляна и Иванова лежит давно скомпрометировавший себя метод Вышинского — обвиняемый должен доказывать свою вину.

Начиная с дела Каримова А. К., почти все доказательства и по другим делам исходят от обвиняемых, которые первоначально месяцами, а то годами не признаются, а потом вдруг, на определенном этапе, осознают содеянное и пишут явки с повинной и т. д.

...Я также не согласен с тем, что в следственных изоляторах необоснованно содержатся годами арестованные лишь потому, что они когда-то "созреют" и выдадут ценности. Но это созревание только подрывает у народа веру в справедливость, когда без следствия и суда человек содержится в СИЗО. Наглядный пример этому — дело по обвинению Мирзобаева, который содержится в СИЗО более 5 лет, а в период 1987-1988 гг. с ним не проводились следственные действия...

Если проанализировать жалобы обвиняемого Каримова А.К. и членов его семьи, которые незаконно содержались в СИЗО г. Душанбе более 8 месяцев, где сын Каримова пытался покончить жизнь самоубийством, обвиняемого по делу Чурбанова Хаитова и членов его семьи, то станет ясно, что никакого прокурорского надзора за делом не было, расследовали, как хотели, Гдлян и Иванов, поэтому сейчас трудно сказать, смогут ли они окончить следствие по этому делу...

Вкратце хочу рассказать о морально-психологическом климате в группе, созданном Гдляном и Ивановым.

Гдлян и Иванов ведут себя в группе так, а с арестованными в частности, как будто все вопросы они решают не-

посредственно с Генеральным прокурором СССР либо с членами Политбюро.

В ходе следствия, на каком-то определенном этапе, чтобы из уголовного дела сделать его политическим, они каким-то образом привлекли к этому журналистов центральных газет, телевидения и радио, которые, не дожидаясь суда, в своих корреспонденциях стали отдельных арестованных признавать виновными в коррупции, взяточничестве и всех бедах застойного периода. Я достоверно знаю, что все эти публикации готовились в кабинете Гдяна и по его указанию печатались тогда, когда он считал нужным.

И вот, работая с 1985 г. в такой обстановке и видя, что я ничего не могу изменить, чувство ответственности переросло у меня в чувство страха...

В связи с этим прошу вас:

— изложенное мною принять во внимание, так как все соответствует действительности;

— принять решение о выводе меня из группы независимо от того, будут продолжать руководить группой Гдян и Иванов или другой следователь, так как морально я сейчас не в состоянии в ней работать...

О. М. Литвак, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР

10—11 мая 1989 года.

“..Ясно, что в решении вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности ряда бывших ответственных должностных лиц Узбекской ССР, заметна роль т. Гдяна. И тем не менее приходится констатировать, что т. Гдян из разряда тех людей, кто, мягко выражаясь, не задумывается над средствами и методами достижения даже благородной цели. Об этом свидетельствуют стиль и методы его работы по делу, которое во многом напоминает те, что имели место в период культа личности.

...Когда мы, следователи КГБ, в начале декабря прошлого года влились в группу Гдяна, сам он находился в г. Ташкенте, где готовил операцию по изъятию “миллионов” Усманходжаева. Беглый подсчет (по показаниям Усманходжаева и других арестованных) его “прихода” (получение взяток) и “расхода”

(дача взятки) свидетельствовал, что в наличии у него могло быть не более 500 тыс. рублей, а не указанные выше миллионы. Моя попытка убедить т. Гдяна по телефону в неподготовленности операции успеха не имела. Безрезультатными оказались и личные беседы с т. Гдяном в г. Ташкенте, куда мне пришлось срочно вылететь. Только обыски и аресты родственников Усманходжаева, по мнению т. Гдяна, позволяли ему изъять "миллионы". В итоге крупномасштабная операция, в которой было задействовано свыше ста следователей и оперативных работников, провалилась, "миллионы" не были найдены, хотя и было проведено 13 обысков и арестованы на одних показаниях Усманходжаева его жена, сын, две сестры, муж третьей сестры и водитель умершего брата. Кроме того, трое родственников Усманходжаева задерживались на трое суток. Накануне операции т. Гдян, мягко выражаясь, вынудил местного прокурора дать санкцию на производство обысков по четырем постановлениям, где отсутствовали сведения о лицах, у которых следовало проводить обыски (по выражению т. Гдяна, "на всякий случай").

Я также оказался невольным очевидцем того, как т. Гдян, убеждая сестру Усманходжаева Каналхон отдать "миллионы", говорил, что в ином случае она сдерживает его "поход" на Москву, откуда шли бациллы коррупции.

Для характеристики взаимоотношений т. Гдяна с членами группы любопытно его высказывание, которое он неоднократно употреблял на совещаниях: "У каждого из вас лишь два пути: либо "наверх", либо в канаву, третьего не дано. Вперед, на Москву!"

Были и другие, не менее красноречивые свидетельства участников и очевидцев этих событий, которые вопреки "ведомственным интересам" не пожелали принимать участия в гдяновских авантюрах.

В этом аду, в этой безнадежной круговерти несправедливости и беззакония, оставалось лишь уповать на суд божий и верить, что великий Аллах все видит и знает: кто прав, кто виноват, что он не допустит, чтобы восторжествовали ложь и зло.

Но пока я вновь был обречен на беспросветное ожидание, которое затянулось еще на целых 5 месяцев.

ВЕРЕНИЦА БЕЗЫСХОДНЫХ ДНЕЙ

Тот мудр, кого не превратят в осла,
Ни сая, ни лести, ни свита, ни хвала.

А. Навои

В дни моего пребывания в Лефортово я все время думал о людях, ставших, так же, как и я, жертвами клеветы и беззакония. Пытался оценить происходящие события. Увы, чаще всего приходил к неутешительным выводам.

Возьмем, к примеру, "деятельность" Рафика Нишанова. В годы правления этого временщика интересам узбекского народа и всему Узбекистану был нанесен небывалый материальный и моральный ущерб. Как всякий "свадебный генерал", он любил красоваться в президиумах, выступать с высоких трибун, по телевидению и на пресс-конференциях.

В одном из интервью Рафик Нишанов особенно красноречиво высказался о своей деятельности в республике:

"В целях оздоровления всех сфер общественной жизни идет упорная, жестокая борьба против наследия застойного периода. За последние четыре года ЦК КПСС направил в Узбекистан сотни опытных специалистов... Прежде всего хочу отметить, что впервые за последние тридцать лет республике была оказана помощь в таких масштабах. Прибытие новых кадров стало для нас подлинным счастьем... В течение последних четырех лет 58 тысяч ответственных работников были освобождены от должностей. Лично сам я положительно оцениваю деятельность следственной группы (Гдляна-Иванова). Мы работаем рука об руку с сотрудниками прокуратуры СССР. Они не жалеют сил для того, чтобы утвердить в республике справедливость, призвать к ответственности людей из ближайшего окружения Рашидова. Идет жестокая борьба: Нужно сказать открыто, что если бы партийные органы республики не поддерживали группу Гдляна, не оказывали всестороннюю помощь, она не могла бы так успешно работать..." ("Аргументы и факты" № 38, сентябрь, 1988 г.)

Для сравнения позволим себе еще одну цитату, но совершенно иную по тональности и, разумеется, других авторов (Гдляна и Иванова):

“Когда в 1984—1987 годах под руководством Горбачева, Лигачева, Усманходжаева, Осетрова и их сподвижников проходила кампания борьбы с “отдельными негативными явлениями”, когда крестные отцы бросили в тюрьмы по так называемым “хлопковым делам” десятки тысяч своих сограждан из числа исполнителей их воли, то Теребилов поддержал этот локальный геноцид узбекского народа (подчеркнуто) через подчиненную ему судебную систему. Приговоры были неоправданно жестоки: расстрел, 15, 14, 12 лет лишения свободы. Мало кто получал меньше 10 лет” (“Кремлевское дело”).

Итак, Гдлян и Иванов признают, что был геноцид узбекского народа, они только не хотят признаться, что сами проводили его в числе тех названных и умышленно не названных руководителей страны и республики.

Здесь уместна третья цитата, и опять же другого автора, В. Илюхина: *“На В. Теребилова Гдлян стал собирать компромат после того, как Верховный суд страны вполне обоснованно и правомерно оправдал Т. Кахраманова, возвратил на доследование материалы дела в отношении Х. Яшнарова”.* (“Оборотни”, стр. 108).

В то время произвол достиг своего апогея. Так, на очередном бюро ЦК Компартии Узбекистана члены следственной группы, грубо попирая неприкосновенность народных избранников, прямо в зале заседаний надели наручники на секретарей областных комитетов партии Н. Раджапова и И. Джаббарова. Президиум Верховного Совета, в нарушение всех существующих правовых норм, задним числом принял решение о лишении их депутатской неприкосновенности.

Академик Абдулхай Тоиров и тысячи подобных ему известных людей были уволены с работы и брошены за решетку. Моего наставника, академика Хабиба Турсунова, тоже арестовали. Сердце моего наставника не выдержало, он скоропостижно скончался на следующий день после допроса.

Наш выдающийся поэт Абдулла Арипов за свое стихотворение "Путь в рай", Примкул Кодиров за свое произведение "Бабур", Эркин Вохидов за "Ўзбегим" едва избежали репрессий. Известный поэт, инвалид войны Зоҳиджон Обидов за стихотворение "Смерть льва", написанное на смерть Рашидова, был исключен из партии и уволен с работы. Таких примеров сотни.

... На протяжении долгих ночей пытаюсь понять, что же происходит. Заточенный в четырех стенах, всем своим существом рвусь туда, в родной край. Он представляется мне разоренным и оскверненным пресловутыми "десантниками", которые за тысячи километров от Москвы без всякого на то права стали вершить самосуд в чужом краю. Неужели этот произвол учинили в "отместку" за многолетнюю лояльность, открытость, дружелюбие и гостеприимство?!

Во время самой лютой из войн Узбекистан принял около двух миллионов эвакуированных, в том числе около пятисот тысяч детей. В республике развернулось движение за усыновление детей-сирот. Их брали на воспитание целые коллективы или семьи. Так, например, семья кузнеца Шаахмеда Шомахмудова взяла на воспитание 14 детей различных национальностей. Хамид Саматов из Каттакургана потерял на войне ногу. Вернувшись инвалидом, он вместе с матерью взял на воспитание 13 детей, тоже разных национальностей. Наш замечательный поэт Гафур Гулям написал простые, но трогательные строки в "Ты не сирота":

*Разве ты сирота?
Успокойся, родной!
Словно доброе солнце,
Склонясь над тобой,
Материнской глубокой
любовью полна,
Бережет твоё детство
большая страна...*

*Здесь ты дома, здесь
Я стерегу твой покой,
Спи, кусочек души мой,
Маленький мой!*

Это стихотворение было переведено на многие языки мира. Оно стало своеобразным гимном, колыбельной для всех сирот планеты, проявлением самых высоких человеческих качеств. Ташкент называли "городом хлебным". Не потому, что здесь было изобилие, а потому, что здесь жил и живет щедрый народ, который готов поделиться с другими последним куском хлеба.

...В московской тюрьме в плену горьких и обидных мыслей коротаю свои дни. Иногда в камеру с воли "просачиваются" такие новости, что потрясают до глубины души. Хочется крикнуть: есть ли вообще предел лицемерию и бесчестию? Но я молчу, потому что "доброжелателям", которые рядом со мной, этот крик послужит сигналом к тому, что со мной и дальше можно "работать", чтобы довести до "нужной кондиции".

А между тем прошло еще два месяца. "Соратники" в камере стали моими "закадычными друзьями" и вернулись моим мучителям. "Друзей" я давно раскусил. Каждый раз ждал, какую новую пакость они мне устроят.

"Ты теперь не нужен следствию", — пытались они страшать меня. Причем это говорилось как бы случайно в разговоре о том, что меня долго не вызывали на допрос. И как бы между прочим рассказывается такая история.

В здравницах и торговле Краснодарского края были вскрыты многочисленные факты коррумпированности многих должностных лиц. Был арестован и посажен сюда, в Лефортово, второй секретарь крайкома Тарада. Ему инкриминировали участие в махинациях с нелегальной продажей за рубеж морских деликатесов через магазин "Океан" и присвоение путем мошенничества огромных сумм в валюте. Дабы вывести из под удара определенных людей Тараде предложили взять всю вину на себя в обмен на обещанное снисхождение. Но тот себя виновным не признал, и за свою несговорчивость заработал "высшую меру".

По странному "совпадению" в одной камере с Тарадой находился Виктор Федоров, впоследствии ставший моим "другом". Помню как он говорил:

— Тараду высшей мерой наказали потому, что он не захотел взять на себя вину. Я был рядом с ним пять ме-

сяцев. А если бы признал вину, глядишь, не расстреляли бы. Тем, кто раскаивается в содеянном, в Лефортово большой срок не дают. А упертых ставят к стенке.

У каждой из силовых структур были свои "фирменные" методы воздействия на подсудимых. Если одна действовала прямолинейно, не стесняясь прямых угроз, рукоприкладства, то другая пользовалась услугами людей хотя бы внешне интеллигентных и образованных. В одном случае на подсудимого натравливали уголовников, в другом к нему подсаживали "доброхотов", душеспасительными беседами склонявшими арестанта к даче "нужных показаний".

О том, что Тараду приговорили к расстрелу из-за его упрямства, я слышал еще до своего заключения. И неудивительно, что агент сказал мне правду, для того чтобы убедить меня в своей "искренности".

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Иные люди отталкивают, невзирая на все их достоинства, а другие привлекают при всех их недостатках.

Ф. Ларошфуко

Прошло еще 6 месяцев. Неожиданно Гдлян и Иванов вызвали меня на допрос. Как только я вошел, они театральным жестом развернули передо мной газету "Правда Востока" и ткнули пальцем в статью под заголовком "Анатомия взяточничества". Иванов посчитал уместным заметить с издевательской ухмылкой: "Что с вами, Кахраманов, на кого вы стали похожи? А все ваше ослиное упрямство". Я ответил: хорошо, что следователь сам обратил внимание на лохмотья, которые были на мне, так как начальник тюрьмы выдал мне одежду, подлежащую списанию, хотя это является прямым нарушением прав человека. Я потребовал избавить меня от назойливых стукачей, которых подсадили в мою камеру, пока дело не дошло до драки, а то я ненароком могу покалечить кого-нибудь из своих "соседей". Попросил также заменить вы-

данную мне одежду на подходящий размер и чтобы была целее.

Иванов испытующе посмотрел на меня:

— Ну, вы молоток, Таштемир Худайбердыевич! Мы думали, вы “белый воротничок”, интеллигент, а вы, оказывается, боксер. Мы наводили справки. Начальник тюрьмы говорит, что вы каждый день тренируетесь, боксуете по 2—3 часа, верно?”

Я спокойно ответил:

— Я уже не тот больной Кахраманов, каким был в первый день ареста. Я принял решение: так просто не сдамся, буду бороться за жизнь, за правду, за свои права.

Действительно, в конце 50-х я тренировался со многими ведущими мастерами кожаной перчатки Узбекистана. В течение 6 лет я занимался в одном зале с титулованными мастерами спорта по боксу Барановым, Будманом, Маршневым, Гуламовым, Икрамовым, Гранаткиным и другими, мне посчастливилось учиться секретам сражения на ринге у таких прославленных “играющих” тренеров по боксу, как Джексон, Франк, Закиров, Бухман, Хуснитдинов. Любители спорта старшего поколения наверняка помнят имена этих боксеров, не раз занимавших призовые места на престижных соревнованиях союзного и международного уровня.

Одновременно с нами в секции самбо занимались будущий летчик-космонавт В. Джанибеков, пятикратный чемпион СССР по борьбе, чемпион Европы, главный тренер борцовской сборной СССР конца 70-х и начала 80-х Калеткин. В то время Джанибеков и Калеткин были еще курсантами-суворовцами.

В неволе свои негласные законы, свои приоритеты. Приоритет силы, например. Чтобы из тебя не сделали шестерку, не растоптали, чтобы сохранить право быть самим собой среди разношерстной толпы отторгнутых законом и обществом людей, зачастую требуются не только ум и изворотливость, но и физическая сила. Умение постоять за себя выручает особенно, когда с тобой в камере оказываются урки, рецидивисты со стажем, для которых тюрьма — дом родной. Но, как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Так что теперь я несколько часов кряду

посвящал занятиям боксом, это помогало мне поддерживать форму, укрепить дух. Да и сокамерники, видя как я отрабатываю удары, стали иначе относиться ко мне.

24 ноября 1985 года стукачей из моей камеры увели: кто знает, может, новое "задание" получили от своих хозяев. Когда я вернулся с допроса, в камере уже сидел темноволосый, узкоглазый парень 28-29 лет. Я назвал себя. Он только улыбнулся в ответ. Я спросил, откуда он, как зовут, какой национальности. Опять молчок. Значит, иностранец. Перед завтраком он около часа занимался каратэ. Чувствовалась профессиональная спортивная подготовка. Вот только какие ветры занесли его в Лефортово? Судя по внешности и поведению, я понял: он может быть кем угодно, но во всяком случае не стукачом. Прошла неделя, за которую мы научились понимать друг друга с помощью жестов и мимики. Отношения складывались вполне дружеские.

Как мне стало известно через некоторое время, Чжо (так звали моего нового соседа) был задержан в Хабаровске, когда пытался тайно пересечь советскую границу. До этого он поменял пять камер и прославился тем, что сразу лез в драку и избивал не понравившихся ему сокамерников. Именно благодаря этой дурной славе неуживчивого драчуна по личной рекомендации Гдльяна подсадили ко мне в камеру и неоднократно пытались спровоцировать ссору между нами. Это делалось в "следственно-воспитательных целях", в надежде, что Чжо сумеет сделать то, чего не удалось моим прежним сокамерникам-стукачам: сломить меня морально и физически, вынудить к сотрудничеству со следствием. Расчет не оправдался: враждебности друг к другу мы с Чжо не испытывали. Когда случались посылки из дома, я делился с ним, ведь он находился вовсе в чужой стране. Чжо был кадровым разведчиком и направлялся на выполнение особого задания, когда его засекли пограничники. В начале следствия он пробовал прикинуться простаком, говорил, что забрел в пограничную зону СССР по ошибке и понятия не имел, что это уже чужая территория. Но следователи, отслеживая каждый факт, каждую улику, собрали неопровержимые доказательства, подтверждающие его вину.

Вскоре выяснилось, что Чжо в совершенстве владеет русским языком. Мы стали понемногу общаться. Он рассказал, что в его задачу входил сбор определенного рода информации. Даже по истечении двух месяцев между мной и Чжо все не возникала хоть мало-мальски конфликтная ситуация, как того ожидал Гдлян.

Через два с половиной месяца в нашу камеру посадили нового заключенного. Это был высокий, спортивного телосложения молодой человек по имени Юрий Кутузов. В первый же день Юра рассказал нам с Чжо историю своего заключения в Лефортово. Из его рассказа мы узнали, что его арестовали в одно и то же время с бывшим главным тренером сборной СССР по каратэ, одним из основателей каратэ как самостоятельного вида спортивного единоборства в СССР Штурманом. Они долгое время занимались подпольным ввозом из-за границы дефицитных потребительских товаров для реализации их внутри страны за валюту, то есть контрабандой. Юра и сам был опытным каратистом. Выяснилось, что у нас есть даже общие знакомые. Юра хорошо знал тогдашнего чемпиона СССР по каратэ, капитана Ли, который в прошлом работал под моим началом в обществе "Динамо". Контрабандисты совместно с мастерами-ремонтниками железнодорожного депо в Москве установили под пять вагонов поезда, следующего по маршруту "Москва-Берлин", тайники, в которых и перевозили остродефицитные модные товары импортного производства, одежду, японские шали, видеоаппаратуру и т. д. Деньги от их реализации обменивались на иностранную валюту и вкладывались в новый товарооборот. Так, по сговору со знакомыми проводниками они поставили на широкую ногу нелегальный ввоз и продажу дефицита, в обороте постоянно находилось 100-200 тысяч долларов.

Таким образом, каждого из нас троих привел в Лефортово свой путь, но у нас оказалось общее увлечение — занятия спортом. Поэтому нам было несложно поладить между собой. Следователи так и не дождались какого-либо ЧП в нашей камере.

В тюрьме очень высоко ценятся честность, правдивое слово. Здесь не говорят — хороший человек, надеж-

ный, добрый или щедрый, достаточно сказать — “человек”, и не надо лишних эпитетов. Здесь никого не проведешь красивыми байками о том, что было или не было на самом деле, не припишешь себе чужих заслуг, не скроешь нечаянную подлость. Арестантская почта, беспроволочный телеграф налажены отлично, любой обман и пустое бахвальство тюремная публика вычисляет моментально, и молва о подобных самозванцах или стукачах распространяется по камерам и даже по этапу со скоростью молнии. Гражданской почте бы такую оперативность.

Я тоже рассказал сокамерникам свою историю. О прошлой жизни, работе, семье, о клевете и оговоре бывших сослуживцев, перевернувших мою жизнь с ног на голову, об изнурительных допросах с пристрастием, о жестокости следователей, устроивших настоящие гонения на членов моей семьи. Об угрозах арестовать моих детей, братьев, сестер, о душещипательных разговорах, которые вели подсаженные в мою камеру провокаторы-стукачи...

Чжо и Юра слушали меня сочувственно, но помочь или посоветовать мне что-либо, они были, конечно же, не в силах. Юра, выслушав мой рассказ о себе, о том, что происходит в Узбекистане, сокрушенно спросил: “Нас-то взяли за конкретное преступление, а ты за что страдаешь?” Несмотря на установившийся между нами контакт, на взаимную лояльность и даже ежедневные спарринг-тренировки, забыть полностью и не думать о постигшем меня злом роке я не мог. Снова и снова я возвращался к прошлому, в котором остались семья, любимая работа. И неожиданно — арест, СИЗО, допросы, пытки, издевательства следователей, ложные обвинения, очные ставки с подставными свидетелями, вымогательство “нужных” показаний. Почему, за что, как выбраться из этого болота, из этой преисподней, в которой заправляют дьяволы в человеческом обличье? В таких мрачных раздумьях проходили ночи напролет.

Попытка следователей сравить нас провалилась, поэтому вскоре Чжо и Юру перевели в другие камеры. На их место привели начальника управления Мосгорторга

Трегубова. В 1984-1985 годах прокуратура и КГБ арестовала директоров крупных торговых организаций в столице, среди них был и директор знаменитого Елисеевского гастронома Соколов, которого содержали под стражей в Лефортово. Известно, что следователи в ходе дознания настойчиво уговаривали его дать показания против первого секретаря Московского горкома партии Гришина. Он отказался категорически и был приговорен к расстрелу. Хотя, судя по сохранившимся архивным данным, вряд ли вина Соколова была больше и тяжелее преступлений, совершенных директорами ГУМа, "Арбата" или других гастрономов. Напуганные смертным приговором, вынесенным Соколову, они по подсказке следователей дали показания против Гришина и неугодных верхам партийных и государственных чиновников. Трегубов тоже был арестован на волне этой кампании. После года содержания в СИЗО, под давлением следствия Трегубов все же дал показания о том, что якобы передавал взятки Гришину и другим лицам. Но на суде он отказался от своих показаний, заявив, что давал их под сильным давлением со стороны следователей. Трегубов приговорили к 15 годам лишения свободы, остальные благодаря сотрудничеству со следствием получили сроки вдвое меньше — от 6 до 8 лет.

Трегубов рассказал поразительные вещи о деятельности директора Московского центрального гастронома Третинова и других торговых воротилах, находившихся в его ведомственном подчинении. За день через гастроном при ГУМе продавалось до 500 тонн мясопродуктов. Реализовывалось продовольствие, поступающее на склады со всех уголков страны, а также были импортные поставки. Торговали целыми партиями неучтенной водки и коньяка. Ежедневный личный доход Третинова, по словам Трегубова, составлял до 30 тысяч рублей. У другого торгового деятеля, директора гастронома "Арбат" Софронова подпольные накопления составляли более 12 миллионов рублей.

Однако хотел бы обратить внимание читателя на тот факт, что в тот период все же существовала некая тенденциозность, предвзятость при вынесении приговоров

столичным и узбекским взяточникам по одним и тем же статьям УК. Иначе как объяснить, что Третинов, по сути построивший собственную торговую империю, используя государственные средства и ресурсы, получил всего 6 лет, а секретарь обкома из Бухары, изъятые личные накопления которого были в десятки раз меньше, получил 15 лет лишения свободы плюс пять лет колонии при явной снисходительности если не попустительстве к своим матерым дельцам и хапугам? А министра В. Усманова, хотя вина его не была доказана объективными данными, приговорили к высшей мере только на основании подложных свидетельских показаний! Все это лишь подтверждает, что "красный центр" намеренно раздувал "узбекское", "хлопковое" дела. Это была продуманная карательно-усмирительная акция против республики и её народа.

Вот при таких обстоятельствах мы познакомились с Трегубовым. Правда, из соображений собственной безопасности мне пришлось назваться директором хлопкозаготовительного завода. Потому что заключенные, а особенно рецидивисты, не жалуют работников милиции.

Дней через десять после Трегубова надзиратели привели в нашу камеру еще какого-то человека в наручниках. "Аркаша", — представился новичок. До нас он уже успел поменять восьмерых сокамерников, которых избивал, подозревая в стукачестве. Отъявленный рецидивист, почти треть жизни проведенный за решеткой, хвастливо заявил, что убил 32 человека. Его уголовное дело находилось под контролем ЦК. Его 4 месяца держали в Бутырке, но милицейским следователям не удалось уличить его, поэтому его передали в КГБ для дальнейшего дознания.

КГБ занялось этим делом потому, что Аркаша ограбил иностранную гражданку, отдохавшую в Кисловодске, отнял деньги, драгоценности, затем изнасиловал. Аркаше было 27 лет, но как он сам говорил, того, что он повидал за эти годы, иной и за все 60 не увидит и не узнает. Армянин по отцу, русский по матери, он вырос на улице, свои "университеты" прошел в дворовых компаниях среди шпаны. Живя в Кисловодске, он терроризировал окрестные Минводы, Пятигорск, Ставрополье,

Краснодарский край. До описываемых здесь событий был 9 раз судим, сроки отбывал в различных тюрьмах и лагерях по всему Союзу. Поэтому его речь не то что изобилывала, а целиком состояла из блатного жаргона. Он запросто, одним ударом мог свалить любого здоровяка. Его никто и никогда не навещал, кроме бедной матери. Несчастливая женщина, выплакавшая все слезы, высохшая, как былинка, каждый месяц пробивалась на свидания с сыном. Да, для нее он оставался ее “озорным малышом”, единственным, любимым, родным, пусть оступившимся, но все равно сыном. Да она, наверное, и не верила, как и все матери, что ее обожаемое чадо, такой шепутиной, веселый, может совершить преступление. Старушка носила нехитрые гостинцы в платочке и все плакала на свиданиях, приговаривая: ну как же, Аркашенька, как же так вышло, сыночек?

С Аркашей мы соседствовали около месяца. Его допрашивали каждый день по два раза, уводили в наручники, в сопровождении 4—5 конвойных. Каждый раз Аркаша впадал в буйство, кричал, ругался отборным матом в адрес начальника тюрьмы, следователей, охраны, советских властей. Не знаю, страдал ли он в действительности невротическими припадками или ловко симулировал буйного, чтобы нагнать страху на окружающих, а может быть его нутро злодея находило в этом извращенное удовольствие. Между арестами и очередным сроком он обычно промышлял в аэропортах крупных городов — в Минводах, Кисловодске, в других курортных регионах. Выбирал из толпы пассажиров богато одетых приезжих, одиноких дам. Обязательно привлекательных, в драгоценностях и с солидным багажом. Подъезжал к ним на машине и предлагал подвезти куда они пожелают. Аркаша был пижон и сердцеед, любил шикарно одеться, вкусно поесть, сорить деньгами. Не будучи красавцем в классическом понимании, он был невероятно общителен, весел, бесшабашен, что, очевидно, производило впечатление на жертв при первом знакомстве. Он регулярно менял автомобиль: угнал 21 машину марки “Жигули”, похожие на его собственное авто, и беспрепятственно катался на них повсюду.

столичным и узбекским взяточникам по одним и тем же статьям УК. Иначе как объяснить, что Третинов, по сути построивший собственную торговую империю, используя государственные средства и ресурсы, получил всего 6 лет, а секретарь обкома из Бухары, изъятые личные накопления которого были в десятки раз меньше, получил 15 лет лишения свободы плюс пять лет колонии при явной снисходительности если не попустительстве к своим матерым дельцам и хапугам? А министра В. Усманова, хотя вина его не была доказана объективными данными, приговорили к высшей мере только на основании подложных свидетельских показаний! Все это лишь подтверждает, что “красный центр” намеренно раздувал “узбекское”, “хлопковое” дела. Это была продуманная карательно-усмирительная акция против республики и её народа.

Вот при таких обстоятельствах мы познакомились с Трегубовым. Правда, из соображений собственной безопасности мне пришлось назваться директором хлопкозаготовительного завода. Потому что заключенные, а особенно рецидивисты, не жалуют работников милиции.

Дней через десять после Трегубова надзиратели привели в нашу камеру еще какого-то человека в наручниках. “Аркаша”, — представился новичок. До нас он уже успел поменять восьмерых сокамерников, которых избивал, подозревая в стукачестве. Отъявленный рецидивист, почти треть жизни проведенный за решеткой, хвастливо заявил, что убил 32 человека. Его уголовное дело находилось под контролем ЦК. Его 4 месяца держали в Бутырке, но милицейским следователям не удалось уличить его, поэтому его передали в КГБ для дальнейшего дознания.

КГБ занялось этим делом потому, что Аркаша ограбил иностранную гражданку, отдохавшую в Кисловодске, отнял деньги, драгоценности, затем изнасиловал. Аркаше было 27 лет, но как он сам говорил, того, что он повидал за эти годы, иной и за все 60 не увидит и не узнает. Армянин по отцу, русский по матери, он вырос на улице, свои “университеты” прошел в дворовых компаниях среди шпаны. Живя в Кисловодске, он терроризировал окрестные Минводы, Пятигорск, Ставрополье,

Краснодарский край. До описываемых здесь событий был 9 раз судим, сроки отбывал в различных тюрьмах и лагерях по всему Союзу. Поэтому его речь не то что изобилвала, а целиком состояла из блатного жаргона. Он запросто, одним ударом мог свалить любого здоровяка. Его никто и никогда не навещал, кроме бедной матери. Несчастливая женщина, выплакавшая все слезы, высохшая, как былинка, каждый месяц пробивалась на свидания с сыном. Да, для нее он оставался ее “озорным мальшом”, единственным, любимым, родным, пусть оступившимся, но все равно сыном. Да она, наверное, и не верила, как и все матери, что ее обожаемое чадо, такой шепбунной, веселый, может совершить преступление. Старушка носила нехитрые гостинцы в платочке и все плакала на свиданиях, приговаривая: ну как же, Аркашенька, как же так вышло, сыночек?

С Аркашей мы соседствовали около месяца. Его допрашивали каждый день по два раза, уводили в наручники, в сопровождении 4—5 конвойных. Каждый раз Аркаша впадал в буйство, кричал, ругался отборным матом в адрес начальника тюрьмы, следователей, охраны, советских властей. Не знаю, страдал ли он в действительности невротическими припадками или ловко симулировал буйного, чтобы нагнать страху на окружающих, а может быть его нутро злодея находило в этом извращенное удовольствие. Между арестами и очередным сроком он обычно промышлял в аэропортах крупных городов — в Минводах, Кисловодске, в других курортных регионах. Выбирал из толпы пассажиров богато одетых приезжих, одиноких дам. Обязательно привлекательных, в драгоценностях и с солидным багажом. Подъезжал к ним на машине и предлагал подвезти куда они пожелают. Аркаша был пижон и сердцеед, любил шикарно одеться, вкусно поесть, сорить деньгами. Не будучи красавцем в классическом понимании, он был невероятно общителен, весел, бесшабашен, что, очевидно, производило впечатление на жертв при первом знакомстве. Он регулярно менял автомобиль: угнал 21 машину марки “Жигули”, похожие на его собственное авто, и беспрепятственно катался на них повсюду.

Проживал Аркаша в живописном местечке под Пятигорском. Обычно он останавливал машину около своего дома и приглашал пассажирку в гости. Не соглашавшихся заводил в дом угрозами. Оказавшись внутри дома, он насиловал "гостью", затем отнимал деньги и драгоценности, под конец убивал свою жертву ударом топора по голове. Тело расчленял и выбрасывал в горную речку.

Со временем убийство для Аркаши превратилось в манию. Конечно, в том, что маньяк-убийца так долго разгуливал на свободе, пополняя трагический список жертв, есть определенная доля вины и работников правоохранительных органов милиции и КГБ. Многие преступления годами оставались нераскрытыми, более того, по ошибке были арестованы и расстреляны несколько человек, к данному конкретному делу отношения не имевших. А наверх шли отчеты о раскрытии громких преступлений, на самом деле совершенных Аркашей, который довольно долгое время оставался вне поля зрения правоохранительных органов. За проявленную халатность в ведении следствия, очковтирательство и умышленное искажение данных по раскрываемости преступлений по служебной линии были наказаны 7 ответственных руководителей и следователей из органов внутренних дел Пятигорска и Ставрополя.

Мы с Трегубовым неоднократно обращались к тюремному начальству с просьбой избавить нас от общества этого маньяка, но безрезультатно. Сам я подавал заявление на имя Гдяна и Иванова с требованием вызвать меня на допрос. Мне ответили отказом, так как на момент подачи заявления Гдян и Иванов вели следствие в Ташкенте. Кругом одни препятствия, враждебность, снова тревожная неизвестность и мучительное ожидание.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Оказывая благодеяние, берегись, чтобы тот, кому ты оказываешь благодеяние, предательски не воздал тебе злом за благо.

Демокрит

Думаю, не ошибусь, если скажу, что те годы, которые мне довелось работать заместителем министра внут-

ренных дел Узбекистана по кадрам, были самыми драматичными в истории министерства. Бесконечные “бои” между Мелкопяном, Яшнаровым и Эргашевым, комиссия за комиссией, присылаемые в министерство от ЦК КПСС и МВД СССР, доводили людей до нервных стрессов. Противостояние двух группировок выбивало из колеи. А недоброжелатели распространяли обо мне слухи — Кахраманов виновен. Потому что в работу комиссий был посвящен только я и все документы, связанные с ревизиями и проверками министерства, тоже хранились у меня.

Желая свести личные счеты, “обиженные” уже не оттаивались ни перед чем, они чернили Узбекистан, оклеветали и предали Рашидова, приняли самое активное участие в закладке “фундамента” “узбекского дела”.

29 октября 1983 года умер Ш. Рашидов. Его пост занял И. Усманходжаев. На его имя стали поступать жалобы на противоправные действия бывшего министра Яшнарова. Усманходжаев, Осетров и другие стали заниматься этими жалобами. В то время Яшнаров работал первым заместителем председателя народного контроля.

Были выявлены серьезные нарушения в его деятельности и противозаконные действия, был поставлен вопрос о его освобождении от занимаемой должности и исключении из рядов партии. Таким образом, после смерти Ш. Рашидова была дана оценка деятельности Яшнарова в недалеком прошлом. Закончилась карьера человека, который в свое время держал в страхе всю республику, проводил следствие по делам бывшего председателя Совета Министров Узбекистана Р. Курбанова, председателя Верховного суда Пулатходжаева и других. Х.Яшнаров сумел собрать компрометирующий материал на председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана, а позже председателя Палаты Национальностей Верховного Совета бывшего СССР Я. Насреддинову. Он изложил эти факты в личном письме на имя Л. Брежнева.

В книге “Кремлевское дело” о Яшнарове написано: *“Сохранив ясную память, в деталях помнил сотни операций, в том числе проводившихся совместно со службами безопасности и другими ведомствами, слабые и сильные*

стороны своей агентуры, их нынешнее положение. Одним словом, был ценным источником информации..."

Следователи по сути дела "завербовали" его. Яшнаров стал давать показания против людей, которые занимались расследованием его противоправной деятельности. Каракозов, Гдлян и Иванов использовали Яшнарова как орудие в ведении следствия, сборе клеветнических показаний и доносов, психологического давления.

Жертвой организованной травли стал начальник одного из отделов министерства З. Зухруддинов. После отставки Эргашева этот опытный, знающий специалист был отстранен от работы. Не сумев перенести позор клеветы, переживая страшные душевные муки, он умер, не дожив до сорока лет.

Группа Гдляна приняла "эстафету" от Мелкопьяна, который "в связи с переходом на другую работу" оказался за пределами Узбекистана.

Рашидов многое сделал для Мелкопьяна. Достаточно вспомнить происшествие весной 1982 года. Как известно, Узбекистан был сырьевым придатком Центра, поставляющим необходимые для развития экономики империи хлопок, золото и другое сырье. Поэтому наш регион был на особом счету. В марте 1982 года в Узбекистан с визитом прибыл Л. Брежнев. Но готовиться к нему начали заранее. За два месяца до визита ответственность за сохранность жизни Брежнева и обеспечение безопасности маршрутов следования Генсека Ш. Рашидов возложил на КГБ и МВД.

Руководство республики во главе с Рашидовым устроило торжественную встречу Л. Брежневу. В силу своих служебных полномочий я тоже принимал в этом участие. Брежнев поселился в резиденции на Шелковичной улице, построенной специально для подобных визитов. По тем временам это было самое великолепное здание в Средней Азии. Было видно, что это не прежний Брежнев. Старость, болезни давали себя знать, поэтому приходилось вносить коррективы в официальную часть визита. С учетом состояния его здоровья поездки были сокращены до минимума. Было решено, что Брежнев побывает в знаменитом лимонарии в Орджоникидзевском районе и на авиационном заводе.

Вопрос поездки Брежнева на авиационный завод был заранее согласован с Москвой. Генеральный секретарь

начал знакомство с цехами завода. Возле сборочного цеха возвышалось сооружение, сделанное из деревянных стропил и предназначенное для сборки каких-то приборов самолета. Рабочие завода, чтобы поближе увидеть Брежнева, стали подниматься на это сооружение. Оно не выдержало под их тяжестью и обвалилось. Люди стали падать именно туда, где стоял генеральный секретарь. Телохранитель, боясь, что толпа задавит Брежнева, закрыл его грудью, но невзначай толкнул. Генсек пострадал физически и пережил нервный стресс. Его телохранитель тоже получил серьезную травму в людской давке. На место чрезвычайного происшествия прибыла машина Брежнева, и его в считанные минуты доставили в резиденцию. Очень болезненно пережил это происшествие Ш. Р. Рашидов. Со стороны выглядело так, что все было подстроено. Вскоре Мелкопян был откомандирован в Москву. Там за столь серьезный "прокол" в своей работе он отделался выговором. Ш. Рашидов сумел убедить руководство Мелкопяна в том, что это был только досадный инцидент, несчастный случай, не более того. Даже в столь сложной ситуации Рашидов пришел на выручку Другой на его месте не стал бы вмешиваться.

Я счел своим долгом подробно остановиться на этом случае, чтобы еще раз показать, что Рашидов никогда не был националистом. Он с равным уважением и симпатией относился к людям разных национальностей. Но Мелкопян не оценил хорошего к нему отношения, на добро ответил черной неблагодарностью и предательством.

Весть о том, что Брежнев серьезно пострадал во время визита в Ташкент, получила широкий резонанс во всех мировых средствах массовой информации.

ЖИЗНЬ, ПОЛОЖЕННАЯ НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Предательство, может, кому и нравится, предатели же ненавистны всем.

Сервантес

Читатель уже знает, что в целях проверки жалоб была создана проверочная комиссия ЦК Компартии Узбекис-

тана. Рассказывает один из ее членов **Отабек Улжабоев** (считаю необходимым привести его рассказ целиком, так как он раскрывает подоплеку “узбекского” дела):

— В начале 1983 года меня вызвал **Шараф Рашидович** и положил передо мной жалобы на министра внутренних дел **Эргашева** и его заместителей. Первому секретарю их доставил лично председатель КГБ республики **Мелкопян**.

Рашидов сказал, что создана комиссия для проверки этих жалоб, в ее состав вошли Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана **И. Усманходжаев**, второй секретарь ЦК Компартии **Л. Греков**, заведующий отделом по административным органам **Г. Архангельский**, **Х. Белоутдинов**. Включили в нее и меня.

Про себя я подумал, почему это вдруг жалобами занимается председатель КГБ, ведь для этого существуют другие органы. Я молча взял документы. Перед моим уходом **Шараф-ака** сказал:

— Изучите их повнимательнее, создается впечатление, что все это берет начало в недрах одного из наших ведомств.

Итак, мы приступили к работе. С каждым автором письма и заявления беседовали отдельно. Сотрудники министерства внутренних дел **С. Салимов**, **У. Тожимов**, **Г. Орибжонов**, **Р. Ахотов**, **А. Лукьянов**, **Б. Розиков**, в свое время отстраненные от должности за серьезные недостатки в работе, жаловались на министра **К. Эргашева**. Во многих письмах приводились, казалось бы, неопровержимые доказательства его злоупотреблений властью. В одной из жалоб говорилось, что в виде взятки **Эргашеву** преподнесли видеоустановку.

В жалобах также говорилось, что **Эргашев** незаконно построил шикарный дом, что у министра нет документов, подтверждающих, что стройматериалы на этот дом были приобретены законным путем. Проверку данного факта возложили на меня. Мы с **Эргашевым** поехали по указанному адресу. Его престарелые родители грелись у сандала, в доме было холодно. Дом был обычный, без особых удобств и отделки, его мог себе позволить заст-

ройщик среднего достатка. Неусыпное око клеветника отметило, что арык, протекавший возле дома, был забетонирован. Когда мы оценили расходы на строительство дома, оказалось, что Эргашев с министерским окладом мог бы позволить себе особняк в десять раз дороже этого дома. Отец Эргашева получал пенсию. Кроме этого, у него было свое хозяйство — овцы, коровы. Догадываясь о причине, из-за которой мы к нему приехали, старик расстроился, стал доказывать, что все стройматериалы куплены им на законном основании, и представил нам документы. “Когда, наконец, клеветники оставят нас в покое?” — обратился он в свою очередь к нам. Внимательно изучив представленный нам материал, мы пришли к выводу, что факты, указанные в жалобах, написаны в целях мести. Дело в том, что Х. Яшнаров и другие стали лютыми врагами К. Эргашева именно после его назначения на эту должность. Подводя итоги проверки, комиссия сообщила о них в информации Рашидову. Ознакомившись с документом, он сказал:

— Видите, до чего может довести человека обида. Не даром говорят, что клевета страшнее наводнения и пожара. Человек, способный на предательство, изменит и Родине. Изменник никогда не помнит добро, и улучив момент, совершает свое предательство, я хорошо это знаю из истории. К этой невероятно коварной затее приложил руку и Яшнаров. Он тоже не оценил мою доброту.

В те времена для того чтобы построить завод или фабрику, организовать район или город, нужно было получить разрешение первого лица ЦК КПСС. А это всегда было связано с волокитой. Шараф-ака умел делать это мудро и мастерски.

С 1979 по 1982 год мы неоднократно обращались к кураторам Узбекистана, заведующим отделами ЦК КПСС с предложением об организации Навоийской области. Они постоянно отклоняли наши предложения. В начале 1982 года во время визита Л. И. Брежнева в Ташкент, улучив момент, когда он был в хорошем настроении, Шараф-ака попросил Генерального секретаря подписать документ об организации новой области. Через неделю позвонил заведующий сектором ЦК КПСС Смирнов и

стал выговаривать мне: "Почему вы подписали эту бумагу без согласования с нами?" Я ответил ему в том же тоне: "Шараф Рашидов вам не инспектор, а кандидат в Политбюро" и положил трубку на рычаг. Зашел к Шараф-ака и рассказал ему о перепалке со Смирновым. Рашидов стал успокаивать меня: "Не принимайте близко к сердцу, собака лает, а караван идет. У нас один Генеральный секретарь, если Смирнов этого не знает, пусть позвонит мне, я ему все хорошенько разъясню...

В конце апреля 1983 года Мелкопьян со своими сообщниками начали "бухарское дело". В это время Шараф-ака был за пределами Узбекистана. Вернувшись в Ташкент, первый секретарь позвонил мне и попросил пригласить к нему министра внутренних дел Эргашева, чтобы он принес собранные им компрометирующие материалы на очень близких к Мелкопьяну людей. Он сказал, чтобы с Эргашевым пришел и Кахраманов. На следующий день в назначенный час первый секретарь принял нас троих. Обратился к Эргашеву: "Говорят, вступив в должность, вы доверились доброжелателям, не считались с ЦК, собирали и тощали генералов в отставке, в свое время пострадавших от Яшнарова. Восстанавливали на работе людей, уволенных бывшим министром. Я не оправдываю Яшнарова, он тоже не оправдал нашего доверия. Они теперь с Мелкопьяном закадычные друзья. Каких трудов нам стоило назначение Мелкопьяна на эту должность! Но он не оценил нашей доброты. Таких называют неблагодарными. Знакомьтесь с бумагами Мелкопьяна повнимательнее и выскажите свое мнение при следующей нашей встрече." Отпустив других, первый секретарь задержал меня и дал такое поручение: "Позвоните руководителям тех областей, где работают клеветники, собранные Мелкопьяном, и скажите, чтобы к этим "обиженным" приняли соответствующие меры, пусть они получают по месту работы и партийное взыскание...

Я подготовил информацию по жалобам, организованным Мелкопьяном. Прошло несколько дней, и я зашел на прием к Рашидову с докладной по проверке материалов на самого Мелкопьяна, а также с итогами проверки информации Мелкопьяна об отдельных руководителях.

Можно сказать, почти все люди оказались невиновны, они были просто-напросто оклеветаны. Ш. Рашидов поставил обо всем в известность союзное руководство.

Прошло несколько дней, из Москвы приехала комиссия, возглавляемая одним из руководящих работников госбезопасности, генерал-лейтенантом Агеевым, которая была принята Ш. Рашидовым. Агееву был предоставлен отдельный кабинет и переданы все необходимые материалы. Члены комиссии встречались с руководителями Джизакской и Сырдарьинской областей, с тем, чтобы проверить факты, которые приводил в своих информациях Мелкопян. Генерал-лейтенант в разговоре с начальниками областных управлений и руководителями госбезопасности республики подчеркивал, что необходимо очистить органы безопасности от нечестных работников, которые позорят достоинство человека. Агеев дал резко отрицательную оценку тому, что шеф госбезопасности вместо того чтобы заниматься непосредственно вопросами, стоящими перед его ведомством, увлекся неблагоприятными делами, наносящими урон чести республики.

На другой день мы с Агеевым были на приеме у Первого секретаря. Шараф Рашидович получил от Агеева и меня информацию по результатам проверки и поинтересовался мнением каждого из нас по данному вопросу. Как и другие, я внес предложение — освободить Мелкопьяна от должности, после чего мы проводили гостей в Москву.

Прошла неделя, но никаких распоряжений относительно Мелкопьяна из Центра не поступало, я зашел на прием к Рашидову, чтобы посоветоваться по этому поводу. Шараф-ака поручил дозвониться до Агеева, мне удалось выйти на него лишь вечером. Я поинтересовался, как складываются обстоятельства и долго ли нам еще ждать. Агеев ответил, что он передал все документы относительно Мелкопьяна председателю КГБ и в ЦК КПСС, что они согласны с мнением ЦК партии Узбекистана. Мелкопян благодаря своим могущественным покровителям был переведен на дипломатическую работу.

В 1979 году М. Горбачев приезжал в Ташкент и проводил пленум ЦК КП Узбекистана по животноводству.

По предложению Горбачева на этом пленуме были взяты очень большие дополнительные обязательства, именно из-за них возникли разногласия между Рашидовым и Горбачевым, потому что руководитель Узбекистана понимал, как трудно будет их выполнить.

Прошло время, мы с Турсуном Умаровым в кабинете Рашидова обсуждали строительство резиденции "Шелковичная". В это время позвонил секретарь ЦК М.С. Горбачев. Мне кажется, что он спросил о ходе выполнения постановлений прошедшего пленума, потому что Шараф-ака перебил его и сказал, волнуясь:

— Вы, Михаил Сергеевич, побывав в Узбекистане, возложили на нас невыполнимые обязательства. Прошел год как вы обещали обеспечить нас новой техникой по животноводству, закупить за границей для нас племенной скот, дающий высокие надои молока и много мяса. Но до сих пор мы ничего этого не имеем. Узбекистан вам не Ставропольский край. Основные земли у нас под хлопком. Выбирайте что-то одно: или хлопок, или мясо. А может, вы прикажете, как во времена Никиты Сергеевича зарезать весь скот и лишит наш народ и молока и мяса? Нет, так дело не пойдет, если вы дали слово, выполняйте его. Я представляю большую республику, богатый край, который дает стране 70% хлопка, 40% золота и других драгоценных металлов. Кроме того, являюсь кандидатом в члены Политбюро. Поэтому выполняйте обещание. Когда я буду в Москве, обязательно расскажу Леониду Ильичу о решениях пленума, который вы проводили у нас, и ваших обещаниях. Постараюсь объяснить ситуацию и на Политбюро.

Как знать, не "аукнулся" ли тот нелюдимый разговор досадой и неприязнью к нашему краю кое-кого из руководящей элиты и их активной поддержкой развязанной против его народа кампании?

С 1979 по 83 год поступало очень много жалоб на работников МВД. Поток наводняли ЦК и справедливые, и клеветнические жалобы на министра К. Эргашева и экс-министра Х. Яшнарова. Особенно серьезные обвинения выдвигались в адрес Яшнарова. Большинство фактов его злоупотреблений и нарушений законности, до-

пущенных в то время, когда он занимал пост министра, подтверждались. Если говорить честно, то мы не знали, как об этом доложить Первому секретарю. Нужно признать, что Первый секретарь многого тогда не знал. Жалобы поступали не только на названных выше руководителей, но и на заместителей министра, начальников областных управлений внутренних дел. Мы переправляли их заместителю министра внутренних дел по кадрам Кахраманову. Особо серьезные, запутанные ситуации, изложенные в заявлениях, Шараф-ака рекомендовал рассмотреть совместно с Кахрамановым.

Но вот времена изменились. Не стало Ш. Рашидова. В Узбекистане стал утверждаться произвол. Большинство ближайших сподвижников бывшего первого секретаря оказались в тюрьме, предприимчивые, трудолюбивые, честные, любящие свой народ специалисты были уволены и исключены из рядов партии. Те же, кто проштрафились и лишились должностей во времена Рашидова, были восстановлены. Словом, процветали беззаконие и произвол. Мы все были потрясены, услышав о том, что весной 1985 года Кахраманов был обвинен в получении взяток...

КАК СОЗДАЕТСЯ “АВТОРИТЕТ”

Величайшее поощрение преступления — безнаказанность

Цицерон

Вновь после пятидесятилетнего перерыва меня вызвали на допрос. Наверняка мои мучители запаслись новыми “доводами”, чтобы убедить меня сотрудничать со следствием. Я не ошибся, Гдиян начал допрос с поучительных сентенций:

— Ваши дети возненавидели вас. Они страдают из-за вас, от вас требуется только подписать наш список, и все станет на свои места, вам — некоторые послабления и приличную одежду, детям и родственникам — спокойствие. У вас каменное сердце, нам не приходилось встречать такого непрошибаемого человека. Вы — не отец, не

любите, не жалеете своих близких. Ваша жена тут же скончалась от сердечного приступа, когда мы завели ее в подвал. И все это по вашей вине. А о страданиях ваших сестер я вообще молчу. Не подпишете наш список, арестуем ваших племянников всех до одного. Это мое слово мужчины.

— Я не виноват. Почему я должен подписывать ваш список? Неужели возвращается 37-й год? То, что вы делаете, все ваши требования — противозаконны. Мой ответ окончательно взбесил Тельмана Хореновича, который побагровел от гнева:

— Вы мне тут зубы не заговаривайте и не забывайте, что вы в Лефортово. Вы же не дурак, и все прекрасно понимаете. Виновен — невиновен, это все разговоры в пользу бедных, мы вас все равно заставим признать обвинение. Вам следовало бы хорошенько подумать о том, что станет с вашей родней, пожалейте хотя бы собственных детей.

Я понимал, что он способен на любую подлость и в погоне за дешевой популярностью может любого, не раздумывая, упечь за решетку.

Неразлучный дуэт сыщиков-“новаторов” с самого начала запугивал и стравливал не только задержанных, но и родных и знакомых подсудимых на свободе. Пользуясь простодушием и неосведомленностью большинства людей, они намеренно вводили их в заблуждение, провоцируя на лжесвидетельство. Никому даже в голову не приходило высказать сомнение или оспорить их слова, которые они выдавали чуть ли не за пророчества. Публика была зачарована. Правда, кому же верить, если не руководителям наделенной самыми большими полномочиями следственной группы прокуратуры Союза, которых Москва прислала, чтобы выявить и предать суду взяточников, коррупционеров, приписчиков и прочих “врагов”, тормозящих наше движение к светлому будущему. Ведь именно они по профессиональному и служебному долгу призваны следить за тем, чтобы на чашу весов Фемиды никто не подбрасывал ложь. Формировалось общественное мнение: мол, раз арестовали, значит, было за что.

Ангажированная пресса, еще более ангажированные радио и телевидение не уставали твердить: "Узбеки воры", "Хлопок развратил их", а в качестве доказательств публиковались фотоснимки, демонстрировались видеопленки, на которых были запечатлены многолетние накопления, которые кто-то откладывал на черный день, кто-то на свадьбу или крупную покупку. Ведь в традициях узбекского народа со дня рождения ребенка собирать ему свадебное приданое — девочке для замужества, мальчику для женитьбы. Так узбекские семьи готовят молодым основу будущего хозяйства на первое время, пока сами молодые не встанут на ноги. Но из-за нежелания к местным обычаям следователи принуждали абсолютно не причастных к преступлениям людей к самооговору и оговору других лиц, иными словами, занимались фальсификацией данных. Под угрозой тюремного заключения и расправы с родственниками подследственных заставляли нести для "добровольной" сдачи следователям собственные сбережения, одолженные у родных и близких, нередко собранные со всего кишлака деньги. Известны случаи, когда напуганные перспективой оказаться за решеткой, люди покупали на свои или одолженные деньги совершенно новые ювелирные изделия и сдавали их следователям в качестве нажитых преступным путем. И подобное массовое умопомрачение, истерия сознательно провоцировались и подогревались следователями.

И так как далее речь пойдет о "добытых" Гдляном и Ивановым нашумевших миллионах, я, дабы исключить упреки в необъективности или предвзятости с моей стороны, решил обратиться к независимому источнику и привести довольно пространную выдержку из книги В. Илюхина "Оборотни".

"Изъятые миллионы, пожалуй, самая весомая козырная карта Гдляна и его сторонников. Миллионы принесли ему известность и славу, популярность и идолопоклонничество. Миллионы вознесли его вместе с Ивановым в кресло народного депутата СССР.

Миллионы транслировали по телевидению, их фотографировали, а снимки тиражировали в газетах и журналах. С миллионами запечатлены Гдяня, Иванов и следователи из числа их близкого окружения.

... И только в начале 1991 года у нас реально появилась возможность, да и мы посчитали — настало время заниматься вплотную ценностями.

Первое, на что обратили внимание, это разные цифры изъятых миллионов, которые называл сам Гдяня, рекламируя свою работу. В одном случае это было 40 миллионов, потом 44, затем в прессе и на телевидении сообщалось, что он привез очередной 45-ый миллион. Сорвалась с его уст и цифра 140 миллионов. Об этом говорилось на сессии Верховного Совета СССР в апреле 1990 года. Так где же правда? Сколько же все-таки Гдяня и его группа изъяли, реально вернули государству?

Ответить на эти вопросы оказалось весьма сложно. Дело в том, что в то время в следственной части не было жесткого учета и контроля вещественных доказательств... Огромным препятствием к установлению истины было полное обезличивание изъятых денег, облигаций, ювелирных изделий по гдяняновским делам. Все складывалось в одну кучу, в один мешок и после этого уже никто не мог точно сказать, у кого и какие ценности изъяты, кому они принадлежат.

И все-таки, несмотря на это, я могу утверждать, что Гдяня крупно блефовал, когда называл цифру в 140 миллионов рублей, им изъятых... В пылу саморекламы он присоединил к своим миллионам несколько миллионов, реально отобранных у расхитителей, взяточников и возвращенных государству другими следственными группами, работающими в Узбекистане.

Хорошо зная Т. Гдяня, его тщеславие и неумное самовозвеличивание, я не верил в реальность и 45 миллионов. Меня насторожила и вакханалия в хранении и учете изъятых ценностей. Обратился к Генеральному прокурору СССР А. Я. Сухареву с просьбой создать компетентную ревизионную комиссию и провести полную инвентаризацию вещественных доказательств, их движение по делам Гдяня за 1983-1988 годы. Такая комиссия была

скомплектована и в августе 1990 года приступила к ревизии.... Вычитывались протоколы обысков и выемок, осмотров вещдоков, квитанции на сдачу ценностей в банки и Гохран. Сверялись протоколы показаний, расписки о получении и выдаче денег, ювелирных изделий... Комиссия представила сводный акт... и таблицы-приложения к нему. Выводы оказались неожиданными для многих. Изъятие денег и ценностей по 45 изученным гдлянским уголовным делам характеризовались следующими данными:

Итак, с большими натяжками набиралось на 30 млн рублей. Конечно сумма немалая, но где же остальные, широко разafiшированные миллионы? Я ведь хорошо помню видеосъемки: самолет, трап, улыбающийся Гдлян, а следом за ним несут мешки с миллионами, счет которым, по его словам, перевалил за цифру "40".

Да, Гдлян блефовал в миллионах, но не верилось, что бы вот так, на одну треть, на 15 миллионов было приписано. Если это не блеф, или маленький блеф, то куда ж делись миллионы?

... вернемся к более реальным фактам, к тому же акту ревизии. В нем отмечено, что в ходе расследования при изъятии, хранении и сдаче ценностей по 23 делам допускались серьезные нарушения требований ст. f54, f59, f60 УПК Узбекской ССР, а также недобросовестное исполнение служебного долга членами следственной группы.

Изъятые в ходе обысков и выемок у обвиняемых, их родственников деньги, ювелирные изделия, облигации, по многим делам на месте не пересчитывались, иногда не опечатывались, что создавало условия для злоупотреблений и безответственного отношения в последующем к их сохранности.

Осмотры ценностей производились несвоевременно, порой спустя 2—3 месяца, и поверхностно, особенно это относится к ювелирным изделиям. Как правило, указывалось общее количество колец, браслетов, цепочек и т. п. Характерные их особенности, индивидуальные признаки, например номера часов, не указывались. Ювелирные изделия сдавались в Государственное хранилище Министерства финансов СССР, куда ценности, изъятые у различных лиц, нередко направлялись в одной

упаковке, в результате чего они обезличивались (дела по обвинению Камалова, Нурумбетова, Худайбергена, Каньязова, Усманходжаева, Чурбанова, Каримова, Норбутаева, Мирзабаева, Илиади и др.). В отдельных случаях изъятие производилось без вынесения постановления о производстве выемки и составления соответствующего протокола. Поэтому об изъятии можно судить только на основании протоколов допроса. Не во всех случаях вручались копии соответствующих документов об изъятии (дело по обвинению Чурбанова, Норбутаева и других, дело Мирзабаева), не все ценности опечатывались и упаковывались.

...бесспорно и то, что Гдян в "свои" миллионы включил более 8 миллионов, изъятых следователями и оперативными работниками в Бухарской области по уголовному делу, ими возбужденному, и которое потом примет Гдян вместе с вещдоками к своему производству. Эти миллионы им тоже демонстрировались в зале прокуратуры, других местах, а также на экранах телевизоров.... За изъятие ценностей следователи постоянно получали поощрения в виде денежных премий в размере одного, двух окладов, очередные звезды и просто благодарности. В той же Бухарской области одновременно работало несколько следственных групп прокуратуры и МВД республики... Гдян и Иванов, договорившись об участии в обысках вместе с бухарскими следователями, изъяти около 800 тысяч рублей. Все это взяла группа Гдяна, продержала больше двух недель, доложила об успешной операции, записала в свой актив "удачу", а деньги потом вернула на депозитный счет прокуратуры Бухарской области.

...Людей месяцами держали под стражей, шантажировали их родственников, заставляли собирать деньги. За время следствия в Узбекистане по гдяновским материалам незаконно было задержано и арестовано более 100 человек, так называемых хранителей ценностей. В группе их называли еще "заложниками". По делу А. Каримова, например, было арестовано 23 "заложника". Некоторые без вины отсидели по девять месяцев в следственных изоляторах.

Характерно и то, что Матчанова Пашшо, мать-героиня, воспитавшая 10 детей, пробыла в тюремной камере 9 месяцев. В то же время был арестован и ее муж....

Матчанову П. обвинили в хранении преступно нажитых ценностей. Но в суд направили дело только в отношении мужа. Материалы, касающиеся ареста Матчановой П., Иванов из дела изъят и скрыт от суда.

Матчанова П. далеко не единственная многодетная мать, ставшая жертвой произвола. Аналогично арестовали Алимову П. — мать девяти детей, Талиеву Бебизадумать одиннадцати детей, Саидову Ануру — мать двенадцати детей.

Если быть точным, в Уголовном кодексе Узбекистана, как и в кодексах других республик, не было и нет статьи, предусматривающей ответственность за хранение ценностей, нажитых преступным путем, как это указывали в документах Гдлян, Иванов и их следователи. Есть ответственность за укрытие преступлений и то не всех, а наиболее опасных, тяжких и менее тяжких. Их перечень приводится в кодексах. Укрыватель должен точно знать какое преступление он скрывает, и только после этого может наступить его уголовная ответственность. Гдлян же, при полном попустительстве со стороны прокурорского надзора, вместо законодателя установил новый состав преступления, за который и сажал людей.... Однако нашлись у него и Иванова защитники, которые с их подачи пустились, в том числе и на страницах газет, журналов, в длинные рассуждения о невозможности победить мафию, не нарушая закон.

Материалы в отношении “заложников” не предъявляли судам только потому, что опасались обнародования фальсификации следствия.

Вещественные доказательства — одно из самых уязвимых мест Гдляна. Мы вплотную подошли к их исследованию, однако прекращение дела Генеральным прокурором Н. Трубиным помешало расследовать до конца многие факты недостатков, подмены ценностей.

Гдлян, оправдывая вакханалию с изъятием ценностей, неоднократно говорил, что в местах обнаружения пересчитывать было опасно, да и ценностей находили

много. Возможно, даже соглашусь, по поводу количества обнаруженного. Что касается опасности, то ее ни в одном случае не было. Но вот другой пример. При одном из обысков изъяли двухсотграммовую стеклянную банку с золотыми монетами, указали наличие на них герба, орла, но подсчитать сами монеты никто не удосужился. Обыск проведен с 18 до 18 часов 30 минут, в светлое время. Здесь уже не скажешь, что много изъяли, всего одна двухсотграммовая баночка.

...Установлены и такие факты — при обыске деньги, ювелирные изделия после их упаковки опечатывались одной печатью, а при вскрытии и осмотре упаковки обнаружился оттиск совершенно другой печати.

В ходе ревизии из общего количества ценностей, изъятых по делу Иззатова в марте 1984 года, установлена недостача изделий из золота (24 единицы) на сумму 5274 рубля, 15 наручных часов на сумму 1049 рублей и одного ковра. А дело в суд направлял лично Гдлян.

По делу Меллеева Н. усматривается недостача магнитофона "Шарп", фотоаппарата "Сонио", двух сигналов "Италия" и автомобильного магнитофона "Шарп" на сумму 5200 рублей, изъятых еще в 1984 году. 17 октября 1983 года у обвиняемого Рахманова при личном обыске изъяли деньги в сумме 92 руб. 50 коп., золотое кольцо (400 рублей) и часы "Ориент" (245 руб.) Сведений о дальнейшем движении ценностей или их нахождении нет. Дело в суд направлял Гдлян. Об исчезновении изъятого он скромно умолчал...

Но нам пришлось столкнуться и с более серьезными заявлениями в отношении Гдльяна. Начну с показаний Ю.Писаревского, бывшего следователя гдльяновской группы, который рассказал об одном изъятии дипломата с деньгами. "При вскрытии дипломата в нем оказалось 458 тысяч рублей. Эти деньги закрыли в сейф. Один ключ остался у меня, а другой у Гдльяна и Иванова. Сейф опечатали печатью, которая была у Гдльяна. У меня печати такой не было. Все следователи в здании могли находиться до 20-00, кроме Гдльяна и Иванова. Я ушел вместе с понятыми. На следующий день утром в кабинет, где был сейф с деньгами, были приглашены кассир прокура-

туры республики, бухгалтер прокуратуры республики-Зоря Алексеевна и Рита, понятые, инженер по спецтехнике прокуратуры республики по имени Володя. Пересчитали деньги и оказалось, что не хватает 2000 рублей по сравнению с вчерашними. Гдлян стал нападать на меня с претензиями. Я ему ответил, что ушел отсюда в 20-00 с понятыми, назад меня бы не пустили. Я сказал, что дубликат ключа находится у него, листы с печатями для опечатки ценностей тоже. Услышав это, Гдлян замолчал. Стали составлять новый протокол осмотра на уже новую сумму-456 тысяч рублей, протокол и понятые, соответственно были уже другие”.

Показания Иззатова Видадила: ”Гдлян сказал, что приехал по указанию Генерального прокурора и будет арестовывать много людей... Далее он сказал, что я турок, а он армянин и, как земляк, должен найти с ним общий язык. На мой вопрос: ”Как это сделать?”-Гдлян ответил, что я должен дать ему десять тысяч рублей и стать его агентом по Бухарской области”.

Мадаминов Анвар — бывший начальник ГАИ МВД Ташоблисполкома: ”24 мая 1984 года у меня состоялась встреча с Гдляном, разговор один на один. Он говорил со мной вежливо, сказал, что против меня ничего нет, просил дать ему 70 тысяч рублей за то, что он освободит меня немедленно, но я должен сотрудничать с ним...”.

Задумайтесь еще раз над такими цифрами: из 64 лиц, арестованных за взяточничество по постановлениям Гдляна и его следователей, почти половина признана невиновными и реабилитирована судами.

Что касается изъятых миллионов, то мы частично затронули, кто и как их изымал, кому они принадлежали в действительности. Гдлян и его команда не стали разбираться почти в 6 миллионах Худайбергендова Атауллы. Их попытались увести от истинного владельца, ”приписать” другому лицу.

Весной 1983 года следователи, начав уголовное дело в отношении Бухарского директора горпромторга Ш.Кудратова и начальника БХСС Музаффарова, изымут у них денег, ценностей на несколько миллионов рублей. Нач-

нется кропотливая работа по установлению источников образования миллионов. На этой стадии дело принял к своему производству Гдяня и продолжил расследование. Главный вопрос, который стоял перед ним и его группой, оставался прежним: откуда у арестованных взялись огромные ценности? Выдвинули одну версию: Кудратов и Музаффаров получали взятки от своих подчиненных.

...Кудратову предъявили обвинение, а потом Гдяня составил обвинительное заключение, согласно которому Ш. Кудратов получил взятку от 56 подчиненных ему по службе работников торговли на общую сумму 2 миллиона 358 тысяч рублей. Причем, как сделан вывод следствием, взятки на сумму 680 тысяч 883 рубля были даны за счет хищений материально ответственными лицами из магазинов и складов, а остальные взятки на сумму 1 миллион 677 тысяч рублей — за счет обмана покупателей.

Несмотря на это, Иванов, по согласованию с Гдяняном в отношении всех 56 взяткодателей, расхитителей и обманщиков покупателей прекратит уголовное дело.

Почему Гдяня и Иванов пошли на это? Они просто вступили в преступную сделку с виновными лицами, заранее пообещав не привлекать к суду, лишь бы они дали показания на других лиц.... Огромные хищения, неучтенный, левый товар приходили в Бухару не только из Узбекистана, но и других регионов страны. Следовательно в горпромторге была назначена ревизия. 12 декабря 1983 года ее акт на 1610 листах был направлен Гдяню. Ревизия установила недостачу на несколько сот тысяч рублей, излишки ценностей на 87 тысяч и необоснованную переоценку товаров более чем на 200 тысяч рублей. Однако акт ревизии Гдяня к делу не приобщит, его выберут в "яму", а затем просто "потеряют".

И здесь уместно привести высказывания следователя гдяняновской группы Сухобруса. Характеризуя методы работы Гдяня и Иванова, он заявил: "Они с профессиональной точки зрения беспомощны. Я не видел, чтобы они были заинтересованы на основании закона бороться с коррупцией, мафией и вообще с преступностью. Все делалось для других целей, но только не для этого. Я не знаю, был ли тогда разговор о депутатстве, о демократи-

зации, но гласность набирала темп, и на этой волне они решили использовать свое должностное положение. Это была не борьба. Это было на втором плане...

... Гдлян и Иванов нанесли серьезный ущерб борьбе с преступностью не только в Узбекистане, но и во всей стране. Два заурядных политических авантюриста нанесли удар по авторитету правоохранительных органов”.

Кремлевский “десант” 80-х во главе с Т. Х Гдляном и Н. В. Ивановым задействовал в Узбекистане целую систему противоправных, преступных методов следствия, которые были сродни бериевскому садизму. В течение ряда лет они безнадзорно и безнаказанно применяли практику массовых арестов, с грубыми нарушениями законности, пытками. Как и в страшном 37-м, задержанные и их родственники подвергались жестокому физическому и психологическому давлению. Решения об арестах, о виновности своих жертв Гдлян и Иванов принимали почти так же быстро и бесповоротно, как и печально известные “тройки”, особые совещания времен сталинизма, без суда и следствия приговорившие в 30-50-е годы десятки тысяч совершенно невиновных людей к расстрелу или 10 годам тюрьмы без права переписки. Используя психофизический пресс, как и в 30-годы, заставляли людей оговаривать друг друга, принуждали родителей “изобличать” своих детей, а тех, наоборот, родителей. И делалось это вопреки существующему запрету на принуждение к даче показаний.

Следователи группы Гдляна в процессе расследования ориентировались в первую очередь не на нахождение улик, а на получение признательных показаний против самих себя, то есть на пресловутую “царицу доказательств”, по выражению сталинского прокурора -палача А. Вышинского.

Стоявший у истоков создания “троек” А. Вышинский дал “царице доказательств”, как он называл признание обвиняемым своей вины в процессе следствия, длительное время пользовавшееся преимуществом перед другими доказательствами, теоретическое обоснование в своей книге “Теория судебных доказательств”. Именно с

помощью этой "теории" стало возможно проведение необоснованных массовых репрессий советских людей в период культа личности Сталина. К большому сожалению, практика показала, что многие работники правоохранительных органов, особенно следственных, продолжали поклоняться "царице доказательств" и тем самым способствовали серьезным изъятиям в следственно-судебной практике. Именно эту псевдонаучную теорию взяли на вооружение Гдлян и компания в 80-е годы в Узбекистане. "Эффективность" практического применения гдляновцами этой порочной теории испытали на себе Т.Умаров, М.Мусаханов, Н.Раджапов и члены их семей, родственники.

Однажды во время очередного допроса, когда Гдлян и Иванов в который уже раз пытались "вразумить" меня, вошел начальник следственной части прокуратуры СССР Каракозов, давний друг и покровитель Гдляна. Я довольно хорошо знал Каракозова, поэтому внутренне собрался, ожидая новый подвох. Интуиция меня не обманула. Смерив меня высокомерным взглядом, Каракозов сказал:

— Кахраманов, хорошенько подумайте о том, что я сейчас скажу. Помогите следствию, дайте показания на Нурбанова и получите маленький срок. И генеральный прокурор просит вас сделать это. Завтра Рекунков сам примет вас.

Действительно, на следующий день меня повезли к руководству прокуратуры СССР. Вызов к самому генеральному прокурору был своего рода психологическим приемом. Этим они хотели подчеркнуть степень тяжести инкриминируемого мне преступления. Реакция на все мои попытки объяснить, что я не имею отношения к преступлениям, была нулевой. Мне напомнили, что Гдлян пользуется неограниченным доверием властей и поступает правильно, что события в Узбекистане находятся на особом контроле политбюро ЦК КПСС. Я понимал, что с главными обвинителями "красной империи" шутки плохи. Наиболее разумным в этой ситуации было как-то оттянуть время ответа. Поэтому я попросил разрешить мне подумать и чтобы из камеры убрали Аркашу, позво-

лили кое-что получить из дома и выдали мне другую одежду и обувь. Мне пообещали выполнить мою просьбу. В этот же день Аркашу увели.

Уходя, Аркаша тепло попрощался с нами: все же столько дней провели в одной камере. Он еще не знал, что его ожидало впереди...

Спустя пару дней Н. П. Трегубова тоже перевели в другую камеру. Я опять остался один в четырех стенах, наедине со своими тревожными мыслями и бесконечными вопросами, которые не давали мне покоя ни днем ни ночью. Я вновь и вновь слышал голоса Гдяна и вторивших ему Каракозова, Иванова, неприкрытые угрозы, произнесенные ими в кабинете Генпрокуратуры: "Скоро мы арестуем всех руководителей Узбекистана, мы всех рашидовцев выведем на чистую воду. Мы очистим республику от взяточников, коррупционеров и расхитителей".

Через несколько дней в камеру ввели мужчину, который долго хранил молчание, я тоже не стал спешить знакомиться. Прошло около двух месяцев, за это время мы присмотрелись друг к другу. Мой новый сокамерник оказался важной персоной. Это был Владимир Николаевич Сушков, проработавший в системе внешторга без малого 40 лет. Работал во внешторговых представительствах в Германии, Италии, Франции. В совершенстве владел немецким, французским, испанским, английским языками, был в курсе деятельности всех звеньев Минвнешторга. Министру Н. Патоличеву было 80 лет, на работе он появлялся не более двух раз в неделю. Фактически руководство министерством осуществлял Сушков.

Патоличев пользовался особой благосклонностью и уважением генсека Л. Брежнева. В военные годы он был директором завода, выпускавшего танки и был вхож к И. В. Сталину. За свои большие заслуги перед страной в 1944 году был удостоен высших трудовых наград. После войны работал вторым секретарем ЦК компартии Украины, первым секретарем ЦК компартии Белоруссии.

В 1985 году Патоличева приглашает на допрос Гдян и высказывает оскорбительное предположение о том, что выделенная Узбекистану валюта на самом деле пошла на

взятки, требует написать об этом заявление в соответствующие органы. Подобное обвинение после стольких лет честного и самоотверженного труда для человека, пережившего военное лихолетье, голод, послевоенную разруху, героическим трудом доказавшего свою любовь и преданность родине, стало роковым ударом, от которого Патоличев так и не оправился.

В. Сушков был наставником и старшим товарищем Юрия Брежнева, сына генсека. Курировал Брежнев-младшего с того самого времени, когда тот начинал свою карьеру скромным инспектором, и до назначения на ответственный пост заместителя министра. По свидетельству Сушкова, Юрий Брежнев был очень скромным, выдержанным человеком. Всегда старался помочь каждому, кто к нему обращался, будь то сотрудники Минвнешторга или совершенно посторонние люди. Но у него была слабость — алкоголь.

Во многом благодаря Юрию генсек очень хорошо относился к Сушкову. Нередко во время встреч высокопоставленных государственных деятелей Сушков выступал в качестве личного переводчика Леонида Ильича.

Смерть Брежнева, воцарение Андропова, затем Черненко, их болезни, уход из жизни потрясли страну. Пребывание у власти этих одряхлевших физически, идейно окостеневших старцев как бы символизировало одряхление, безволие самого режима. Фундамент “красной империи” заметно пошатнулся. Уже все понимали острую необходимость перемен, обновления.

За годы правления Брежнева, которые вошли в историю как застойные, гонка за рекордами и громкими рапортами к различным партийным годовщинам и съездам, когда малейшие достижения преподносились как грандиозный, небывалый успех, а ошибки и недостатки умышленно замалчивались, а главное — растущие диспропорции в народном хозяйстве, низкое качество товаров и милитаризация с разрастанием военных затрат постепенно вела к развалу экономики. Повсеместно процветали очковтирательство, приписки, взяточничество, преступность. Центр терял силы, но не сдавался и по-прежнему стремился удержать союзные республики в ре-

жиме жесткого повиновения и зависимости. Надо признать, в самих республиках все еще была сильна инерция прислушиваться, приноравливаться к настроениям в Москве, в кремлевских коридорах. Местные руководители по инерции ждали инструкций из центра, так, наверное, было проще, привычнее. Поступить иначе означало бы принять на себя огромную ответственность за будущее своей республики, за судьбу своего народа, а к такому шагу многие еще не были готовы. Да и вот так, сразу уйти от влияния сложившихся за более чем полувековую историю Союза стереотипов было нелегко.

Грянувшая с приходом горбачевской команды перестройка обнажила все язвы и негативные явления, до того момента во многом скрытые от общества. Именно на волне перестроечной борьбы с застойными явлениями начался новый передел власти со всеми, сопряженными с этим, последствиями.

АНАТОМИЯ ВЛАСТИ

**Развращает не власть, а страх
потерять власть.**

Д. Стейнбек

В Лефортово судьба свела меня с десятком граждан других стран. Со многими заключенными-иностранцами познакомился, а с некоторыми даже подружился. Иностранцы стали свидетелями того, что советское государство основано на несправедливости, что в СССР на каждом шагу нарушаются права человека. Иного было трудно ожидать, потому что пенитенциарная система в бывшем Союзе по всем параметрам занимала одно из самых последних мест в мире.

Поскольку тюрем было больше, чем нужно, то никто не заботился о том, чтобы поддерживать элементарный порядок и чистоту, чтобы создать самые необходимые условия для тех, кто по разным причинам оказался за решеткой. Самое трагичное, что эти страшные места оказались последним пределом для сотен тысяч невинно осужденных. Многие из них не могли вынести тех пыток

и унижений, которым их подвергали, некоторые сдавались на волю палачей и тоже находили здесь смерть. Я поставил перед собой цель — выжить во что бы то ни было. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы выстоять в борьбе с двумя палачами и рассказать об их преступлениях. Поэтому молил Аллаха укрепить мои силы и волю, чтобы я смог доказать невиновность перед Родиной, перед народом и разоблачить тех двух националистов и клеветников. Сам воздух этой тюрьмы казался мне отравленным, как я тосковал по вольному ветру, приносящему из степей горьковатый запах полыни и острый запах других степных трав!

На протяжении 73 лет существования “красной империи”, которая весьма часто практиковала насилие и террор, ей противостояли люди, выступавшие против её внутренней и внешней политики. 60–80-е годы были отмечены резким усилением надзора ЦК КПСС за интеллигенцией, настроенной против советской власти. Выдающиеся ученые, писатели и поэты были на долгие годы брошены за решетку. В Мордовии для них был специально построен дополнительный лагерь.

Особого размаха гонения на интеллигенцию (по статьям 70 и 19/1) достигли с конца 60-х до середины 80-х. В середине 60-х годов после суда и отсидки страну был вынужден покинуть будущий Нобелевский лауреат поэт Иосиф Бродский. Росло число “невозвращенцев” среди литераторов, музыкантов, танцоров. Расширялись и географические границы репрессий. Преследование инакомыслящих распространяется на территории Украины, Грузии, Прибалтики. Известный писатель, лауреат Нобелевской премии, А.И. Солженицын, прославленный ученый П.Г. Григоренко были выдворены из страны, лишены гражданства. Один из крупнейших художников XX века — скульптор Э. Неизвестный также покинул страну.

В статье “Катакомбная культура и власть” (журнал “Вопросы философии” № 10 за 1991 г.) Эрнст Неизвестный пишет:

“Сейчас, когда я уже несколько лет на Западе, я все чаще задаю себе вопрос: что же заставило меня покинуть”

Россию? Главными, разумеется, были внутренние расхождения с советским мировоззрением...

Как я теперь понимаю, истоки моего разочарования уходят в прошлое, в послевоенные годы, когда я вернулся с фронта домой. Воспитанный в определенном смысле романтически, я продолжал цепляться за прежние юношеские представления о жизни. Если власть и не была любима мной, то по крайней мере, я хотел ее видеть в качестве грозной и демонической силы. А на протяжении всей своей жизни я встречался с обыкновенным, распушенным люмпеном, который занимал гигантские посты. И больше того, в сознании народном и мировом являлся героем. И вот этот разрыв между правдой истории, правдой победы, морем крови и невзрачностью, мелкотравчатостью, вульгарностью "представителей" истории ранил меня. Так, пожалуй, закладывалось мое основное, внутреннее противоречие с сложившейся властью и теми, кто ее олицетворял на всех уровнях".

Взять хотя бы такой факт. В СССР ни один из "вождей" по своей воле от власти не отказался, даже будучи очень старым, больным человеком.

Сами врачи, которые отвечали за здоровье членов Политбюро и генсеков, как правило, преуменьшали опасность и тяжесть заболевания своих пациентов. Я уверен, что министры здравоохранения и руководители 4-го главного управления не спешили или боялись сообщить им о тяжести их заболевания, а тем более о том, сколь вредно отражается на руководстве страны их старческий эгоизм.

В статье "Власть и здоровье", опубликованной журналом "Огонек", знаменитый хирург академик Б.В. Петровский утверждает, что тяжело больной человек может заниматься литературой, научной работой, но никак не серьезной государственной деятельностью. "Не только работоспособность, решения, но и взгляд на мир Божий зависят от состояния здоровья в значительно большей степени, чем кажется. Думаю, что связь между состоянием здоровья главы государства и его решениями, его управлением страной, безусловно существует.

Однако более молодые и, возможно, более талантливые политики не имели достаточного влияния, авторитета и известности, и потому переход к ним власти был практически нереален. Поэтому появление Андропова (хотя он был совершенно больным человеком) у руля государственного управления было гораздо более предпочтительным, чем переход высшей власти в стране в руки Черненко или Кириленко. Андропов был "силовик".

Вообще Петровский слишком категоричен, когда пишет о взаимосвязи здоровья государственного деятеля и его работы. Многие ученые и историки, в частности Р.А. Медведев, категорически не согласны с его мнением. Здесь многое зависит от характера болезни и в еще большей степени от личности человека. Брежнев, Черненко, Андропов в 65-70 лет фактически находились в состоянии старческого "маразма" или "эгоизма", между тем как Конрад Аденауэр в свои 73 года возглавил Западногерманское государство, умело руководил ФРГ в течение 15 лет и вместе с Людвигом Эрхардом стал автором так называемого "немецкого чуда", Франклин Делано Рузвельт четыре раза подряд избирался президентом США, хотя был инвалидом и мог передвигаться только в инвалидной коляске. После первых поражений во II мировой войне англичане избрали 66-летнего Уинстона Черчилля премьер-министром Великобритании. Во второй раз тот же Черчилль занял этот пост в 1951 году в возрасте 77 лет.

Дэн Сяопин фактически возглавил самое населенное в мире государство — Китай и начал проводить здесь коренные экономические и политические реформы в 1987 году в возрасте 74 лет. Он оставил большую часть своих постов лишь через десять лет, когда увидел, что его политика достигла своей цели.

Когда Франция в конце 50-х годов оказалась в условиях тяжелого политического кризиса, к власти здесь пришел 68-летний Шарль де Голль. Он оставался на посту президента более десяти лет, став основателем так называемой "пятой республики". Эти примеры можно продолжить. Кстати, и сам Б.В. Петровский ушел с поста министра здравоохранения лишь в возрасте 72 лет и до 70 лет делал несколько сложнее операций в месяц.

Как видим, проблема не столько в преклонном возрасте и немощи политических лидеров и степени их личной дееспособности, сколько в состоянии самой системы отвечать на вызов времени. Если в других странах совершенствовались правовые институты, укреплялась демократия, в бывшем Союзе правящие круги опять все надежды стали возлагать не на репрессивный аппарат. По инициативе шефа госбезопасности стала шире использоваться практика принудительного помещения инакомыслящих в психиатрические лечебные заведения, что делало советский режим ещё более одиозным в глазах мирового сообщества.

Не удивительно, что многие в ту пору искали пути и возможности покинуть страну, в большинстве случаев нелегальным образом.

Одним из таких беглецов был Валерий Кузьмин. У него была ученая степень доктора наук, он занимался оснащением промышленности и сельского хозяйства оргтехникой и компьютерами. Его родственники — знаменитая чета Мстислав Ростропович и Галина Вишневская — в начале 80-х годов, гастролируя по Америке, попросили там политического убежища после лишения их советского гражданства. Им были созданы все условия для плодотворной деятельности. Когда они получили американское гражданство, стали выезжать с гастролями во Францию, Англию, Германию, Австрию, Швецию. Везде их ждал грандиозный успех. И вот в конце 1994 года руководители уже новой России пригласили знаменитых артистов на родину. Москвичи устроили небывалый прием двум великим музыкантам, на их концертах присутствовали и государственные деятели. Ростропович и Вишневская организовали в Москве специальный фонд как вклад в дальнейшее развитие русской культуры.

Из-за родства Кузьмина со знаменитыми музыкантами ему и его жене была запрещена поездка за границу даже по туристической путевке. Тогда они решили пересечь финскую границу и через Норвегию “выбираться” в Америку. Они стали искать пути тайного пересечения границы. Под видом “диких туристов” они шли лесами к

финской границе, заблудились, и целый месяц пробыли в лесу. Но вот, наконец, они добрались до границы. Еще в течение трех дней прикидывали, как им лучше уйти. И когда уже казалось, что единственно верный путь найден и они близки к своей цели... их задержали свои пограничники.

Супруги были доставлены в Лефортово и обвинены в измене Родине. Таким образом один из беглецов оказался нашим соседом по камере. Кузьмин был невероятно скромным человеком. Являясь интеллектуалом, крупнейшим специалистом в сфере технических знаний, он в то же время как большинство людей от науки оставался наивным и доверчивым человеком.

Через десять дней камеру покинул Сушков. Следствие по его делу было закончено и дело передано в суд. Вместо него появился новый заключенный — секретарь парткома бывшего центрального телевидения Кудрявцев. Он был весьма разговорчивым, ловким, остроумным человеком. Его обвиняли в том, что во время своей поездки во Францию он вел тайную деятельность против советского телевидения и высказывался о том, что в СССР нет демократии.

Кудрявцев был оптимистом по натуре. Поэтому, когда Кузьмин начинал “копаться в себе”, он говорил ему:

— Если любишь жизнь, старайся отвлечься от грустных мыслей. В этой грязной камере полезно шутить и смеяться. Если постоянно думать о допросах и о том, что тебя ждет, то можно сойти с ума или умереть...

Должен честно признаться, что сильнее голода физического был голод духовный.

Могу свидетельствовать, что в Лефортово была большая тяга к поэзии. Мне довелось быть в одной камере с настоящими ее ценителями и знатоками, некоторые из них сами сочиняли стихи.

Так, я впервые от них услышал сонеты Шекспира, стихи Гете, Ахматовой, Есенина, Гумилева, Мадельштама, Пастернака, Высоцкого, Евтушенко.

Помню, один мой сокамерник, Каштонов, вдохновенно читал стихи Мадельштама, посвященные мечети Айя-София:

*Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам.*

Запомнились мне и такие строки Мандельштама:

*Вполне свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.*

Мой другой сокамерник, Николай Лавицкий, сидевший за контрабанду, после допросов любил повторять стихотворение Г. Гейне:

*Глупцы! Ну чего в чемодане искать?
Ведь там ничего не найдется.
Моя контрабанда в моей голове
Повсюду со мною везется!*

И мне хотелось приобщить этих людей к узбекской и вообще восточной культуре. Они слушали меня с интересом и выражали сожаление, что воспитанные в европейском духе, так мало знали о восточной поэзии и философии. Наши разговоры, а часто и споры, затягивались на 2—3 часа.

Помню, читал им газели Навои, рубайи О. Хайяма, Шерази, Хафиза.

Особенно им нравились рубайи Омара Хайяма.

*О небо, к подлецам
щедра твоя рука!
Им — бани, мельницы и
влага родника.
А кто душою чист, тому
лишь корки хлеба?
Такое небо, тьфу, не
стоит и плевка.*

Моим сокамерникам понравилась и одна из легенд, связанная со знаменитым поэтом Хафизом и Великим Темуром, которую рассказывал мой дед.

Однажды Темур прочитал двестише Хафиза:

*Когда та ширазская турчанка мое бы
сердце приняла,
За родинку на ее щечке я отдал бы
Самарканд и Бухару.*

Он разгневался и потребовал, чтобы к нему срочно привели автора. Знаменитый Хафиз предстал перед Темуром в дервишском рубище. Правитель сказал грозно:

— Я покори́л весь мир ради возвеличивания Самарканда и Бухары. Как ты смеешь их раздаривать за какие-то родинки!

— Правитель мира, — отвечал поэт, поклонившись ему, — ты сам видишь, до какой нищеты я дошел из-за такой расточительности!

Находчивость Хафиза заставила Темура сменить гнев на милость, и он отпустил поэта с подарками.

Так случилось, что нам в наследство достались песни каторжан, такие, как “Бродяга”, “Не слышно шума городского”, сочиненные политзаключенными в 30—60-е годы, вроде известного “Ванинского порта” и калымских песен. Популярны среди нас были песни Кима, Окуджавы, любил мы марш Галича “Мы похоронены где-то под Нарвой”.

Мы пели их, прохаживаясь по камере, хотя каждый раз возникали инциденты с надзирателями.

ЛИЦЕМЕРНАЯ “ПРАВДА”

Искренность — это чистосердечие...

Ф. Ларошфуко

Как-то под вечер прибыл новый заключенный — красивый кавказец, эдакий джигит, настоящий абрек. По-знакомились. Звали его Сулейман. Позже я узнал, что он был известным преступным “авторитетом” в бывшем Союзе. Он не из тех, кто ждет милостей от судьбы, несмотря на относительную молодость достаточно повидал и пережил и не боялся жизни, а риск, опасность были для него как допинг. Это была не первая его “ходка” в тюрьму, он отбывал сроки в учреждениях строгого режи-

ма в Якутии, Чите, Магадане. Ходили слухи, что в Лефортово он попал по обвинению в совершении незаконных валютных операций.

Сулейман рассказал о своих злоключениях во время этапа из Магадана. Полтора месяца в продуваемых сквозняками неотапливаемых вагонах не могли пройти бесследно. Да и сибирские морозы для южанина страшнее пытки. Но и в тюрьме, и на этапе друзья постоянно снабжали его продовольствием, спиртными напитками.

Он также рассказывал, что тюремный общак, иначе говоря, воровская касса, составляет многие миллионы рублей. То же самое карточные деньги. Механизм распределения, оборота, пополнения, хранения и учета зонавских денег отработан до мельчайших деталей. Отчетность по этим деньгам ведется идеально. Сколько бы ни “шмонала” тюремная охрана, обнаружить их никогда не удастся. Сулейман не скрывал, что оставил на хранение у друзей в зоне 400 тысяч рублей. Выходило, что он и в тюрьме, и на воле всегда был при деньгах. Видимо, Сулейман решил продемонстрировать мне свои тюремные фокусы и, оглядевшись по сторонам, достал из носа 4 свернутые трубочкой сторублевки и тут же спрятал их обратно. И впрямь, каким-то образом ему удавалось спасти свои зачатки даже после знаменитых лефортовских “шмонов”.

Он был по-своему щедр, рассказывал, как на этапе больше 1000 рублей раздал ехавшим в других вагонах зекам. Оснований не верить его словам у меня не было. В пылу кавказского великодушия Сулейман даже предложил свое покровительство: “Будешь в зоне, только назови мое имя, никто тебя не тронет”.

От него же я узнал о выходе из Узбекистана по прозвищу “Тайваньчик”, который в то время жил в Москве. Оказывается, хозяин этого необычного прозвища был хорошо известен среди российских авторитетов и даже за “кордоном”. Он специализировался на карточной игре, слыл удачливым игроком. Когда был в выигрыше, любил устраивать обильные застолья в шикарных ресторанах для своих многочисленных друзей и приятелей. Неожиданно Сулейман спросил: “Слушай, Таштемир, а ты чем-то похож на Тайваньчика, ты, случайно, не его родственник?”

Я отрицательно покачал головой. Мой сокамерник, конечно, не мог знать, что я из состава руководящих работников МВД, и мы с Тайваньчиком находимся по разные стороны баррикад.

С Сулейманом мы соседствовали больше двух месяцев. О Тайваньчике рассказывал и другой мой сокамерник Нодар, грузин по национальности, с которым судьба свела меня в начале 1988 года. Тогда я и узнал, что Тайваньчик переехал на жительство сначала в Германию, затем обосновался в Париже. Нодар оказался очень общительным, неунывающим человеком, неплохим соседом. После моего оправдания, узнав об этом из газет, Нодар прислал мне поздравительную телеграмму. Его самого оправдали в 1992 году, несколько позже мы встретились с ним в Москве. В настоящее время Нодар — преуспевающий бизнесмен, владеет сетью солидных магазинов. Во время нашей встречи после освобождения Нодар рассказал мне о трагической смерти Сулеймана уже на воле. Его застрелили в родных краях при каком-то вооруженном столкновении на почве межнациональной розни.

Возможно, читателю покажется странным, что я уделяю чересчур много внимания мелким подробностям, деталям биографии и последующей судьбе моих сокамерников. Поначалу я и сам сомневался, включать ли их жизненные истории в эту книгу, но, подумав, решил, что было бы лицемерием сделать вид, будто тех дней и тех людей никогда не было в моей жизни. Сказано же, в счастья и веселии не забывай о днях печали и слез, о тех, кто был тогда рядом и разделил с тобой часы печали. Неисповедимы пути Господни, и судьбе было угодно свести в одной камере в неволе милицейского чина и заядлого преступника, маститого хозяйственника и маньяка-убийцу, иностранного агента и воровского авторитета, контрабандиста и неудачника-беглеца за кордон в поисках лучшей доли... Не зря говорят, что отрицательный опыт — тоже опыт, все идет в жизненный багаж...

На одном из допросов, кажется, это был 28-й допрос в Лефортово, Гдлян и Иванов положили передо мной газету "Правда" со статьей "Кобра над золотом". В ста-

тье рассказывалось о том, как двое отважных следователей, то есть Гдлян и Иванов, бесстрашно борются с мафией в Узбекистане, отнимают у узбекских взяточников преступно нажитые богатства и возвращают их государству. Заканчивалась статья также очень бравым утверждением, мол, сколько бы ни сопротивлялась узбекская мафия действиям принципиальных следователей, деньги и золото, припрятанные в тайниках, будут найдены и изъяты. Статья пела дифирамбы мужеству и героизму Гдльяна и Иванова, возводя их в ранг национальных героев. Являясь главным печатным органом КПСС, “Правда” распространялась в 140 странах мира. Читательская аудитория газеты исчислялась десятками миллионов.

Мы сами со школьной скамьи росли в твердой убежденности, что в “Правде” не может быть напечатана неправда, тем более в эпоху гласности, и все, что публикуют на ее страницах, не подлежит сомнению. Перед тем как попасть на полосы, материалы проходили жесткую цензуру. Все “серьезные” выступления, в том числе статьи о деятельности гдльяновской группы, публиковались только с разрешения ЦК.

Материалы подобного рода должны были служить укреплению авторитета, раскрутке в обществе имиджа “инициатора коренных перемен в системе” нового генсека Горбачева. Заказные публикации о взяточничестве, коррупции в госорганах помогали новому партийному вождю устранять с дороги явных и скрытых сторонников его предшественников. Гдлян и Иванов “любезно” предложили свои услуги горбачевской команде, небескорыстно, конечно. Для них это был шанс сделать себе имя, продвинуться по служебной лестнице, что греха таить, вкусить славы, власти, а возможно, даже попасть в большую политику. В этом они изрядно преуспели, во всяком случае, по части саморекламы. В отличие от остальных коллег-следователей, большинство которых без лишнего шума честно и добросовестно выполняли кропотливую черновую работу каждый на своем участке, Гдлян и Иванов только и успевали давать бесконечные интервью направо и налево, кочевать по пресс-конференциям, брифингам, встречам с общественностью, сни-

маться на телевидении, записываться на радио. Не страдавшая избытком скромности, они не уставали рассказывать, причем, каждый раз эти рассказы обрастали новыми “жареными” подробностями об узбекской мафии, продажных чиновниках, хлопковых аферах, раскрытых ими, о найденных миллионах, золоте, драгоценностях, о том, как тяжело им приходится, так как они вдвоем выполняют самую опасную, самую трудную работу, с которой не по силам справиться всей системе правоохранительных органов прокуратуры страны, что только им под силу искоренить коррупцию и преступность в среднеазиатских республиках и Казахстане. Мало того, Гдлян и Иванов неоднократно публично заявляли о том, что, если понадобится, они доберутся и до Кремля.

К сожалению, многие даже солидные издания, журналисты, корреспонденты радио и телевидения, поддавшись витийству и напору двух авантюристов, оказались невольно их пособниками, предоставив им свои страницы, экраны, позволили им выйти на многомиллионную аудиторию, не имеющую абсолютно никакого иммунитета ко лжи, привыкшую брать на веру все, что говорится с газетных полос или экранов телевизоров особенно на такую, малоосвещаемую, деликатную тему как коррупция.

Между тем Т. Гдлян и Н. Иванов сознательно, дабы набить себе цену, нередко инспирировали угрозы в свой адрес и даже покушения на их жизни, чтобы таким образом создать и закрепить ореол самых непримиримых, самых принципиальных, а главное, самых авторитетных и удачливых борцов с преступностью. Затеянная ими игра набирала обороты и требовала дальнейшего форсирования событий, втягивая в орбиту интриг все новых лиц и новые жертвы.

Так, в качестве очередной высокой мишени был выбран Егор Лигачев и некоторые другие члены Политбюро ЦК. Это уже была заявка на другой, московский уровень в затеянной аванюре. Конечно, здесь были если не прямые заказчики, то, без сомнения, заинтересованные в дискредитации прежнего состава Политбюро стороны. Свою “всеядность” Гдлян и Иванов продемонстрировали и позднее, когда в Кремле подули другие ветры и бразды прав-

ления стали переходить к радикал-реформаторам. Они с тем же рвением принялись изобличать и обвинять в пособничестве, в сокрытии пресловутого золота партии уже самого идейного “отца” перестройки, передовыми солдатами которой они долгое время себя называли.

Чтение “Правды”, понятное дело, не прибавило мне энтузиазма. Наверняка это отразилось на моем лице, потому что Гдлян самодовольно осклабилась и спросил:

— Ну как, я был прав? Все вы, узбеки, взяточники и воры, ясно? Скоро мы арестуем Усманходжаева, Салимова, Камалова, Худайбердыева, Раджабова, Джаббарову, более того, возьмем Кунаева, Алиева, Романова, Лигачева, так что начинайте писать показания.

Услышав мой категорический отказ, Гдлян и Ивано сели на своего любимого конька. Посыпались угрозы, мат, оскорбления в мой адрес и моих родственников, обещания “сгноить их всех в каталажке”, под конец мне в лицо начали тыкать санкцией прокурора на задержание двух моих несовершеннолетних детей. После этого, в качестве наказания, чтоб я мог подумать и образумиться, меня отправили в знаменитую одиночку, камеру смертников, в которой в разное время находились в ожидании суда Орлов, Щаранский, Циханович и другие известные личности.

Вот как о садистской практике психологического прессинга, применявшейся к арестованным по “хлопковому” и “узбекскому” делам, написал впоследствии В. Илюхин в книге “Оборотни”: “В целях психологического давления на арестованных их длительное время держали в неведении, месяцами не вызывали на допросы. Тем самым несговорчивым давали понять, что те — ”конченные” люди. Людей так изматывали неведением, страхом за свое будущее, что они сами просились из камер на допросы. Например, в допросах арестованного Кахраманова имелись перерывы по 4 и более месяцев. Поэтому вполне мог “сработать” как большой психологический пресс и следующий трюк. Несговорчивого арестованного вызывали на допрос в кабинет два следователя, сажали на стул и как бы забывали о нем. Между собой говорили громко. Один другому сообщал, что на прошлой неделе или совсем недавно расстреляли такого-то, назы-

вали фамилию. С помощью неправомерных длительных арестов, созданием невыносимых условий в камерах, путем избиения подследственных, шантажа, угроз, обмана стремились морально раздавить человека, унижить, довести до скотского состояния, сделать из него ничтожество, а растоптав, сломив, получали от него показания, удобные следствию”.

...1987 год, 21 августа. Уже два года и пять месяцев, нет, даже больше, как я нахожусь в Лефортово. 21 августа — день моего рождения. Гдлян вызвал меня на допрос, с умыслом, конечно. Он вообще был мастер психологических уловок, обладающий инквизиторским “талантом”.

Гдлян был в хорошем настроении:

— Таштемир Худайбердыевич, вы какого года рождения?

— Тысяча девятьсот сорокового, 21 августа.

— Правда? Тогда прошу прощения за то, что побеспокоил и испортил вам настроение в день рождения.

— Нет у меня никакого покоя по вашей милости, и настроение мое вы испортили уже очень давно.

— Ну-ну, не надо сердиться, ведь вы сегодня именинник!

— Да лучше б умереть на воле, чем отмечать день рождения в тюрьме.

— Зачем же так мрачно? В этом есть свой кайф. Если послушаетесь нас, то разопьем вот это шампанское в честь вашего дня рождения, — продолжал увещевать Гдлян, открывая заранее приготовленную бутылку. — Вы сильный, разумный человек. Сами должны понимать, что во всем происходящем с узбеками и Узбекистаном есть и ваша вина. Вас испортили работа в милиции, ваши узбекские обычаи, сама система. Давайте выпьем за ваше здоровье, чтобы до конца этого года вы оказались дома.

— Зря стараетесь. Все равно пить не буду. Не надо лицемерить, не играйте со мной. Бесплезно. Мы с вами никогда не договоримся, — ответил я.

Результаты не заставили себя ждать. В качестве “подарка” на день рождения меня отправили в карцер на пятнадцать дней, после которых на два месяца заперли в одиночке.

Да уж чего-чего, а времени, чтобы предаться аскетизму и подумать о смысле жизни, о природе человеческих отношений, в стенах Лефортово у меня было предостаточно...

РАСТОПТАННЫЕ СУДЬБЫ

**Враг не тот, кто наносит обиду,
а тот, кто делает это преднамеренно.**

Демокрит

Но ведь этих хищников тоже родила мать. Они, как и мы, учились в школе. Думаю, там их плохому не учили.

И юридические институты позаканчивали, стало быть не в джунглях росли. А судя по их репликам и сентенциям, по самодовольной манере делать обобщения и раздавать оценки всему и вся, причем в самой оскорбительной форме, их интеллект и духовный уровень оставляли желать лучшего. Известно, что ничто не может охарактеризовать человека с худшей стороны, чем намеренное унижение национального достоинства других. В этом “искусстве” Гдлян весьма приуспел. Чего только я не услышал из его уст в адрес своего народа, сколько ядовитой напраслины, сколько глумливых характеристик! Все тогда во мне кипело.

Что знал о моем крае и его истории этот карьерист, чей словарь кишел нецензурщиной как и у большинства его сподвижников? Наша земля — колыбель одной из древнейших цивилизаций. Она дала миру великих ученых, поэтов, полководцев, чьи имена не нуждаются в расшифровке любому образованному человеку. Идет ли разговор о медицине — кому не ведомо имя Авиценны (Абу Али ибн Сино)? Об астрономии — кто не слышал об Улутбеке? А про походы Темура (Тамерлана) любой подросток знает еще со школьной скамьи, а данные им сражения изучают в военных академиях как образец полководческого искусства. Во все мировые энциклопедии вошли имена математика аль Хорезми, мыслителей-богословов Исмаила аль Бухори, Махмуда Яссави, поэта-

полководца Бабура, великого поэта Алишера Навои. Под эгидой ЮНЕСКО были отмечены даты рождения многих из этих, прославивших наше отечество, могучих и светлых умов. Но у Тельмана Хореновича было свое "мнение" и свое "отношение" к нашему народу. Он не устал состязаться с Ивановым, Карташяном и другими коллегам в приписывании узбекам все новых и новых пороков и придумывании оскорбительных эпитетов в наш адрес. Нечего и говорить, что бесчинства Гдляна и Иванова на земле Узбекистана были усугублены их глумлением над национальным достоинством моих земляков. Что ж, это входило в их арсенал важной составляющей целенаправленной деморализации наших людей.

Думаю, читателю будет интересно ознакомиться с их характеристиками, которые дал в своей книге "Я рассказываю все, как было" **Ю. Чурбанов**:

"Эти имена — Гдлян и Иванов — до 60—70-х годов вообще никому не были известны. Кто их знал? Они были приглашены в Прокуратуру СССР в качестве частных следователей. Начальник следственной части Прокуратуры СССР Герман Петрович Каракозов укреплял свой аппарат. Чтобы удержаться на работе в Москве, Гдляну и Иванову нужно было как можно ярче проявить себя.

Тут и выплыло на свет дело, названное "узбекским". Вот на нем они и кинулись делать те самые шампиньоны, которые пробивают асфальт, чтобы дотянуться до солнца. Проявив недюжинные авантюристические способности и быстро раскусив все слабые черты узбеков из рашидовского окружения, Гдлян и Иванов действительно нашли для себя "золотую жилу". А самое главное, изменилось время, началась перестройка. Чтобы доказать государственную важность следовательской работы, нужны были громкие разоблачения и крупные фигуры, поэтому их прежде всего интересовал верхний эшелон республиканской власти.

Совершенно разные по складу характера, но оба упрямые в достижении главной цели, Гдлян и Иванов быстро нашли общий язык. Иванов во всем копировал Гдляна, подражая ему в мелочах до смешного. Даже свои сигареты во время допроса клал на батарею, точь-в-точь как Гдлян —

чтобы "прожарить", как он выражался. Имя Гдяна в Прокуратуре было у всех на устах — как следователя, умеющего добывать любые показания.

Именно Герман Петрович Каракозов — начальник следственной части Прокуратуры СССР, как я уже говорил, был не только их прямым начальником, но и мощным "идейным" руководителем. Страшный человек — Каракозов. Не страшнее, впрочем, чем другие, но очень коварный. Когда Каракозов в прокурорском кресле — он ведет себя с чувством превосходства. Но в ходе следствия Каракозов мгновенно перестраивается, быстро меняя свою тактику. То он вдруг становился ласковым, проникновенным, сочувствующим, то вдруг начинал "хулиганить" — грозил, шантажировал, пугал, даже срывался на крик: все зависело от того, чего он добивался, какую игру он играл в этот конкретный день...

Гдян ничего не скрывал и хвалился, что его инструктирует чуть ли не сам Горбачев, что они постоянно бывают в "Большом Доме" (так в просторечии называют здание ЦК КПСС), что-то там кому-то докладывают и получают новые указания. Он все время ссылаясь на "Большой Дом". То и дело твердил про "самый верх". Во время этой бравады его лицо прямо-таки светилось от счастья: подумай только, никому не известный следователь, полжизни проработавший в Ульяновской области, сегодня допущен к "парадному подъезду", принят там, получает указания и советы".

В книге "Оборотни" В. Илюхин пишет: "...М. Бурханов рассказал о весьма любопытном факте:

— Однажды Карташян вызвал меня на допрос и предложил выпить чаю. Я отказался, т. к. утром пил чай и сейчас не хотел. Однако он в настойчивой форме начал заставлять меня пить чай, но я вновь отказался. Тогда он ударил меня, я свалился на пол.

Карташян сказал: "Ты, дрянь, не только правду сказать не хочешь, но и чай мой отказываешься пить". После этого мне пришлось выпить этот чай. Это был обыкновенный на вкус чай, но от него у меня появилось какое-то неприятное чувство страха и безволия, и я подписал то, что мне говорил Карташян.

Но ведь о подобном чае говорили нам и другие люди. Наша вина в том, что мы действительно не успели проверить всех обстоятельств, в том числе и возможного применения на допросах психотропных средств”.

Не исключено, что при почти полной бесконтрольности команда Гдяна не избежала соблазна включить в свой арсенал и психотропные средства, но все это останется партийной тайной за семью печатями, если он и его подручные уйдут от правосудия.

Ведь есть истины, которые устанавливают именно юридическим путем, а не с помощью полемики между публицистами или читки мемуаров, а также всевозможных интервью. Интервью и мемуары — это предмет изучения литераторов и историков, в правовом смысле такого рода документы могут признаваться лишь в качестве косвенных подтверждений или опровержений чего-либо. Но время идет, все меньше остается тех, кто попал под гдяновский “каток”, и слишком много тех, кто не прочь, чтобы все с этим связанное было сдано в архив и забыто. Вчерашние союзники стали недругами, а враги — союзниками и нет конца этим рокировкам. Нужно ли им вспоминать о взаимных предательствах, о попустительстве и вероломстве?

Если и возвращаться к тем событиям, то лишь с целью обелить и выгородить себя. Ведь как уже говорилось, Гдян был крайне падок на саморекламу.

И вот уже пущена в ход весть о покушении на Гдяна, и не просто как у всех, а с помощью натянутой проволоки через бетонку аэродрома, по которой бежал самолет с “непримиримым врагом” мафии.

Весть обрастала, как снежный ком, кочевала из газеты в газету. Охал обыватель, ширились призывы уберечь Гдяна от рук позорных убийц, кровопивцев трудового народа, сидевших на мешках с деньгами.

А все это блеф, дешевый трюк. На самом деле никакого покушения, в том числе с помощью троса, натянутого перед бегущим по бетонке самолетом, не было. Но была хорошо продуманная рекламная “утка”, и она сработала.

Появление же постороннего предмета на взлетной полосе не было умыслом устроить аварию.

Привожу выдержку из протокола допроса следователя Б.Северцева.

Вопрос к Б.Северцеву: "Что вам известно о покушении на Гдяна Т.Х., о котором сообщалось в публикации А.Лиханова "Кома", помещенной в журнале "Огонек" № 4, 1988 г.?"

Ответ: "Об этом сообщалось и в газете "Выборгский коммунист", еще в 1988 году в публикации В.Демина "Бой неместного значения". Дело в том, что Норбутаева арестовал и сопровождал в самолете я вместе с оперативными работниками, ни Гдяна, никого другого при этом не было.

Зачем надо было вводить в заблуждение народ, теперь становится очевидным. Хочу только добавить, что "Огонек" Коротича в "выращивании" Гдяна и Иванова сыграл решающую роль. Помещенные в нем хвалебные оды следователям были хорошо сдобрены ложью. Но как говорится, тогда дело было сделано".

Дело о покушении на Гдяна было прекращено за отсутствием события преступления.

В октябре 1988 года в Верховном суде мой адвокат Л.Шапошникова и адвокат А.Макаров прямо спросили Государственного обвинителя Сбоева об этом покушении. Ничего, кроме смеха, в зале суда это не вызвало. Суд тоже проверял эту "игру Гдяна". Однако ничего не подтвердилось. Даже намек на покушение не было.

Пресса и после этих историй с самолетом постоянно нагнетала истерию об опасности, грозящей жизни двух следователей. Гдяну с Ивановым нужна была реклама, ажиотаж, которые они, кстати, умело подогревали. И вот уже пошли целые петиции, требования "обеспечить защиту Гдяна и Иванова". А затем появились личные телохранилища.

Но это еще не все. В УВД Хорезмского и МВД Каракалпакии группе следователей по просьбе Гдяна выделили бронежилеты. Следователи позировали в них перед телекамерами, надевали их, желая показать, какие "опасности" их подстерегают. Снимали и возвращали доспехи милиции.

Но зачем, спрашивается, нужно было позировать в бронежилетах, как это делали Гдян и Иванов, когда они

арестовывали какого-то пугливого, простого дехканина, труженика-узбека? Им приказали приземляться на боевых вертолетах на хлопковых полях или бахчах, где залегли снайперы? Или кто-то уже начал отстрел их коллег по всей республике? Не могли Гдлян и Иванов без позерства, уже не могли.

По делам Бухарского, Кашкадарьинского, Хорезмского, Ташкентского, Каракалпакского обкомов партии были незаконно арестованы в качестве заложников более 100 человек. Большинство из них пробыли за решеткой от 8 месяцев до года. Позже следователи, боясь, что их противоправные действия будут раскрыты, сожгли все документы, связанные с этими заложниками.

К следствию в качестве свидетелей было привлечено более 10 тысяч человек. Они месяцами простаивали в очередях, ходили на бесконечные допросы. В результате государство несло миллионные убытки. А сколько потрачено нервов, перенесено унижений и оскорблений, — этого, к сожалению, в цифрах не измеришь.

Во время репрессий 1937 года С.Усманов был оклеветан и брошен за решетку. Он вспоминает:

Меня продержали в тюрьме шесть месяцев, но я не признавал себя виновным. Однажды отвели в камеру смертников, где находилось несколько человек. Возле этих дюжих "молодцев" лежали молот, резиновая дубинка, набор ножей, иглы и шила. Один из них надел перчатку и одним ударом сбил меня с ног. Остальные подошли и стали бить ногами. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел, что возле меня уже развели огонь и на нем раскаливают железный прут. В это время один из палачей поднес кусок раскаленного железа к моим губам. После их побоев на мне не было живого места. Но занесенный над головой кусок раскаленного железа сломил и мою волю. Я слышал о подобных пытках. И ни минуты не сомневался в том, что они будут меня клеймить каленым железом. Поэтому взял на себя вину за те преступления, о которых ничего не знал и которых не совершал.

С.Усманов был оправдан в 1957 году. Будучи невиновным, он провел в тюрьме 20 лет.

"Черные вороны" 80-х годов тоже старались заклевать жертву, оказавшуюся в их руках. Для психологичес-

кого давления на несговорчивого заключенного арестовывали его родных.

У кого сдавало сердце, у кого повышалось давление, кто-то был на грани помешательства — число людей, пострадавших от произвола следователей, не указывается в отчетах группы Гдияна.

Было много людей, которые под пытками подписывали ложные показания, а потом раздираемые муками совести, накладывали на себя руки.

В конце августа 1987 года первый секретарь Пскентского райкома партии Ташкентской области Учкун Баходиров несколько дней содержался под стражей. К нему применялись разные методы воздействия, чтобы он дал ложные показания.

Положение, в котором оказался Баходиров, казалось ему безвыходным. И он сдался на волю следователей. Но это не изменило его положения. Он переживал страшнейшие муки, что пошел против совести. Вдобавок к этому обострилась болезнь жены, она была при смерти, его продолжали содержать под стражей. Баходиров написал заявление с просьбой разрешить ему навестить семью.

Когда он пришел домой, то увидел душераздирающую картину — дети и родственники оплакивали его умершую жену. У каждого человека есть какой-то предел, когда испытания пережестывают через этот край — наступает конец. Унижения и пытки на следствии, смерть жены, которую он воспринял как самую жестокую несправедливость судьбы, довели Баходирова до самоубийства. Он повесился. О несчастье, случившемся в семье Баходировых, рассказывают их близкие друзья Абдулхамид Саидходжаев и Турсунмат Холбоев:

Услышав об этой трагедии, мы пришли к ним в дом. Они лежали рядом — молодые, прежде времени умершие, — муж и жена. И осталось пятеро детей в возрасте от шестнадцати до пяти лет. Эта трагедия потрясла всех жителей Пскента.

Похороны и поминки прошли тихо, потому что многие боялись навлечь на себя беду. Только самые преданные, верные друзья отдали дань памяти погибшему в

цвете лет Баходирову и его жене. Они провели все поминальные дни, помогли сиротам.

Семья была уничтожена, а виновные в этом люди продолжали свои "подвиги".

Перед смертью Баходиров написал письмо на имя М.С.Горбачева. Привожу из него отрывок.

"Уважаемый Михаил Сергеевич!

31 августа 1987 года я был вызван на допрос к следователям прокуратуры СССР. В течение трех дней — с десяти утра и до десяти ночи они, всячески унижая и оскорбляя меня, вели допросы. Следователи требовали, чтобы я подписал показания, что давал взятку первому секретарю Ташкентского областного комитета партии М. Мусаханову. Когда я это отрицал, они этому не верили.

15 октября один из следователей группы А. Хасанов стал угрожать: за то, что я не дал клеветническое показание против М.Мусаханова, ответят мои домашние. За что должны ответить моя больная жена и ни в чем не повинные малые дети, спросил я у него. Если хочешь оказаться на свободе и быть рядом с детьми, делай то, что тебе говорят — напиши заявление о том, что дал М.Мусаханову взятку 10 тысяч рублей, и что вынужден был сделать это по его требованию. Потом подтвердишь эти показания на суде, и все. Оскорбления и унижения, физические и душевные муки, которым меня подвергали, сломили мою волю и я вынужден был выполнить требования следователя А.Хасанова. Я переписал клеветническое заявление, написанное С.Булатовым. Теперь терзаюсь душевными муками. Оклеветав М.Мусаханова, я запятнал свою совесть.

Сейчас не знаю, куда себя деть от позора за то, что оговорил благородного человека. Думая о том, как посмотреть в глаза людям, готов наложить на себя руки. Жизнь для меня потеряла смысл. Ничего, кроме новых бед и страданий, она мне не сулит.

Поэтому прошу Вашей помощи в проверке правильности моих слов.

С уважением, У.Я.Баходиров.

20 октября 1987 года".

Не могу не рассказать о печальной судьбе Мирзаюсуфа Мусаханова, сына секретаря Ташкентского обкома партии,

доктора физико-математических наук, профессора. В свое время это были подающие большие надежды молодой ученый. 24 октября 1988 года он был арестован по обвинению в укрывательстве миллионов, которые его отец якобы нажил преступным путем. Без всяких оснований в течение пяти с лишним месяцев он содержался под стражей. От него требовали выдать несуществующие в природе миллионы отца. Оскорбления, унижения, психологическое давление сильно повлияли на него. Мирзаюсуф решил покончить с собой, но соседи по камере спасли его.

Невозможно читать без волнения послание, которое он адресовал своей семье:

"Дорогая Ойхон! Мои любимые Азиз и Ойгуль! Любимая, ты подарила мне много радостных дней в жизни. С тобой я узнал любовь и счастье. Ты подарила мне прекрасных детей. Меня мучает мысль, что из-за меня ты остаешься несчастной. Скрепи свою волю и воспитай наших детей достойными людьми. Пусть они помнят обо мне. Они должны знать, что их отец был честным и благородным человеком, они должны верить в это.

Азиз! Сынок, ты мое продолжение в жизни. Ты очень умный мальчик и уже понимаешь многие вещи. Ты остаешься единственным мужчиной в доме. Поэтому ты должен быть опорой для своей матери. Учись быть сильной личностью.

Ойгуль! Моя любимая дочка. Ты самая умная и самая красивая девочка, хорошо учись и будь помощницей своей матери. Время пролетит быстро, ты закончишь школу, институт. Бог даст, встретишь достойного парня и вы создадите счастливую семью. Ты была отрадой для моей души. Будь счастлива!

Мои дорогие, не обижайтесь на меня. Я оказался в безвыходной ситуации. Безжалостные, несправедливые судьи не оставили мне никакой надежды..."

24 октября 1988 года вместе со старшим братом была задержана, а потом и арестована Мусаханова Саджида — 1945 года рождения, научный сотрудник Ташкентского государственного университета. Ей предъявили то же обвинение, что и брату. В следственных изоляторах она провела, как и брат, пять месяцев. Только через несколько лет с

нее снимут полностью все обвинения. И все это время она писала письма с единственной просьбой — разобраться в обоснованности преследования семьи Мусахановых.

О нахождении под стражей Саджида вспоминает как о кошмарном сне. На следствии ей постоянно вбивали в голову мысль, что если она не выдаст миллионы, то отец будет расстрелян, а все родственники репрессированы. 12 или 13 ноября ей объявили, что дочь уже арестована, муж сидит среди смертников, а сына сдали в детдом. Следователи продолжали требовать “чистосердечного” признания вины. Заявили, что достаточно одного их слова, и она, и дочь будут изнасилованы в тюрьме. Она не выдержала и дала ложные показания ради спасения детей. 26 декабря 1988 года из изолятора под присмотром следователей написала “покаянное” письмо Генеральному прокурору СССР. В нем Саджида просила лишь об одном: решить вопрос об изменении меры пресечения дочери.

Мусаханова Саджида настолько была запугана, что действительно поверила в арест дочери, о котором постоянно твердили следователи. На самом же деле ее дочь под стражу не брали.

Теперь привожу прощальное письмо министра хлопкоочистительной промышленности Вахобжона Усманова, которое он адресовал своим детям:

“Мои любимые дети — Ахмаджон, Адхамжон, Лолахон, Илхомжон, Разнохон! В том, что вы остаетесь сиротами, а ваш отец приговаривается из-за клеветы к расстрелу, виноваты клеветники. Моими убийцами являются не только посланники Центра, но также мои заместители и доверенные лица, которых я сам же вскормил и воспитал. Вы сами свидетели, что я говорил на суде только правду. Потому моя совесть чиста. Я много работал, вы росли в честной семье. Поэтому вы можете открыто смотреть людям в глаза.

Несправедливость и клевета заставляют меня оставить белый свет. Мои заместители, которых я сам воспитывал и опекал, как вы знаете, глядя мне в глаза, без зазрения совести оклеветали меня, говоря, что давали мне взятки. Бог им судья, это люди, оказывается, ради выгоды готовы продать и мать, и отца. Ведь могли они хотя бы на суде

сказать правду. Но нет! Я думал, что проживу свою жизнь и буду коротать старость возле вас. Берегите маму, она очень добрая и благородная женщина. Я всегда гордился ею. Прощайте, мои дорогие, будьте счастливы! Прощайте! Моя беззаветно любимая Хабибахон, прощай!"

Вахобжон Усманов был расстрелян в Лефортово. Его тело не выдали семье. Так и остался его прах в чужой земле...

После смерти Рашидова десятки директоров хлопкоочистительных заводов были взяты под стражу. На этих людей было оказано сильное психологическое давление, и они стали давать показания против В. Усманова. Людей, которые не поддавались на провокации, следовательно увозили в Лефортово. Там оказался и В. Усманов. К нему были применены нечеловеческие методы давления и он, не выдержав, признал свою вину. Он тяжело переживал все происходящее, несколько раз пытался покончить с собой, но соседи по камере не допустили этого. Впоследствии на суде он сказал о том, что оговорил себя под пытками следователей. В то время сказать правду на суде было проявлением большого мужества.

Следователи не простили ему этого. Суд шел по запланированному сценарию. По ложным показаниям свидетелей Усманова приговорили к расстрелу. Здесь я хочу подчеркнуть один момент. Несмотря на то, что его заместители приняли условия следователей и оговорили В. Усманова, они тоже были осуждены на долгие сроки лишения свободы. За клевету и оговоры им обещали сократить сроки, а в результате и В. Усманов лишился жизни и те, кто его оговорил, получили на полную катушку. Горький урок.

Среди тех, кто предпочел самоубийство тюремному заключению, был и первый заместитель министра внутренних дел Г. Давыдов. 16 мая 1985 года он застрелился в больнице. Перед смертью он написал письмо на имя И. Усманходжаева.

"Иномжон Бузрукович! Я стал жертвой клеветы. Мой бывший руководитель пытается возложить всю вину на меня, свести на нет все 16,5 лет моей честной службы. Я получил приказ министра внутренних дел о том, что меня

отправляют на пенсию. В нем говорится, что мне запрещается носить генеральскую форму. Считаю это несправедливым. Со мной никто не говорил на эту тему. Неужели, поверив словам клеветников, меня унижат до такой степени? Неужели они не доверяют опытному сотруднику внутренних дел, заслуженному инженеру Узбекистана. По этой причине я вынужден прибегнуть к крайним мерам”.

В середине 1985 года начальник управления внутренних дел Джизакской области, генерал-майор Ё.Норбеков тоже покончил жизнь самоубийством. Люди, которые проходили по “хлопковому делу” — руководитель управления хлопкоочистительной промышленности Джизакской области, директора хлопкоочистительных заводов, начальники приемных пунктов дали ложные показания, что “он получал от них взятки”.

ПРОЩАНИЕ С Ш. РАШИДОВЫМ

Справедливость без силы и сила без справедливости одинаково ужасны.

Ж. Жубер

Духовная сила, культурный, нравственный потенциал каждого народа неизменно определяются мощью его “золотого генофонда” — выдающимися личностями, учеными-интеллектуалами, мыслителями, литераторами, деятелями культуры и искусства, одаренными политиками и полководцами и т.д. Это и есть подлинное сокровище, бесценное богатство народа, лучшие из лучших, честь и слава, душа и совесть нации. Неспроста же, когда хотят опорочить, обездолить, обезличить народ, прежде всего стараются обескровить, лишить его истории, памяти, традиций, дискредитировать, изничтожить морально и физически его лучших представителей,

Более 70 лет в стране господствовала диктатура КПСС, главной целью которой являлось подавление любых проявлений национальной самобытности, индивидуальности, любых зачатков инакомыслия. Коммунистическая идеология всячески пропагандировала псевдоинтернациональные идеи, ратуя за создание мононации под названием

"советский народ". Все было направлено на вытравливание генетической исторической памяти из сознания населявших СССР народов, каждый из которых, без исключения, имел свои древние корни, богатую историю и культуру. Тоталитарный режим самочинно, в одностороннем порядке присвоил себе право решать, что нужно этим народам, как им жить, развиваться и на каком языке говорить, как распоряжаться природными ресурсами на их землях, более того, решать за тот или иной этнос на какой территории ему жить и в каких границах, как, где и в какой степени испытывать и проявлять чувство собственного достоинства и национальной гордости.

О том, сколь масштабно и успешно работала подобная политика массового промывания мозгов можно узнать, пролистав старые подшивки местных и центральных печатных изданий 80-х годов.

Со страниц центральных газет перестроечного периода не сходили полные "праведного" гнева статьи и статейки о "моральной нищете", "тунеядстве", "иждивенчестве", "неспособности ни к чему кроме обеспечения прироста населения" и прочих "прегрешениях" нашего народа. Журнал "Смена", газеты "Правда Востока" и "Ташкентская правда" превратились в постоянные рупоры провокационной кампании Центра, связанной с раскруткой в прессе так называемых "хлопкового" и "узбекского" дел.

Достаточно вспомнить материалы рафинированного шовиниста, журналиста Евгения Додолева, опубликованные в журнале "Смена" (№15, 1988 г.) и газете "Правда Востока" (28.08.88 г.), из которых следовало, что Узбекистан стал рассадником воров, расхитителей, взяточников, коррупционеров и дармоедов. Чего стоит одно только заявление о том, как узбеки выращивают кукнар (наркотикосодержащий мак), получают из него путем промышленной обработки опиум и распространяют среди "золотой молодежи". Узбекистан, разглагольствовал Додолев, есть "альма-матер" коррупции, здесь гнездятся самые что ни на есть крупные мафиозные кланы и группы, которые якобы наняли профессионального киллера, узбека по национальности и заказали ему убийство Гдляна и Иванова за 150 тысяч рублей. А пожелавшим откупиться

миллионными взятками за закрытие уголовного дела, оказывается, просто несть числа. В каждой семье, утверждает ангажированный журналист, есть легковое авто, а то и два, потому что узбеки наживают баснословные барыши, перепродавая россиянам вдесятеро дороже выращенные на своих приусадебных участках фрукты и овощи, с жиру бесятся, не иначе.

Читаю и не верю своим глазам — неужели все это об Узбекистане 80-х? Об Узбекистане, превращенном в сырьевой придаток “красной империи”, Узбекистане, откуда золото и ценные ископаемые вывозились в Центр; об Узбекистане, из недр которого добывали природный газ, обеспечивавший нужды значительной части территории России, Украины, Белоруссии и стран Восточной Европы, в то время как узбекские семьи обогревались и готовили кто дровами, кто углем, разводя огонь в допотопных очагах, керосинках, сандалах (земляные печи), об Узбекистане, где была самая высокая на тот момент детская смертность по СССР, где младенцы уже с молоком матери получали отравление пестицидами, потому что матери день и ночь пропадали на полях, чтобы Центр мог вовремя и сполна получить экспортное “белое золото”, приносившее в кремлевскую казну сотни миллионов твердой валюты; об Узбекистане, поставлявшем самый высокий процент новобранцев в советские вооруженные силы и в итоге понесшем самые многочисленные солдатские жертвы в ходе безумной и бездарной военно-политической авантюры в Афганистане; об Узбекистане, где во многих сельских районах элементарно не было даже электричества, водопровода, а о природном газе и других благах современной цивилизации не слыхали вовсе; об Узбекистане и узбеках, которые всегда, даже в самые тяжелые времена голода и военного лихолетья, были готовы поделиться с ближним последней коркой хлеба и рубахой с плеча, уступить гостю или любому оказавшемуся в беде и нужде почетное место в своем доме?!!

Где, в каком месте и уж каким оком Додолев смог узреть автомашины в каждом дворе, “фазенды” с неучтенным урожаем да “бесящихся с жиру” узбеков, для меня лично остается загадкой. По Додолеву выходило, что в

Узбекистане конца 70-х — 80-х годов орудовало криминальное сообщество, по размаху преступных деяний ничуть не уступающее знаменитой "Коза Ностра". Возникает вопрос: какую цель преследовал журналист и какими источниками информации он пользовался? Относительно цели картина довольно ясная: политический заказ власть имущих опорочить, обезличить народ, посеять семена страха, а вот по поводу источников информации уместно вспомнить многочисленные и многократные private встречи-инструктажи с представителями средств массовой информации, которые проводили Гдлян и Иванов с момента открытия "узбекского" дела, и о "кухне" которых свидетельствовали в своих рапортах в вышестоящие инстанции следователи, на разных этапах "дела" работавшие в группе с Тельманом Хореновичем ("Таковы факты", газета "Советская Россия".

Приходится с горечью признать, что в пору иезуитских расправ в 80-е годы мы не сумели противостоять злу. Позволили растоптать, унижить, исказить наши национальные духовно-исторические ценности, оскорбить честь и достоинство целого народа, огульно опорочить доброе имя Узбекистана и узбеков. Наоборот, поддавшись давлению центра где вольно, где невольно, способствовали развертыванию этнического террора против самих себя.

В условиях тотального подчинения центру, централизованной системы распределения средств и финансовых потоков, жесткого командного администрирования руководителям союзных республик приходилось ох как нелегко! Узбекистан, возможно, оказался бы в еще более трудном экономическом положении, если бы Ш. Рашидов не предпринимал определенных усилий в отстаивании перед Центром интересов республики. В меру своих сил он старался, чтобы Узбекистану хотя бы отчасти компенсировали забираемые у него ресурсы, чтобы наш народ имел возможность хоть как-то приобщиться к происходящим на планете событиям, к общемировой культуре, спорту, искусству, к передовым технологиям.

Ш. Рашидову долгие годы удавалось, не входя в конфликт с Центром, поддерживать общественный престиж республики, более или менее регулировать экономичес-

кое развитие, сохранить от варварского забвения и разбазаривания древние исторические реликвии, архитектурные памятники, природные заповедники с уникальной флорой и фауной. Яркий пример тому — регулярно проводившиеся в Узбекистане международные конференции писателей стран Азии, Африки и Латинской Америки, международные кинофестивали, встречи деятелей культуры и искусства, научные симпозиумы, археологические раскопки, широкомасштабные исследовательские экспедиции, капитальное строительство в столице республики и т.д., список можно продолжить. Обладая природным тактом и недюжинным организаторским талантом, Рашидов в меру сил и возможностей, учитывая навязанные тоталитарной распределительной системой сложные правила игры, стремился обеспечить реноме республики на международной арене.

Как видно из не такой далекой истории, никто из возглавлявших республику до Рашидова государственных деятелей не задерживался на своем посту. Центральные власти всегда находили поразительно "веский" довод для их замены. Первыми жертвами большевистских репрессий пали Акмаль Икрамов и Файзулла Ходжаев. Затем последовал Усман Юсупов, которого поначалу с великими почестями назначили на ответственную должность, а когда оказалось, что у аксакала, как с любовью и уважением называли у нас У. Юсупова, есть свое собственное, причем отличное от позиции партийно-бюрократического Центра, мнение насчет прошлого, настоящего и будущего Узбекистана и узбеков, его поспешили отдалить от властных рычагов, "доверив" важную миссию освоения новых земель на целине. По сути же это была самая настоящая ссылка в бесплодную, безводную Мирзачульскую степь. Центр рассчитывал, что подобное внезапное переназначение с понижением сломит У. Юсупова морально, вынудит его самоустраниться от политических и государственных дел. Однако этого не произошло. Как человек деятельный, У. Юсупов смог привлечь миллионы добровольцев на освоение Мирзачуля. Он не впал в уныние, не утратил присутствия духа, не зря же в народе говорят: не место красит человека, а человек место. Очень

скоро под его руководством из ссохшихся солончаков Мирзачуль превратился в один из самых обширных и высокоурожайных регионов по возделыванию хлопчатника. Это обстоятельство явилось неожиданно приятным и, уверяю вас, весьма выгодным сюрпризом для Центра.

И тут резонно задаться вопросом: чем тогда объяснить, что тоталитарная система столь длительный период позволяла Рашидову защищать интересы своей республики перед Центром? Уж конечно, не низкопоклонством, лизоблюдством или наличием некоего корыстного тайного сговора между главой Узбекской республики и союзным руководством. Рашидов всегда отличался особой сдержанностью в суждениях, склонностью к анализу и принятию только обдуманных, не ущемляющих ничьих интересов решений, сторонником здорового консенсуса, ни в коем случае не соглашательства.

Безусловно, Рашидову приходилось жить и действовать в жестких рамках системы. Но всегда, при любых обстоятельствах он заботился о своей земле, о своем народе, ему было не безразлично, в каких домах живут, в каких школах обучаются узбекистанцы, как живет, чем дышит интеллигент и рабочий, человек искусства и хлопкороб, ученый в лаборатории и простой чабан на отдаленном горном пастбище. Он умом и сердцем понимал мечты и чаяния простых узбеков, болел душой за каждого из них.

* * *

Чтобы принять участие в церемонии погребения Шарафа Рашидовича Рашидова, в Ташкент из Москвы прибыл секретарь ЦК КПСС В.И. Долгих.

Не знаешь, смеяться или плакать, читая опубликованное в те дни в прессе официальное сообщение о том, как проходил этот визит московского деятеля.

"...Прибывший с визитом в Ташкент кандидат в члены политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В.И. Долгих ознакомился с ходом реализации в республике решений 26 съезда Компартии Узбекистана, ноябрьского (1982г) и июньского (1983г) пленумов ЦК КПСС, ука-

зов и распоряжений Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова.

В.И.Долгих совершил экскурсию по городу, ознакомился с ходом строительных работ на метрополитене, в новых жилых микрорайонах..."

Судя по всему, у высокого столичного гостя были налицо серьезные проблемы с этикой человеческих взаимоотношений, простой человечностью. Как иначе можно объяснить необыкновенную "любопытность" визитера, заставившую его поспешить на ознакомительную экскурсию по столице союзной республики, в то время как тело покойного еще не предано земле, и весь Узбекистан скорбит и прощается с одним из лучших своих сыновей.

Позднее, возвращаясь из Вьетнама, в Ташкенте состоялась партийно-правительственная делегация во главе с Г.Алиевым. Члены делегации побывали на месте захоронения Ш.Рашидова, возложили ритуальный венок.

Читаю газеты за тот период и будто заново переживаю горечь утраты:

"Города и села Узбекистана в глубоком трауре. Ушел из жизни Шараф Рашидович Рашидов.

Приспущены государственные флаги на улицах и площадях столицы республики. Утром 1 ноября сотни тысяч людей направились в сторону Дворца дружбы народов. Представители трудовых коллективов и организаций, люди разных возрастов и профессий в скорбном молчании прошли рядом с гробом с телом покойного".

Огульная критика деятельности Рашидова, образцом которой стал доклад Усманходжаева на XVI пленуме, — бесплодна и деструктивна. Она только дезориентирует. Мы должны уяснить суть того, кто, с какой целью, с какими мыслями критикует Рашидова, и уже исходя из этого, делать взвешенные выводы.

Критический подход к деятельности Рашидова — не самоцель, а скорее средство обновления. Осуществленный на почве полной научной объективности, он может

стать важным фактором укрепления единства государства и народа.

Во внутренней политике советского государства утвердился принцип перекладывания вины за ошибки и провалы на отстраненного от власти или умершего руководителя, а здравствующие были недоступны для критики. Они были уверены в своей неуязвимости.

Но истерия террора второй половины 80-х годов отчетливо показала, что попытка иных функционеров выйти сухими из воды, переложив ответственность за допущенные промахи и неудачи исключительно на первых лиц, у которых они были в подчинении, привела к тому, что они вручили свою судьбу проходимцам, которые соответствующим образом и распорядились ею. Трусость рядового человека доставляет неприятности прежде всего ему самому и вселяет чувство неуверенности в души его родных и близких. Если же страх овладел лидером, то это оказывает негативное влияние на все общество в целом.

Как известно, XVI пленум Компартии Узбекистана поставил на имени Рашидова клеймо "гипнотизера". Самое досадное, что это выражение пустили в оборот те люди, которых он вскормил и выпестовал. Они называли его своим наставником, возвеличивали его имя при жизни, а после его смерти, нисколько не стыдясь, заявили: "Мы не виноваты, потому что находились под гипнозом Рашидова". Вот это, наверное, и есть настоящая политическая проституция!

III. Рашидов не обладал сверхъестественными способностями. Все дело было в том, что в момент резкого изменения политической обстановки, почва ушла из-под ног марионеток, и они готовы были ухватиться за соломинку, чтобы сохранить свое "теплое" место.

Печально известный XVI пленум превратился в трибуну клеветников и шовинистов, которые всячески порочили и извращали суть и смысл национальных обычаев и традиций, духовного наследия наших великих предков. Пойти на поминки к родным, посетить мечеть или надеть тюбетейку в дни религиозных праздников было чревато последствиями, а именно, исключением из

партии, что по тем временам гарантировало потерю должности и почти неминуемый бойкот со стороны особо "бдительных" сограждан.

Говорят, именно эти марионетки под давлением Гдляна, в конце 1983 года через помощника Генерального секретаря Шахназарова отправили в Москву клеветническую информацию о том, что Рашидов открыл в Узбекистане широкую дорогу для взяток, сам брал взятки. В ЦК КПСС это клеветническое заявление приняли во внимание, и в 1985 году отдали распоряжение о переносе могилы Рашидова.

Боясь протестов и общественных волнений, могилу вскрыли ночью и перенесли останки Ш. Рашидова на Чигатайское кладбище. Это святотатство повергло всех в ужас. А центральные газеты трубили на весь мир "о недопустимости того, чтобы рядом с музеем великого Ленина находилась могила взяточника Рашидова". Во времена террора 80-х не было покоя не только живым, но и мертвым. Вскрывались десятки могил, в поисках спрятанных там богатств.

В своей клеветнической книге "Кремлевское дело" следователи утверждают, будто бы у Рашидова, Гаипова, Эргашева и других были сотни миллионов сбережений, полученных путем взяток. Это недозволенный прием. Юрист должен изобличать преступника только законными методами и оперировать достоверными фактами.

У нас, например, есть сведения, что "борцы с мафией" вывезли из Узбекистана целые состояния. Их трофеями стали редчайшие золотые изделия из сокровищницы эмира бухарского, принадлежавшие наследникам правивших династий и изъятые у них, которые не фигурировали ни в одном отчете. Время придет, и мы раскроем и эти их преступления и добьемся возвращения наших ценностей на родину.

Авторы "Кремлевского дела" заявляют, что "часть средств от издания книги авторы перечисляют во Всероссийский Фонд прогресса, защиты прав человека и милосердия и на счет Народной партии России". Это очень по-Гдляновски — ограбить целый народ, унижить его, ос-

корбить его честь и достоинство, оставить тысячи детей сиротами, отняв у них родителей, детство, счастливую жизнь, потом написать об этом лживую книгу, а гонорар широким жестом отдать на гуманитарные цели, не забывая и политических... Почему бы им не вернуть эти деньги тем, у кого они их отняли? Но они никогда этого добровольно не сделают, потому что угрызения совести им неведомы, это не по их части. Им легче "отстегнуть" какие-то незначительные суммы и опять заработать политический капитал, предстать перед общественностью сердобольными и бескорыстными. Вот настоящая цель их мнимой благотворительности.

МУДРОСТЬ — ТЯЖЕЛОЕ БРЕМЯ

Громкое имя не возвеличивает, а лишь унижает того, кто не может носить его с честью.

Ф. Ларошфуко

Из воспоминаний начальника отделения ГАИ Бухарской области Видодила Иззатова, арестованного 22 марта 1984 года:

"...Иванов обратился к собравшимся:

— Познакомьтесь, товарищи, это дикое тюркское животное, во время работы не давать ему никакой пощады...

После очередного избиения Иванов сказал:

— Ребята, если он не возьмет вину, ничего не напишет, сбросьте его с третьего этажа, а после мы составим акт, что он сам выбросился".

Из показаний Хикматова, арестованного в те годы:

"Следователь Иванов сказал мне:

— Давали вы взятку Ельцину и Джаббарову или нет, все равно должны указать в заявлении, что давали. Всем известно, что узбеки — взяточники.

Услышав мой отказ, Иванов продолжал настаивать на своем требовании:

— Мы и суд заставим подчиниться. Что скажем, то суд и сделает".

Из воспоминаний Аважон Нурымбетовой, которая была арестована, несмотря на ее беременность,: "Они запугивали, что посадят, и я буду рожать ребенка в тюрьме".

Из воспоминаний Зухры Джуманиязовой:

"Во время допроса следователь сказал:

— Если ты не дашь показания против тех людей, которых мы тебе назовем, твоих дочерей изнасилуют..."

Таким образом, происходившие в 20-е, 30-е и 50-е годы "игры людоедов" повторились в 80-е. Цели те же. Те же допросы, то же насилие. Даже лозунг не сменился: если ты признал вину — значит, преступник! Смотрите, как все просто и "логично"! О том, что вину навязали под пытками, издевательствами, не говорится. "Он признал вину", — как итог, как свершившийся факт. Они позаимствовали у своих предшественников методы "добычи" нужных показаний. Традиционное запугивание, обман, шантаж, оскорбления, унижения. Но практиковались и азиатские способы, например, устроить заключенному солнечный удар, продержав его на солнцепеке, 50-градусную жару или в ту же жару не давать ему несколько суток воды. Приказать бандитам "проучить" непослушного. Или бросить в камеру к насильнику...

Если б вы побеседовали с родными и близкими людей, незаконно брошенных в те годы за решетку, они рассказали бы вам, как "десантники" занимались вымогательством.

— Если не дашь такую-то сумму, то сгноим твоего отца, мужа, дядю, брата, сына в тюрьме!

Люди отдавали все свое добро, вплоть до бабушкиного браслета и обручального кольца, в руки алчных следователей. В районах в качестве "подарков" им были переданы десятки каракулевых шуб и ковров. Большая часть этих поступлений в официальных описях не фигурировала. Кто знает, сколько миллионов осело в карманах Гдьяна и Иванова, а уж золотым изделиям и счета нет. Они называли узбеков "взяточниками", а как же квалифицировать их действия? Они все подпадают под соответствующие статьи Уголовного кодекса.

Отъявленный палач К.А.Пирцхалава, работавший в следственной группе Гдляна, при проверке "преступления века", как называли "узбекское дело" ретивые газетчики, совершил столько преступлений, что по решению комиссии, занимавшейся расследованием его "деятельности" на месте, Прокуратура Союза вынуждена была его арестовать. И тут сторонники Гдляна забили тревогу. Даже парламент Грузии вынужден был взять под свою защиту "бедного" Пирцхалаву!

Приводим отрывок из "ноты протеста", присланной Главным прокурором Грузии:

"...К.А.Пирцхалава должен быть немедленно освобожден из-под стражи! Также должно быть прекращено и уголовное дело, начатое против него! Если вышеизложенные требования не будут выполнены, то это может привести не только к дестабилизации общественно-политической обстановки в республике, но и... проведению различных акций правоохранительных органов республики против руководства прокуратуры СССР, просим иметь это в виду".

Ну и ну! Всему ведь есть мера! Преступник, по вине которого пострадали десятки, сотни неповинных людей, оказался "ангелом"! И если это "кроткое, как голубь", существо не будет освобождено, то поднимется вся республика! Чудеса, да и только...

С начала 1984 года в Узбекистан стали приезжать бесконечные проверочные комиссии из Центра. Десятки ответственных работников ЦК КПСС подолгу задерживались в Ташкенте, изучали обстановку и писали докладные в столицу. Они также часто наведывались в области, где искали ответы лишь на те вопросы, которые их интересовали. Поэтому не только партийные организации, но и учреждения органов внутренних дел напоминали муравейник, который кишел множеством проверочных комиссий.

Ни у кого не вызывало сомнений, что всем этим вплотную занимается лично Егор Кузьмич Лигачев, недавно избранный секретарем ЦК КПСС. Для его партийной карьеры Узбекистан стал своего рода козырной картой. Он собирался "навести порядок" в нашем краю и благодаря этому упрочить свое влияние в партии. Все

силы поэтому были брошены на подготовку XVI Пленума ЦК Компартии Узбекистана.

Он прилетел в Ташкент за несколько дней до открытия пленума, чтобы заняться вопросами повестки дня. Вместе с ним прибыли заместитель заведующего организационным отделом К.Г. Могильченко, заведующий бюро республик Средней Азии В.И. Смирнов, инструктор И.Е. Пономарев. Давно в Узбекистан не наведывались руководители такого ранга. Они приняли непосредственное участие в подготовке заключительного доклада. Самое интересное, что хотя ни в тексте доклада, ни в выступлениях и прениях почти не упоминалось имя Рашидова, ораторы, все как один, отмечали, что в годы его правления в Узбекистане были допущены грубейшие нарушения и ошибки. В своем выступлении Е.К. Лигачев также направил острие критики на Узбекистан. Столь массивные нападки на нашу республику вызывали недоумение, но никто не решился выступить против, потому что если бы кто-то осмелился сказать правду, то сам в сложившейся ситуации стал бы жертвой.

Обстановка и в самом деле была очень напряженной. В тот момент, когда наш край нуждался в решительном, справедливом, дальновидном политике, готовом отстаивать интересы своего народа, как назло, судьба Узбекистана оказалась в руках слабого, безвольного и ненадежного человека. Такого сорта деятели легко отрекаются и от прошлого и от будущего. Они становятся катализаторами деструктивных процессов, при которых рвутся узы, объединяющие народ на пути к высшим целям.

Когда следователь спросил у арестованного первого секретаря: "Вы выражали свой протест Гдяну?", тот ответил: "Попробуй я выразить свой протест, где бы я оказался? Я обращался в ЦК КПСС. Сохранилось мое письмо. Я был там несколько раз. Они обещали, что рассмотрят вопрос. А сами верили Гдяну. Да и кто бы поверил нам, в то время им дали волю, создали все условия. Делали все, что их душе угодно".

"Да кто бы поверил мне..." — так вот невольно Усманходжаев высказал самую большую и горькую правду о себе.

Откровенно говоря, 80-е годы стали горьким испытанием для многих, выявив, кто есть кто и кто чего стоит. Кто-то выдержал это испытание, сохранив честь и достоинство, кому-то оно оказалось не по силам. Были и те, кто держал нос по ветру. Все это издержки более чем 70-летнего господства "красной идеологии", вдохновительницы "красного террора", идеологии силы и устрашения, идеологии подавления любого инакомыслия, свободной воли рядовых членов общества.

В связи с тем, что списки руководящих работников и специалистов, направляемых в Узбекистан по "просьбе" руководства республики, составлялись в Центральном Комитете КПСС, среди прибывающих оказалось немало временщиков, карьеристов, которым в принципе было все равно, где работать, лишь бы не задержалось очередное повышение в чине с соответствующими льготами и благами. Их не интересовали наши национальные обычаи, наш жизненный уклад, наша история, настоящее или будущее. Однако это не мешало им со спокойной совестью занимать ключевые посты в руководстве республики, они, нисколько не стесняясь, баллотировались в депутаты и становились-таки народными депутатами СССР и Узбекской ССР, хотя имели довольно смутное и приблизительное представление о своих избирателях.

Основной приметой "кадровых чисток" 80-х годов стала целенаправленная дискредитация и отстранение от дел наиболее знающих, перспективных специалистов, преимущественно коренной национальности: их беспричинно увольняли, понижали в должности или подвергали необоснованному аресту. К примеру, только по Бухарской области одновременно были задержаны и заключены под стражу несколько секретарей райкомов, свыше 70 процентов председателей исполкомов, около 50 процентов руководителей колхозов и совхозов. В Алатском районе, где всего 11 хозяйств, были арестованы все до одного руководители. В ходе следствия и проверок на местах выяснилось, что все задержанные жили далеко не богато, имели в хозяйстве по одной корове, никаких ковров или авто и уж тем более драгоценностей у них не было и в помине.

После ареста их семьи, в которых было по 8-10 детей, оказались в крайне затруднительном положении.

К сожалению, в тот тревожный период парадом в республике командовали конъюнктурные деятели, беспринципные карьеристы Анищев, Огарок, Сатин, Клепиков, Романовский, Нестеренко, Дидоренко, Теплов, Гайданов, Литвиненко и иже с ними. Вышеупомянутые "ценные" кадры очень ловко воспользовались ситуацией, при первой и любой последующей возможности подталкивая под маховик репрессивного механизма своих потенциальных "конкурентов" из местных, чтобы сохранить влияние на общественно-политическую и экономическую обстановку в республике.

Напряженность, смута витали в воздухе. Уверен, что все помнят о трагических событиях в Фергане, Коканде, Бухаре, Паркенте, более поздний трагический инцидент в Оше. Назрела та самая ситуация, когда низы уже не хотят более терпеть, а верхи недостаточно сильны, чтобы управлять ею. Постоянное бесцеремонное давление из центра сковывало действия республиканских властей, зато вольготно себя чувствовали ставленники и приспешники центра. Так, едва освоившись в должности первого заместителя председателя Совета Министров Узбекистана, Огарок начал одного за другим тянуть за собой своих людей из России, Украины, Белоруссии. "Дружеское" приглашение в Ташкент получил и среднестатистический гражданин Ю. Литвиненко, скромно довольствовавшийся у себя на родине должностью директора "Спортторга" в Харькове, а в Узбекистане при поддержке Огарка занявший отнюдь не среднестатистическое престижное кресло министра торговли республики.

Занимая ключевые посты в руководящих государственных органах республики, Анищев, Огарок и другие представители так называемого "института вторых секретарей" (модернизированная большевиками версия царских наместников времен Российской империи, которые осуществляли надзор за местными властями в имперских провинциях), не стесняясь, протезировали своим знакомым и приятелям, просто землякам при устройстве их карьеры и быта в Узбекистане. Типичным примером того,

как "работали" приятельско-кумовские, родственно-клановые связи, взаимовыручка по национальной принадлежности и землячество, являлся карьерный взлет рядовых совчиновников и посредственных специалистов Романовского, Клепикова, Малолетова, Бутурлина и сотоварищей, главной "заслугой" которых было то, что им повезло числиться в друзьях высокопоставленных московских назначенцев.

Извращенная и абсолютно деструктивная кадровая политика центра привела к тому, что на место уволенных и арестованных по "хлопковому", "узбекскому" делам опытных специалистов в спешном порядке стали назначать прибывших по путевке центра случайных людей, большей частью обыкновенных "летунов", охочих до перемены мест за государственный счет дилетантов или неудачников, у которых в родных местах не получилось с карьерой.

Центральная пресса вынесла вердикт: "Положение в Узбекистане сопоставимо с положением в Афганистане!", "Местные кадры поголовно коррумпированы, только мощный кадровый десант из Центра может спасти Узбекистан!", "Узбеки — взяточники и воры, их место за решеткой!" В результате специалисты по выращиванию свеклы и капусты стали "учить" узбекских хлопкоробов как лучше поливать хлопчатник. Садоводством, шелководством стал заправлять парикмахер, а культура и образование оказались в ведении невежд, интернационализм и сотрудничество между народами "прививали" махровые национал-шовинисты.

В те годы сложилась неблагоприятная обстановка во всех сферах городского хозяйства — в торговле, сфере бытового обслуживания, здравоохранении, на транспорте, почте. Первый секретарь Ташкентского городского комитета партии Б.Ф. Сатин распоряжался: "Принять меры!", "Уволить с работы!", "Исключить из партии!" Но эти грозные резолюции не давали желаемых результатов. Проблемы оставались нерешенными. Странное дело, но вскоре появились новые распоряжения, полностью противоречащие старым: "Отменить!", "Вернуть на прежнюю работу!", "Восстановить в рядах партии!"

Неизвестно откуда взявшийся В.П. Русинов возглавил сферу здравоохранения в нашем городе. Люди целыми днями простаивали в очередях к врачу. "Скорую помощь" невозможно было дожидаться. В городе был дефицит лекарств.

Плохо работал транспорт. Пассажиры в мороз и невыносимую жару часами простаивали на остановках в ожидании автобуса, троллейбуса, трамвая.

Было бы несправедливо винить в состоянии дорог лишь неодоушевленную бумагу с "постановлениями" и "решениями" (По проблемам состояния дорог и дорожным происшествиям было принято более десяти документов). Дело в том, что в столице Узбекистана сошлись пути бывшего заместителя ГАИ города Челябинска М.А. Баулина и занимавшего прежде должность первого секретаря районного комитета партии Челябинска Б.Ф. Сатина. Но здесь нет никаких "чудес", это типичный пример землячества. Сатин стал мэром Ташкента, Баулин — полновластным хозяином автомобильных дорог крупнейшего города Средней Азии. Им ли критиковать друг друга за прорехи в жизни города?

В те годы преступность возросла на 200 процентов! Раньше говорили: "Моя милиция — меня бережет!" Теперь же стало трудно отличить милиционера от преступника. Говорили о том, почему процветает рэкет. Да потому, что днем милиционеры и рэкетиры гоняются друг за другом, а ночью "обмениваются опытом". И в доказательство приводили такой факт: городских "авторитетов" знают все, а вот стражи порядка даже днем с огнем "не узнают их"...

Уж не знаем, куда смотрела городская милиция. Но преступность всегда была "в поле зрения" городского комитета партии. Во времена Сатина бюро горкома партии приняло более десяти постановлений. На очередном пленуме вновь обсуждался наболевший вопрос и вновь были отданы распоряжения: "Искоренить преступность, вырвать ее с корнем! Объявить ей беспощадную войну!"

Сатин напрасно связывал свои надежды с милицией. Начальник УВД г. Ташкента полковник В.Ф. Клапушевский в борьбе с преступностью предложил самый "кардинальный" способ — "открытые настежь двери": было объявлено, что все желающие могут обращаться за помощью в

органы милиции в любое время. Материал о стражах порядка, напечатанный в одной областной газете, удивляет своим несоответствием сложившейся обстановке. Невольно задаешься вопросом: к какому празднику он приурочен? Или в милиции каждый день праздник?

В газете были помещены две фотографии. На одной из них был запечатлен во всей красе помощник Клапушевского по приему граждан Г.Н. Кумов, поправляющий ремень на фоне хорошо обставленной приемной. И все так тихо и мирно. А в это время в авиакассах толпились пассажиры и не могли найти управу на кассиров-спекулянтов. В городском транспорте безнаказанно промышляли карманники. В автомагазинах и в помине не было запасных частей, а рядом на базарчике предлагалось все... но в десять раз дороже. Почему? В то время как в городе творится такое безобразие, в приемной полковника В. Ф. Клапушевского царят мир и покой.

Словно приготовившись дать ответ на все эти вопросы, на второй фотографии улыбается нам, заинтересованным читателям, сам полковник Клапушевский. Под фотографией интервью, которое растянули на две полосы. Но в нем вы не найдете ответов на злободневные вопросы. Главный страж порядка города, рассуждая о том, как бороться с преступностью, вдруг признался, что он "завораживает" тех людей, которые приходят к нему на прием. Как пример, полковник привел такую историю: к нему пришел пожилой человек и стал жаловаться на свою невестку. Полковник спросил у старика:

— А у вас другие дети есть?

— У меня девять детей и двадцать шесть внуков, — с гордостью ответил старик.

— Ведь это большая сила. Соберите их всех и устройте "семейный совет". Милиции не стоит в это вмешиваться...

Вот и весь секрет. Гостя этот рецепт растрогал, он обнял полковника и воскликнул:

— Какой мудрый совет! Я был на приеме у девяти руководителей, но ни в народном контроле, ни в законодательных органах, ни в городском комитете партии никто мне не мог помочь, все пожимали плечами, а вы за одну минуту все решили!..

О том, как решаются другие проблемы, полковник не стал распространяться.

В то время правилом жизни стало: "ты не трогай меня, я не трону тебя". Иначе за те три года, в течение которых полковник Клапушевский возглавлял городскую милицию, не возростала бы столь стремительными темпами преступность.

В те годы было напечатано несколько материалов о действиях преступной группировки, возглавляемой руководством Ташкентского городского суда. Однако не только городской суд, но и министерство юстиции республики не проронило об этом ни слова, потому что в то время наш город был отдан на откуп нечестным, преступным, коварным людям!

В городе практиковался метод поступать с законом себе в угоду. К сожалению, прокуратура, призванная контролировать соблюдение законности, безмолвствовала. А когда было нужно Центру, она способствовала тому, чтобы побольше "согнуть", а если надо, то и сложить "вдвое" закон. В те годы в городе сменились три прокурора. Направленный из Куйбышева Г.П. Филиппенко продержался в должности чуть больше года, из-за целого ряда злоупотреблений был снят с должности и переведен в республиканскую прокуратуру. Прокурор Б.Е. Теркин, который прибыл в наш край, чтобы "бороться с мафией", не проработав и полугода, был уволен за аморальное поведение. Его сменил еще один "десантник" В.Н. Желтков. Он был занят тем, что изучал постановления о преступности, которые без конца принимал городской комитет партии. Но горожанам от этого не было никакой пользы. Преступность росла, а среди "десантников" появлялись все новые и новые выдвиженцы на ответственные посты один "мудрее" другого..

МЫСЛИ ВСЛУХ

Толпа,
Когда же станешь ты народом!

А. Орипов

Явление, о котором мы ведем речь в этой книге, появилось на свет не сегодня и не вчера. Корни его гораздо

глубже. Учитывая, что в годы репрессий у людей выработалась почти привычка и фатальная готовность к внезапным арестам и воинственным призывам: "Покарать!", "Привлечь к ответственности!", становится очевидным, насколько важно осознание каждым человеком своих прав, своей самоценности.

Глубокий экономический кризис, обозначившийся в 80-е годы, неизбежно сопровождался кризисом общественного сознания. Уже расколотое (после всего, что народ узнал о кровавых расправах и массовых репрессиях эпохи сталинизма, о принудительной депортации целых народов и многих других темных пятнах в отечественной истории) сознание все больше лишалось точки опоры, становилось все хаотичнее.

В обществе с угрожающей быстротой нарастало социальное напряжение, зрело недовольство. Психологический климат менялся в сторону неверия, более "легкого", чем у старшего поколения, отношения к воровству и разгильдяйству, росла апатия к труду, стало исчезать ощущение единства общества.

Разочарование людей в конце 80-х, несмотря на безусловно живучие стереотипы поведения и мышления, заключалось отнюдь не только в том, что мужчины и женщины, дети и старики сыты и обуты не так, как хотелось бы. Большинство осознавало или догадывалось о наступлении глобального системного кризиса.

Несоответствие между словами и действиями властей и фактическим положением дел имело в бывшем СССР множество проявлений. Обществу пытались внушить, что наша многонациональная страна — мощнейшая мировая держава, а жизнь свидетельствовала об удручающе низком уровне жизни населения. Советская страна неустанно "жалела" безработных американских, пуэрториканских, западногерманских, африканских бедняков, а в это самое время в собственной стране миллионы семей обходились лишь самым необходимым и едва "сводили концы с концами".

Режим же предусмотрительно заботился об идейной подкованности своих граждан. Эта "отеческая" забота выражалась в стремлении отучить людей сомневаться, в на-

саждении духа слепого поклонения, слепой веры в правоту большинства, в непререкаемость руководящей роли КПСС. Целенаправленно подавляя любое свободомыслие, режим, по сути, стремился превратить своих подданных, многомиллионное население многонациональной стран в безликую, а главное, регламентированно мыслящую массу. А на что способна масса, согласная все слепо принимать на веру и не задавать вопросов, увы, слишком хорошо известно из истории. "Хлеба и зрелищ" — вот пределы интересов и запросов "молчаливого большинства". Ему не до вопросов и ответов, ему недостает задумываться о первопричинах и подлинных целях тех или иных событий, это большинство, как правило, увлечено внешней атрибутикой: привлекательными идеями и красивыми лозунгами, мифическими образами (именно мифическими и именно образами, так как мифы с реальностью совпадают крайне редко) героев и врагов.

И если оглянуться на историю, можно без труда увидеть, что всегда находились и находятся некие своеобразные дельцы, авантюристы, способные ловко манипулировать толпой, корректируя ее симпатии и антипатии, направляя ее гнев или восхищение в нужное и выгодное для себя русло, подсказывая массам обывателей, кто "хороший", а кто "плохой", где "свои", а где "чужие". Примером такого рода манипулирования общественным сознанием под прикрытием полных пафоса лозунгов и призывов к борьбе против организованной преступности и коррупции являлась и кипучая деятельность Гдяна и Иванова в Узбекистане.

Тогда, в конце 80-х годов, обстановка в бывшем Союзе приближалась к критической, ситуация грозила стать неуправляемой, среди массы других нерешаемых проблем одной из серьезнейших было соотношение политики и права в советском обществе. Речь идет, в сущности, о дееспособности закона в условиях тотальной идеологизации всех сфер жизни, что было характерно для целой эпохи, о престиже законности и права в глазах людей. Ведь на протяжении более чем 70 лет в советском государстве политика и идеология были практически выведены из-под контроля права, поставлены над ним. Объявленные гласность

и открытость породили новые ожидания и надежды, власти получили очередной мандат на доверие.

Благодаря этому обстоятельству люди сразу и безоговорочно поверили Гдляну и Иванову, которые во всеуслышание заявляли о том, что определенные политические силы мешают следственной работе и нарушают советский закон. К сожалению, при этом мало кто заметил, что, справедливо защищая закон, эти двое радетелей соблюдения соцзаконности, в свою очередь, тут же сами бесцеремонно отметали ее во имя "установления истины". Как они эту "истину" понимали уже известно.

Не встречая на своем пути сколько-нибудь серьезных оппонентов, Гдлян и Иванов возомнили себя пастырями и судьями одновременно: они с высоких трибун бросали обвинения в тяжких должностных преступлениях и коррумпированности в адрес высокопоставленных руководящих работников, намекая, что верхушка пирамиды взяточничества упирается в Кремль, что имеются полные чемоданы компромата на московских чиновников. Хотя никто ни тогда, ни после не видел этих чемоданов с документами, якобы уличающими в противозаконных действиях лиц, в адрес которых были брошены обвинения, однако они прозвучали, зерна недоверия и семена раздора были посеяны, по всей стране закипели нешуточные страсти. В общественном сознании складывалось твердое убеждение, будто в ситуации, когда старые политические силы еще так крепки, так упорствуют, бороться с ними возможно лишь методами не правовыми, а политическими, которыми и были "вынуждены" действовать Гдлян и Иванов. И уже никакие декларации о силе закона, о правовом государстве не могли убедить многих думающих людей в искренности и порядочности властей. Престиж правовых институтов стремительно рушился. А ведь только право, только закон и способны обуздать произвол и вызвать доверие к властям и в целом к государству. Но об этом уже никто особо не задумывался, тем более что мнение новоявленных спасителей нации на этот счет было категоричным и однозначным: всякий, кто им не верит, кто в них сомневается, кто требует доказательств, — сам коррупционер, либо пособник коррупционеров.

Парадокс, но в тот период всеобщей истерии и азартной “охоты на ведьм” действительно было безнадежным и опасным делом критиковать или оспаривать позицию Гдляна. Зато безудержные восхваления, замешанные на его саморекламе, широко тиражировались. Общественное сознание с необыкновенной настойчивостью (непонятно, по чьей инициативе и чьим усердием) обрабатывалось в одном-единственном направлении: создавался образ борца за социальную справедливость, который один на один вступил в неравную схватку с коррупцией. Люди охотно верили, и это понятно: они знали, что такое коррупция, разлад экономики, пустые магазинные полки и нищета; им казалось: вот явился рыцарь без страха и упрека, на него и вся надежда. Да, люди знали, что такое коррупция, но не знали, к сожалению, что такое Гдлян. И трудно их винить в этом: кто-то сделал все, чтобы они обманулись.

Именно в то самое время, когда всеобщее возбуждение, можно сказать точнее — всеобщая воспаленность достигли наивысшего накала, в газетах появилось сообщение специальной комиссии Президиума Верховного Совета СССР с весьма серьезными обвинениями в адрес Гдляна. Сообщению этому очень многие не поверили, их опять же нетрудно понять: все молчали о Гдляне, пока он в своих расследованиях не забрался “слишком высоко”. Никто ничего другого не мог предположить. Да никто уже никаких доводов и не слушал. Там, где пылают бешеные страсти, доводы невозможны, убеждения бесполезны. Вокруг этого дела возникла хорошо известная политикам ситуация: всякое выступление против данного лица автоматически и очень энергично работает ему на пользу (“Кто против Гдляна, тот против перестройки!”, “Если против Гдляна — значит ложь!”).

Читатель помнит, что первым государственным обвинителем по одному из гдляновских дел, направленных в суд (“бухарское дело”), была Р.М. Овчарова. Она первой разобралась и поняла, что представляет собой Гдлян и его команда.

Она была первой, кто вступил в принципиальную борьбу с гдляновщиной, с возрождением бериевских методов

расправы с невинными людьми. Овчарова с горечью констатировала, что ей было стыдно не за Гдьяна, а за прокуратуру Союза, за то, что в ней работают он и подобные ему люди. “Гдьян и Иванов еще задолго до приговора каждому подсудимому, на тот момент обвиняемому, говорили, какую меру наказания ему определит суд. Все это выявилось у нас в суде. Когда начали поступать заявления об этом, я спрашивала как гособвинитель, как же так, почему вы решили, что Гдьян определяет меру наказания? Дело еще не рассмотрено судом. Каждый из них сказал, что по словам Гдьяна, суд — это формальность, все пляшут под его дудку...” Есть еще такая крылатая гдьяновская фраза: “Нам не нужны умные судьи и прокуроры, нам нужны карманные, и мы таких поймеем”. Многие из допрошенных, писала она, со слезами на глазах говорили, что следователи Гдьян и Иванов применяли к ним фашистские методы допросов, били их, обзывали “скотом”, делали все, чтобы растоптать и человеческое достоинство.

В ответ на принципиальную позицию судей Гдьян организовал откровенную травлю оппонентов. Р. Овчарову обвинили в получении взятки от “бухарцев”, а Липатова — в необъективности. Кстати, излюбленный прием всех “припертых к стенке” вместо разговора по существу и полноценных аргументов — дискредитация оппонентов. Все, кто осмеливался противостоять Гдьяну, с ходу записывался во взяточники.

* * *

В конце марта 1988 года меня перевели в другую камеру. В ней уже находились двое заключенных.

Один из них — Николай Лавицкий, арестованный за контрабанду, — мужчина лет сорока. Он оказался довольно известным художником, признанным не только в России, но также в Германии и во Франции. А прославился он благодаря написанным им портретам известных зарубежных деятелей культуры. Николай был интеллигентным человеком, образ его мыслей и широта кругозора вызывали восхищение. Забегая вперед, скажу, что

мы с ним за разговорами о жизни по-настоящему подружались. С ним легче было переживать тяготы тюрьмы.

Что касается другого заключенного, то его история оказалась настолько трагичной, что позволю себе описать ее подробнее. Его звали Хосе, он был по отцу иностранцем. На вид лет 15—16. Паренок был осужден на 15 лет лишения свободы за убийство отца.

Его мать, ради завладения солидным наследством мужа толкнула своих сыновей на отцеубийство. Парни оказались за решеткой, причем младший, несовершеннолетний, взял всю вину на себя. Со временем была арестована и судима сама вдохновительница преступления. Старшего из братьев расстреляли.

Слушая эту трагическую историю, я невольно задумывался над тем, до какой низости может опуститься человек в погоне за богатством. Алчность, коварство, чудовищная жестокость женщины привели к тому, что был убит отец семейства, расстрелян старший сын, а младшие обречены провести свои лучшие годы за решеткой. Своими же руками разрушили свой семейный очаг.

А какова судьба моей семьи?

Острая боль за жену и детей, за всех моих близких не оставляет меня день и ночь. Понимаю, как им тяжело, а я ничем не могу помочь. От безысходности только стискиваю зубы.

МОЙ ЗАЩИТНИК

Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть.

Л. Толстой

Следствие по делу завершилось в мае 1988 года. Теперь всем его участникам предстояло ознакомиться с материалами уголовного дела, которое состояло из 110 томов. Мне было сказано, что адвоката я должен найти сам. Я написал родным письмо с тем, чтобы они занялись поисками адвоката, посоветовал, что лучше взять московского адвоката, желательного имеющего опыт в подобных делах. Даже приложил небольшой список фами-

лий самых известных столичных адвокатов-практиков. Мы уже давно приступили к изучению уголовного дела, однако насчет адвоката ничего не было слышно. Все остальные участники дела изучали материалы вместе со своими адвокатами, я один все еще оставался без защитника... В связи с этим я дважды объявлял голодовку. Наконец и у меня появился адвокат, женщина по фамилии Шапошникова. Она была уже в возрасте, где-то за 60, стаж адвокатской практики у нее составлял более 40 лет. Оказывается, до нее мои родственники обращались к двенадцати другим, но все они отказывались защищать меня уже после первого телефонного звонка в прокуратуру СССР или Гдляну и Иванову. Потому что тогда Гдлян и Иванов как главные и единственные "борцы с коррупцией и взяточничеством", имели немалый вес и влияние не только в Узбекистане, но и в Москве. Пользуясь своей популярностью, передергивая факты и доказательства, тенденциозно комментируя происходящее, они ловко манипулировали и общественным мнением, и прокурором, и судом, не оставляли в покое и адвокатов. Они пытались воздействовать и на Шапошникову, которая согласилась защищать меня только после долгих слезных просьб и уговоров моих родных и близких.

Ирония заключалась в том, что, выбрав местом проведения суда по делу руководящих работников системы МВД Узбекистана Москву, Центр наглядно продемонстрировал какова в действительности цена громкому мифу и декларациям о равноправии каждой союзной республики в составе бывшего СССР. Не требуется дополнительных объяснений, почему нас судили не по месту совершения инкриминированных нам преступных действий, то есть в Узбекистане, Ташкенте, а в столице "красной империи".

Предполагалось вызвать в суд свыше 500 свидетелей. Гдлян и Иванов надеялись превратить его в судилище над узбеками. Они жаждали славы, лавры героев не давали им покоя. Не зря говорят, что рыба гниет с головы, а дурной пример заразителен. Многие следователи из группы Гдляна настолько уверовали в непогрешимость и правоту своего шефа, что даже перестали заботиться об убедительности доказательной базы, аргументированно-

сти обвинения, об элементарной логической основе фактов, а зачастую шли на прямой подлог и фальсификацию. Они даже не предполагали, что суд посмеет поставить под сомнение, более того, опровергнуть обвинение, что суд, невзирая на лица, будет строго держаться духа и буквы закона, требовать доказательств.

Чтобы убедиться в надуманности и ложности показаний, достаточно было внимательно изучить только те тома уголовного дела, которые касались бывшего замминистра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанова. Под давлением следствия Чурбанов дал ложные показания о получении им взяток со 150(!) лиц различного должностного ранга, которых угораздило попасть в немилость к Горбачеву. Среди них фигурировали Рашидов, Осетров, Алиев, Кунаев, Гришин, десятки министров, высокопоставленных государственных чиновников, известный художник Глазунов и т. д.

В одном из показаний Чурбанов утверждал, что получил взятку в размере 20 тысяч рублей от первого секретаря ЦК компартии Таджикистана Ниязова. На самом деле Ниязов никогда не работал ни первым, ни вторым секретарем в ЦК КП Таджикистана. Был первый секретарь ЦК КП Туркменистана с такой фамилией. И подобные несоответствия и несуразности встречались на каждой странице, по каждому эпизоду уголовного дела. Вышеупомянутые лица были освобождены от занимаемых постов всего лишь на основании писем-заявлений о получении ими взяток, написанных на имя Горбачева.

В материалах уголовного дела следователи, не стесняясь, муссировали не всегда лицеприятные сведения о похождениях супруги Чурбанова и ее многочисленных любовниках, другие факты сугубо личного характера, по сути, не имеющие отношения к рассматриваемому судом делу. Все это копание в грязном белье и смакование частных подробностей, конечно же, было рассчитано на публику, использовалось для нагнетания атмосферы и косвенного влияния на решение суда.

Примерно в этот же период, в начале мая 1988 года, в Московском областном суде проходил процесс по делу начальника УВД г. Ташкента И.Г. Саттарова. Свидетеля-

ми по данному делу были приглашены начальник ГАИ г. Ташкента С. Салохиддинов, замминистра внутренних дел Узбекистана П. Бегельман, управляющий делами ЦК КП республики Т. Умаров, Ю. Чурбанов и я. В ходе процесса Саттаров заявил, что передавал различные суммы в качестве взятки Чурбанову, Кахраманову и Т.Умарову, а сам получал взятки от Бегельмана и Салохиддинова. Это слышали и судьи, и присутствовавшие в зале свидетели.

Я категорически опроверг показания Саттарова, однако он продолжал настаивать на своем. Я попросил разрешения председательствующего, чтобы еще раз обратиться к Саттарову. Глядя ему прямо в глаза, я сказал: "Ислам Гафурович! Конечно, сделанного уже не воротить, мне известно, как ведут следствие Гдлян и Иванов. Но сейчас идет суд. Вы всегда были честным и порядочным человеком. Поэтому я не могу поверить, что бы вас не замучила совесть за то, что вы говорили и говорите неправду! Я понимаю ваше положение, понимаю, как вам тяжело, но прошу вас, скажите суду правду. Ведь мое положение в тысячу раз хуже вашего". Суд спросил мнение Саттарова, он сидел как в воду опущенный, наконец, собравшись с силами, выдохнул: "Я давал Кахраманову не взятку, а 2 тысячи рублей в долг". Председатель суда негодуяше воскликнул: "Саттаров, как прикажете вас понимать? То вы заявляете, что давали Кахраманову взятку, то утверждаете, что это был долг. Чему мы должны верить?"

Скрупулезно изучив факты, сопоставив показания свидетелей, суд установил, что никакой передачи взятки не было.

Думаю, ни к чему теперь докапываться до причин и выяснять мотивы и обстоятельства, побудившие Саттарова оговорить себя и других. Не дай бог никому пережить те ужасы, которые нам пришлось пережить. Когда речь заходит об истории с Саттаровым, я всегда вспоминаю о его жене Зое-апе. Эта простая и добрая женщина проявила недюжинную настойчивость и долготерпение, когда в ее дом пришла беда — арестовали мужа. Она день за днем обивала пороги различных инстанций, добиваясь справедливости. После моего оправдания Зоя-апа с сестрой пришли

меня поздравить, потом попросили совета, как быть дальше. Мы вместе неоднократно писали письма и прошения в вышестоящие инстанции с просьбой пересмотреть дело Саттарова, который ранее под давлением следствия и пытками был вынужден признать не совершенные им преступные действия, оговорить себя и своих сослуживцев. Эти корреспонденции Зоя-апа каждый раз отвозила в Москву самолично. Дело продвигалось крайне трудно, и ответы на наши обращения приходили разные. Иногда это была формальная отписка, иногда тенденциозная поддержка линии следствия, а порою просто краткое переложение судебного решения без детализации. Вот один из подобных ответов, которое мы с Зоей-апой получили тогда:

" 30.08.89 №4-у 89-489. г . Ташкент.

Внимательно изучив вашу жалобу о незаконном аресте и заключении в тюрьму И.Г. Саттарова, приговоренного решением Московского областного суда от 13.04.1988г. к лишению свободы, сообщаем следующее:

Во время суда Саттаров признал факт передачи им взяток от Салохиддинова. Как и Саттаров, факт передачи-получения взяток подтвердили также Умаров и Салохиддинов. Указанные факты подтвердил и свидетель Курбанов. Факты преступной передачи взяток были подтверждены и дававшими, и получавшими взятку лицами. Суд вынес объективное решение. Саттаров лишен свободы на законном основании.

*Член Верховного суда РСФСР
Н.Колбая".*

Привожу ответ на второе письмо на имя Генерального прокурора Сухарева:

*"Прокуратура Союза СССР
29.09.89 г. № 12-342-88.*

Кахраманову Т.Х.

Ваши жалобы по делу Саттарова И.Г. рассмотрены. В порядке надзора проверено дело непосредственно в прокуратуре СССР.

Виновность Саттарова в получении трех взяток установлена показаниями свидетелей Салахиддинова об обстоятельствах их передачи. Саттаров на предварительном следствии и в суде подробно рассказал об обстоятельствах передачи взятки Умарову. Последний не отрицал, что получил от Саттарова взятку в 5 тысяч рублей. Доказаны служебные преступления и злоупотребления Саттарова. Заявление Саттарова о применении к нему незаконных методов ведения следствия тщательно проводилось судом, но не подтвердилось руководством прокуратуры СССР. В опротестовании судебных решений по делу Саттарова отказано.

*Прокурор Управления по делу за рассмотрением
Уголовных дел в судах ст. следователь юстиции
А.П.Борисоглебская”.*

Многу были написаны жалобы в высшие судебные инстанции СССР по делам Н. Худайбердыева, Б. Рахимова, Н. Раджапова, Н. Осетрова, Я. Мухамеджанова, Т. Умарова, Р. Шамсиева, О. Тураева и многих других. Копии я до сих пор храню у себя.

Ответ на одну из них привожу здесь.

Товарищу Кахрамонову!

Уважаемый Таштемир Худайбердиевич!

Ваше письмо на имя М.С.Горбачева, Б.К.Пуго, А.И.Лукьянова было передано в депутатскую комиссию, проверяющую группу Прокуратуры СССР, которой руководил Т.Х.Гдян.

По официальному разъяснению, которое мы получили от Верховного Суда СССР, Ваше оправдание является полным, и Вам должны быть возвращены все права, которых Вы были лишены в связи с арестом и следствием.

Нашей комиссии уже достаточно ясно, что за люди Гдян и Иванов, но в Москве и Ленинграде их избиратели все еще считают их “героями” и оказывают на комиссию сильное давление. Однако в Верховном Совете среди большинства депутатов наша позиция находит полную поддержку. В октябре мы будем слушать на комиссии руко-

водителей Прокуратуры, Верховного суда Узбекистана. Мы обязательно будем проверять обоснованность осуждения Р. Шамсиева, А.Дустова, В.Мулина, О. Тураева и других. Что касается незаконно привлеченных к уголовной ответственности бывших руководителей Узбекистана Т.Умарова, И.Раджабова, О.Салимова, М.Мусаханова, И.Саттарова, их дела поручены лично Генеральному прокурору А.Я.Сухареву, который в ближайшее время будет докладывать о них комиссии Верховного Совета. Однако нельзя сказать, что многие бывшие руководители республики были безгрешными людьми.

В настоящее время мы разбираем сразу несколько сотен дел, и главное, Вы мужественный человек, который уже в кругу семьи, а еще есть ни в чем не повинные люди, которые находятся все еще под следствием, или даже приговорены к длительным срокам заключения по явно сфабрикованным делам. Кроме того, ведется уголовное следствие и по деятельности самой группы Гдляна.

С уважением, Председатель комиссии съезда народных депутатов (Р.А.Медведев).

20 июля 1989 года.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Люди, считающие деньги способными сделать все, сами способны на все.

П. Буаст

Среди руководителей управления внутренних дел республики Саттаров был одним из самых опытных работников. В свое время о нем самом и о высших офицерских чинах из его окружения ходили самые разные слухи.

Незадолго до этого было совершено покушение на заместителя начальника управления ГАИ г. Ташкента Юлдашева. Это событие получило резонанс не только в республике, но и в Центре.

В конце 1983 года начальником Ташкентского городского ГАИ был назначен Жонузоков. Но основным кандидатом на эту должность был Юлдашев, который в течение многих лет работал заместителем начальника городского ГАИ. По сравнению с Жонузоковым Юлдашев был более опытным, знал свою работу "от" и "до". Ташкентское городское управление внутренних дел и МВД допустили большую ошибку, назначив на ответственную должность Жонузокова. Годом раньше Саттаров лично рекомендовал его кандидатуру. Мы с министром были против, поскольку у Жонузокова не было опыта работы в этой сфере. Несмотря на то, что Юлдашев остался заместителем, его авторитет возрастал день ото дня. Это всерьез тревожило Жонузокова. Он боялся за свое кресло. И тогда он задумал убрать с дороги конкурента. В сообщники он взял Жомонова и Камариддинова, бывших сотрудников ГАИ, которые были уволены из милиции за злоупотребление служебным положением в корыстных целях. Он заверил их, что уже решил с высшим начальством вопрос о восстановлении их в прежней должности, если они справятся с поставленной перед ними задачей — убьют Юлдашева. Отъявленные негодяи, готовые совершить любое преступление, они установили в своей машине рацию, которую им дал Жонузоков. Они уточнили маршрут, которым следовал Юлдашев с работы домой. Когда Юлдашев уходил с работы, Жонузоков по рации сообщал об этом сообщникам. Таким образом, в течение нескольких дней они неотступно следовали по пятам за своей жертвой. При первом покушении вышла осечка. Руководители городского УВД и МВД не восприняли это как покушение. Их халатность и равнодушие обернулись трагедией для Юлдашева и его семьи.

Через несколько месяцев Юлдашев был в упор расстрелян Н. Жомоновым и скончался от двух пулевых ранений в голову.

Вскоре на место происшествия прибыли руководители министерства и городского управления внутренних дел. Были созданы оперативные группы для поиска преступника. Это дело было взято под контроль ЦК партии,

так как наносило серьезный урон авторитету республики.

Сообщая об этом чрезвычайном происшествии в Центр, Гдлян сгустил краски, чтобы показать, в каких невероятно трудных условиях работает его группа. Тогда он и запросил, чтобы выдали бронежилеты, усилили охрану, расширили их полномочия. Саттаров заверил вышестоящие организации в том, что преступник будет найден в ближайшие дни. Но никому и в голову не могло прийти, что эта акция была организована сотрудниками МВД. Через какое-то время были арестованы "преступники". Но родственники Юлдашева, следователи и оперативники не приняли эту версию, они настаивали на том, что преступление было совершено по другим мотивам и другими людьми. И они в результате оказались правы.

В начале 1984 года оперативники напали на след одного из убийц Юлдашева — Жомонова. Они установили, что бывший сотрудник ГАИ работает контролером в Узбекской Государственной филармонии. Он был пойман с поличным, когда спекулировал билетами. Чтобы не спутнуть других преступников, на Жомонова сначала завели дело по факту спекуляции. Потом ему было предъявлено обвинение в убийстве Юлдашева. Сначала он отрицал вину. Опытные следователи вели допросы так умело, приводили столь веские доказательства, что он во всем сознался. Через какое-то время был взят под стражу его наставник Камариддинов, а уже через него вышли на Жонузокова. На основании показаний Жонузокова был арестован заместитель начальника УВД, бывший начальник ГАИ г. Ташкента Салохитдинов. В ходе следствия Жонузоков дал показания против Саттарова, сказав, что покушение на Юлдашева было совершено по его поручению. Так был арестован и Саттаров.

Первоначально его допрашивали следователи прокуратуры и КГБ. Но это не дало никаких результатов: Саттаров доказал свою непричастность к этому убийству. По просьбе Гдляна и Иванова дело было передано в их ведение. Обвинив его в организации убийства Юлдашева,

они начали оказывать на него психологическое давление. В адрес Саттарова были выдвинуты обвинения в даче взяток Чурбанову и в получении взяток от сотрудников УВД Ташкента. Чтобы отвести от себя обвинения в организации покушения на жизнь Юлдашева, Саттаров был вынужден давать показания против Чурбанова и других. Таким образом Саттаров оказался легкой добычей следователей-провокаторов. За помощь следствию ему было обещано снятие с него обвинения по делу об убийстве Юлдашева.

Прошел год. Саттаров попытался было отказаться от прежних показаний, но не тут-то было. Гдлян и Иванов пригрозили, что если он вздумает шутить с ними, то будет проходить как основной организатор убийства Юлдашева и его приговорят к расстрелу. Убедившись, что с ними шутки плохи, Саттаров был вынужден подтвердить прежние показания.

Уже отбыв тюремное заключение, Саттаров высказал обиду по поводу того, что виновником всех бед явился его бывший сват Яшнаров.

И в самом деле, Яшнаров под давлением Гдляна и Иванова подписался под показаниями о том, что Саттаров давал ему взятки. Саттаров тоже не мог выдержать их пыток и сдался. Он подтвердил показания свата. Однако на следствии все эти показания, связанные с Яшнаровым, были признаны ложными. Саттаров был осужден за показания по фактам дачи взяток Умарову и получения взяток от Салохитдинова и других. Это произошло уже по его собственной вине.

Прошли месяцы. Яшнарова мучила совесть, что он оговорил свата, и он попросил следователей аннулировать показания против Саттарова. Его просьба была удовлетворена. Однако Саттаров не простил Яшнарова. В результате их дети разошлись, родственные узы порвались, хотя показания были не решающими. А ведь в свое время именно Яшнарову он был обязан своим назначением на высокую должность, присвоением генеральского звания, избранием в народные депутаты, подъемом по служебной лестнице.

ПРОЦЕСС ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Честный человек, садясь в судейское кресло, забывает о личных симпатиях.

Цицерон

В течение 4-х месяцев все мы, обвиняемые по так называемому “чурбановскому” делу, от корки до корки изучили все тома уголовного дела. Мы серьезно готовились, чтобы неопровержимыми фактами доказать суду всю несостоятельность и надуманность обвинений, предъявленных нам на основании показаний, которые свидетели давали под давлением следствия. Задача была архисложной, приходилось непрерывно работать с 7 утра до 11-12 часов ночи. Ведь для меня это действительно было вопросом жизни или смерти. Цель была одна — победа, победа над ложью, над клеветой, над следственным беспределом. Проигрыш для меня был бы непозволительной роскошью. Мой адвокат тоже всерьез опасалась возможных провокаций со стороны следственной группы и не раз предупреждала меня: “Таштемир Худайбердыевич, не дай бог, если мы проиграем, у нас обоих будут большие неприятности. Они на все способны, не удивлюсь, если они станут шантажировать, давить даже на руководство страны, уж я их знаю”. Что я мог возразить? Мне оставалось тщательно готовиться к процессу и молить Бога не лишать меня мужества и терпения.

В конце августа мы встретились с адвокатом. “Как трудно попасть в Лефортово, нужно пройти тысячу проверок. В других тюрьмах совсем не так. Я могла принести с собой не только письма, но даже продукты. Таких жестких порядков, как здесь, я нигде не встречала”, — заметила Шапошникова и добавила, что до суда мы уже больше не встретимся. Перед уходом Людмила Степановна предупредила: “Ваш процесс будет самым крупным открытым процессом в истории СССР, так как ожидается приезд представителей многих известных средств массовой информации со всего мира. Ведь на процессе будут затронуты очень громкие имена: Брежнева, Рашидова, Чурбанова. Поэтому мы с вами должны как следует подгото-

ся. Журналисты уже “терзают” мой домашний телефон, просят встретиться, хотят знать подробности дела”. Я попросил ее по возможности пока ни с какими газетчиками не встречаться. Прощаясь, мы пожелали друг другу удачи. Видит Бог, она была нам очень нужна.

Сенсационный судебный процесс, вызвавший пристальное внимание широкой общественности, отечественных и зарубежных средств массовой информации, открылся в 10.00 часов 5 сентября 1988 года в большом зале Верховного Суда СССР под председательством генерал-майора юстиции М.А. Марова. Народными заседателями были назначены генерал-майоры авиации В.З. Жевагин и В.С. Сизов. Государственное обвинение поддерживал помощник Генерального прокурора СССР А.В. Сбоев. Защитники: члены Московской городской коллегии адвокатов А.М. Макаров, П.А. Баранбаев, Л.С. Шапошникова, Н.А. Гагарин, Я.М. Рохлин, О.В. Ракитина Л.Л. Мамут, С.А. Плоткина и А.Л. Рапопорт. На скамье подсудимых места заняли: бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-полковник Ю.М. Чурбанов, бывший министр внутренних дел Узбекистана Х. Яшнаров, два заместителя министра внутренних дел Узбекистана — я и П. Бегельман, начальники УВД Ташкентской, Бухарской, Наманганской, Кашкадарьинской, Хорезмской областей — Д.Д. Джамалов, М.С. Норов, Я.М. Мухаммаджанов, Х.Н. Норбутаев, С.З. Собиоров. В зале присутствовали представители центральных газет и журналов, радио и телевидения, свыше 100 иностранных корреспондентов.

Этот процесс мировая общественность ожидала с повышенным интересом, так как, во-первых, основным обвиняемым по нему проходил зять бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева Ю.М. Чурбанов, во-вторых, Гдлян и Иванов еще задолго до его начала своими бесконечными выступлениями в СМИ придали суду шовинистическую окраску, утверждая, что предстоит рассмотрение “узбекского” дела.

Едва мы заняли свои места, со всех сторон защелкали фотоаппараты, зажужжали телекамеры. Судя по всему, процесс действительно предстоял нелегкий, как предуп-

реждала мой адвокат. При таком стечении публики и журналистов придется попотеть и обвинению и защите.

Когда время, отведенное для работы прессы истекло, председательствующий попросил корреспондентов пройти в зал и объявил заседание Верховного суда открытым. На вопрос судьи: "Признаете ли вы свою вину?" — Чурбанов, Джамалов, Норов, Мухаммаджонов, Норбутаев, Собиров, Бегельман ответили утвердительно. Я категорически отказался признать обвинение: "Я не преступник, Гдиян и Иванов арестовали меня необоснованно и совершенно незаконно продержали под стражей почти четыре года". Кстати, Яшнаров тоже отказался признать себя виновным.

Зал всколыхнулся, среди публики послышались удивленные возгласы. Это, конечно, не было случайностью, потому что накануне процесса вся центральная пресса в один голос объявила: "Все обвиняемые признали свою вину и чистосердечно раскаиваются в содеянных преступлениях".

За несколько дней суд рассмотрел более 110 уголовных дел. Из заслушанных на процессе материалов уголовного дела следовал однозначный вывод о том, что Рашидов за период руководства республикой создал в Узбекистане форменный режим взяточничества и это якобы способствовало образованию мафии. Чтобы подкрепить свою клеветническую позицию, следствие предусмотрительно заручилось десятками, сотнями липовых показаний, которые в основном были получены Гдяном и Ивановым у допрашиваемых лиц при помощи прямых угроз и шантажа, свидетелями же в суд были приглашены лица, которые по каким-то личным мотивам таили обиду на Рашидова и теперь жаждали реванша.

Особенно досталось главной фигуре процесса Ю.М. Чурбанову, любимому зятю генсека-долгожителя. Ему ставилось в вину резкое ухудшение работы вверенного ему как замминистру ведомства в смысле кадровой чехарды и коррумпированности кадров. Зал бурно реагировал на происходящее. Слушание не раз прерывалось из-за гневных выкриков и шума в зале: публика требовала возмездия и немедленной расправы над расхитителями и взяточниками. Председательствующий пытался призвать со-

бравшихся к порядку и благоразумию. Не вызывало сомнений, что эти выкрики и ажиотаж в зале были инспирированы определенными лицами, которые таким путем пытались воздействовать на общественное мнение, оказать давление на обвиняемых, свидетелей, на присутствующих в зале родственников обвиняемых, предопределить приговор.

Подобные наглые провокации не могли не ранить тех немногих узбекистанцев, в основном родственников обвиняемых, которые приехали в Москву, чтобы поддержать своих близких во время процесса. В зале находились также мой племянник Равшан, сестры Малика, Мавлуда, братья Баходир, Бахтиер, Бокижон, приехавшая поддержать отца Г. Яшнарова, которые обратились к председательствующему с просьбой утихомирить нарушителей порядка. Суд сделал строгое предупреждение зачинщикам скандала, которые на все лады шельмовали подсудимых, не дожидаясь окончательного решения суда. Председательствующий добавил, что в случае повторения оскорблений в адрес обвиняемых, нарушители будут выдворены из зала.

Ближе к концу сентября подсудимым предоставили слово.

И вот, наконец, настала моя очередь.

Начал я с того, что мой арест и последующее содержание под стражей в течение четырех лет было вопиющим нарушением закона, что методы следствия и дознания, применявшиеся Гдляном и Ивановым в отношении меня лично и многих других лиц, арестованных по так называемому "узбекскому" делу, были противозаконны и бесчеловечны. Я заявил суду, что пресловутые "хлопковое" и "узбекское" дела были полностью инициированы Гдляном и Ивановым в корыстных популистских целях. Они, прикрываясь следовательскими удостоверениями и именами первых лиц государства и пользуясь безнадзорностью, развернули в Узбекистане настоящий террор. Позднее адвокат Л.С. Шапошникова сказала, что мои слова никого в зале не оставили равнодушным и наверняка теперь многие будут смотреть иначе на "хлопковое" и "узбекское" дела.

В конце октября для очной ставки со мной начали вызывать одного за другим семерых свидетелей. В основном это были приговоренные к длительным срокам лишения свободы.

Из речи Р. Шамсиева на том судебном процессе: "Гдян и Иванов в нарушение закона заставили меня написать порочащие Кахраманова показания через год после моего ареста. Они оказывали давление и пытали меня, арестовали моих родственников, избивали их. В мою камеру запускали уголовников-рецидивистов, чтобы оказать физическое и психологическое воздействие. Сказали, если хочешь жить, пиши заявление на имя Генерального прокурора, что давал взятку Кахраманову. Я написал клеветническое заявление против Кахраманова, чтобы защитить членов своей семьи и еще потому, что боялся расстрела. Я прошу прощения у Кахраманова за свое лжесвидетельство".

Вот выдержка из свидетельских показаний в суде А. Музаффарова:

"Я виноват перед Кахрамановым. Я был арестован незаконно по ложному обвинению в даче взятки. Меня избивали. Арестовали детей. Я подписал ложные показания против Кахраманова под пытками следователей. Не могу сказать, что я абсолютно чист и не совершал преступления, но я никогда ни от кого не слышал, что Кахраманов брал взятки. Кахраманов, прошу вас простить меня, я оговорил вас, так как не мог больше выносить побоев и издевательств следователей, простите меня!"

Музаффаров сказал правду, в этом не было сомнений, не может человек в таком тяжелом состоянии лгать. После всего пережитого со времени ареста, после всех мучений и издевательств со стороны следователей он находился в полупарализованном состоянии. Я искренне жалел его и мысленно проклинал его мучителей.

Затем слово предоставили А. Дустову, которого в зал ввели или скорее внесли, держа под руки, двое молодых конвойных. Бледное лицо, потухший взгляд. Он был слаб до такой степени, что даже не смог устоять на ногах, хотя охрана помогла ему подняться. Изможденный старец, с невидящими глазами, он совершенно не был по-

хож на прежнего Дустова. Суд разрешил ему говорить сидя. Вот его слова:

”Я всегда знал Кахраманова как честного, порядочного и принципиального человека. Я никогда не думал давать ему взятку. Несмотря на давление со стороны следователей, я целый год говорил правду, что никогда не давал Кахраманову взятку. Я не изменил своих показаний даже когда Гдлян и Иванов арестовали моих детей, пытали их. Но из-за постоянных мучений и издевательств у меня открылась язва, началось кровохаркание. От невыносимой боли я был согласен даже умереть. Доктора сказали, что требуется немедленная хирургическая операция. Гдлян и Иванов приказывали врачам не давать мне никаких лекарств, пока я не дам показания против Кахраманова. Иванов пришел ко мне в камеру и видя, как я корчусь от боли, сказал, что до тех пор, пока я не подпишу показания о даче взятки Кахраманову, мне не дадут болеутоляющие лекарства, а мои дети будут оставаться под арестом. Я не мог больше терпеть боль, поэтому был вынужден подписать показания и оговорить Кахраманова. Я хочу попросить прощения у Кахраманова. Если Кахраманов не простит меня, если я умру... грех мне, грех, простите меня”.

По лицу Дустова катились слезы, голос дрожал. Всем стало ясно, что слова Дустова о незаконных методах следствия, примененных к нему, более чем правда.

Не только наши земляки и журналисты, но и все присутствующие в зале смотрели на него с сочувствием и жалостью. Некоторые даже плакали. Пытаюсь отыскать глазами среди сидящей в зале суда публики тех крикунов, которые совсем недавно метали громы и молнии, требуя линчевать всех узбеков. Теперь они сидели и прятали глаза, молчали, как будто воды в рот набрали. В зале суда царила тишина.

Свидетели У. Тожибаев, В. Мулин, Т. Хаитов тоже заявили, что взятку мне никогда не давали.

В качестве свидетелей в суд были вызваны бывший председатель Совета Министров Узбекистана Н.Ж. Худайбердиев, первые секретари Ташкентского, Бухарского, Сурхандарьинского, Хорезмского, Навоийского об-

комов партии, управляющий делами ЦК КП республики. Это объяснялось тем, что в материалах следствия значилось, будто указанные лица получали взятки от подсудимых. Так, не без настоятельных "советов" Гдяна, Дж. Джамалова, П. Бегельман и некоторые другие оговорили Осетрова, показав, что давали ему взятки. В ходе судебного разбирательства Х. Яшнаров, Ю. Чурбанов категорически отказались от своих прежних показаний против Осетрова, сославшись на то, что на предварительном следствии давали показания под жестким физическим и психологическим давлением со стороны следователей. И только Джамалов, Бегельман продолжали настаивать на своих первоначальных показаниях. Осетров со слезами на глазах пытался убедить суд в том, что его умышленно оговаривают, что никаких подношений ни в виде денег, ни в виде подарков от этих лиц не принимал. Осетров не лгал. Мне, например, было хорошо известно, что со многими из дававших против него показания он не только не был лично знаком, но даже ни разу не виделся прежде.

Цепочка взяткодателей и взяткополучателей, по версии следствия, выстраивалась следующим образом: Джамалов передал Мусаханову в целом 10 тысяч рублей. Умарову якобы давал взятку Бегельман, а Худайбердиев, Есин, Каримов, Умаров передавали различные суммы Чурбанову. То, что данная версия следствия ничего общего с действительностью не имела и была целиком продуктом больного воображения Гдяна и Иванова, самих следователей волновало мало. Они так запугали, заморочили своих подследственных, что те просто боялись сказать правду и продолжали наговаривать на себя и на других.

Следствие по делам Чурбанова, Джамалова, Бегельмана, Норова, Норбутаева, Собирова было завершено. Теперь их дальнейшая судьба зависела от решения суда. По делам Худайбердыева, Мусаханова, Умарова, Есина следствие еще продолжалось, и вели его все те же Гдян и Иванов. Поэтому думаю, что по-человечески можно было понять, почему они продолжали лжесвидетельствовать и оговаривать себя и других: ими руководил страх перед Гдяном и Ивановым с их "нетривиальными" методами.

Хотелось бы воспроизвести здесь один буквально потрясший меня (думаю, не только меня, но и всех присутствовавших тогда в зале суда) эпизод, когда суд пригласил для дачи свидетельских показаний Мусаханова. Вся публика, представители прессы и родственники обвиняемых, находившиеся в зале суда, были в шоке: более красноречивого свидетельства бесчеловечности, с которой Гдян и Иванов обращались со своими подследственными, нельзя было представить. Мусаханова крепко держали под руки несколько конвойных, а он брел, едва переступая, потому путь его до свидетельского места был чрезвычайно долог. Судью Марова очень встревожило состояние свидетеля, и он торопливо попросил доктора сделать ему укол. После укола Мусаханов закрыл глаза и сидел, восково-бледный, не видя и не слыша происходящего вокруг. Генералу Марову пришлось потратить больше получаса, чтобы получить ответы на свои вопросы. Принесли наушники, микрофон: Мусаханов от перенесенных во время следствия издевательств и нервных перегрузок почти совсем оглох, не мог нормально говорить, язык плохо слушался его, он с трудом, с большими паузами выговаривал слова.

Маров задал вопрос: "Вы подтверждаете, что получали взятку от начальника УВД Ташкентской области Джамалова?" Ответа не последовало. Председательствующий повторил вопрос. По всему было видно, что у Мусаханова не оставалось ни физических, ни моральных сил, чтобы бороться, он был сломлен и деморализован. Находясь в состоянии какой-то прострации и глубокого психологического шока, он ответил утвердительно. Может, ему было действительно уже все безразлично, а может, боялся новых измышлений со стороны следователей. Таким образом, в суде нашли подтверждение показания Джамалова о даче 10 тысяч рублей в качестве взятки Мусаханову и показания Мусаханова о получении указанной суммы от Джамалова. Если бы только Джамалов отказался тогда от своих ложных показаний и сказал правду! По-человечески он должен, обязан был так поступить, ведь судьба самого Джамалова тогда уже зависела от решения суда. К сожалению, правду Джамалов сказал лишь

спустя несколько лет. Запоздалое признание, запоздалое раскаяние...

Думая о тех безрадостных и тревожных днях, я все же с чувством глубокой благодарности вспоминаю супругу и троих детей Норова. Выступая на заседании Верховного суда в качестве свидетелей, они умоляли его сказать правду. Однако он побоялся пойти против следствия и настаивал, будто давал взятки мне, Чурбанову, Каримову. Ни мои просьбы не лгать суду, ни мольбы и увещевания родных не убедили Норова, он так и не отказался от своих ложных показаний. Учитывая, что он был непоследовательным и то и дело путался в своих показаниях, суд приговорил Норова к 8 годам лишения свободы. После моего освобождения члены его семьи приезжали навестить меня, спрашивали совета, как можно было бы облегчить судьбу отца. Я помог им составить прошение о пересмотре дела в соответствующие компетентные органы.

И еще я вспоминаю, что на том судебном заседании узбекистанцев, за исключением ближайших родственников подсудимых, практически не было. Так был силен и живуч страх перед Гдьяном, перед возможностью возобновления массовых арестов и гонений.

В начале декабря слово было предоставлено Государственному обвинителю А.В. Сбоеву. Свою речь он начал : причин и последствий разгула преступности и коррупции, получивших распространение по всей стране, и в Узбекистане в частности. Прокурор потребовал в качестве меры наказания Чурбанову 15 лет лишения свободы и 5 лет ссылки, Яшнарову — 15 лет, мне — 13 лет, Норову, Норбутаеву, Мухаммеджанову — по 9-10 лет лишения свободы, Бегельману и Джамалову, учитывая оказанное ими содействие следствию, по 6—7 лет тюрьмы. Это означало, что Бегельман и Джамалов выйдут на свободу прямо из зала суда.

Каково было после этого мое состояние и состояние моих родных, находившихся в зале и слушавших обвинение прокурора, думаю, читатель понимает. То, что после всех фактов и доказательств, которые были озвучены в моем выступлении и в выступлении моего адвоката, Государственный обвинитель просил для меня 13 лет было

вопиющей несправедливостью. После его выступления ко мне подошла Людмила Степановна и как могла, старалась подбодрить меня:

— Не падайте духом раньше времени. Слова прокурора — еще не приговор. Я верю, что вы так легко не сдадитесь. Я с вами, я верю в вас, в вашу невиновность. Главный бой еще впереди!

Выступление обвинителя выбило меня из колеи, я растерялся и еще несколько дней ходил сам не свой. Сокамерники старались успокоить меня, говорили, что нельзя так раскисать, ведь еще предстоит последнее слово, и окончательное решение все же принимает суд, а не прокурор. Нервы мои были на пределе, на душе скребли кошки, ни о каком спокойствии не могло быть и речи. Тем более что я видел, как мою жену, потерявшую сознание, увезла "скорая", и я долгое время ничего не знал о состоянии ее здоровья.

РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ

Каждому человеку нужны ум и смелость.
Ум без смелости неподвижен.
Смелость без ума опасна.

С. Айни

Начиная с 15 декабря, сидящим на скамье подсудимых стали предоставлять последнее слово.

Я вновь привел доводы о том, что прокурор без всяких оснований требует вынести противоречащий закону несправедливый приговор.

Привожу отрывок из своего последнего слова на суде:

— *Уважаемый председатель суда! Уважаемые генералы! В нарушение закона Гдян и Иванов незаконно держали меня под арестом в течение почти 4 лет.*

Вам довелось услышать чистосердечные признания людей, которые, не выдержав давления, оказанного во время следствия Гдяном и Ивановым, оклеветали меня. Так я был взят под стражу. На суде Тошматов, Шамсиев, Тураев, Дустов, Хаитов и другие сказали правду. Мы начали пере-

стройку под лозунгом строительства правового государства, но в это мало верится. Вы являетесь сами свидетелями того, как попирается закон. Главный обвинитель Сбоев, будучи представителем прокуратуры в суде, призван законом отстаивать правду. Но он даже не попытался разобраться, где ложь, где правда, а взял за основу документы следствия, основанные на клевете и ложных показаниях Джамалова, Бегельмана и других, потребовал осудить вашего покорного слугу на 13 лет лишения свободы. Сбоев, Гдлян и Иванов, преследуя корыстные цели, в погоне за славой "поборников справедливости", совершают одно беззаконие за другим. В 30-40-е годы Ежов и Берия подвергли репрессиям миллионы невинных людей, устраивали их массовые расстрелы в Сибири. В течение 50 лет после этих кровавых событий Верховный суд занимается реабилитацией жертв репрессий. К сожалению, большинство из них не дожило до наших дней. Не хотелось бы, чтобы история повторилась.

Может так случиться, что Верховный суд, следуя указаниям Гдляна и Иванова, несправедливо осудит многих невинных людей. Пройдут годы и я буду оправдан. Потому что я чист перед Верховным судом, семьей, родственниками, земляками. Я был оклеветан и в нарушение закона арестован. Вот и сейчас в Верховном суде на меня возводят клевету за клеветой. Но я верю, придет час, когда Гдлян, Иванов и обвинитель Сбоев сами окажутся на скамье подсудимых за те преступления, которые совершили против меня и сотен других людей.

Сейчас в Москве проходит конференция по правам человека с участием правоведов из многих зарубежных государств. И в это же время, в этом же городе обвинитель Сбоев при грубейшем нарушении прав человека, при недоказанности вины требует лишить меня свободы сроком на 13 лет. Если будет продолжаться такое нарушение закона, мы никогда не построим правового государства, наоборот, будем отброшены назад, к временам репрессий.

Уважаемый председатель суда!

Вы в свое время пересмотрели дела Бухарина, Икрамова, Ходжаева, доказали, что они были незаконно расстреляны, суд реабилитировал их. Этим поступком вы заслужили уважение не только их близких, но и тех народов, лучшими

сынами которых они являлись. Поэтому обращаюсь к вам не с мольбой о жалости, а прошу помощи в установлении справедливости! Если вдруг вы, поверив словам прокурора, утвердите приговор, то выскажите все начистоту, откройте перед всеми правду! Если бы я, как Джамалов и Бегельман, пошел на поводу у Гдяна и Иванова, дал нужные следствию показания, то уверен, обвинитель Сбоев запросил бы для меня тоже 5 лет.

Повторяю, что я невиновен. Уверен в том, что придет время, и мы, как в свое время невинно осужденные Н. Бухарин, Ф. Ходжаев, А. Икрамов, будем оправданы. Меня посадили из-за клеветы и оговора. Помощник Генерального прокурора СССР, являясь руководителем органов, призванных отстаивать справедливость, вопреки этому старается увлечь Верховный суд в трясины беззакония.

Всю свою жизнь, все свои силы и энергию я посвятил служению этому государству. И если общество, вместе того, чтобы защитить меня, сбросит меня в пропасть беззакония, то мне такое государство не нужно!

Закончив свое выступление, я увидел, что мои близкие, находившиеся в зале суда, плакали навзрыд. Не удержалась от слез и мой защитник. Потом, когда ее волнение улеглось, Шапошникова сказала, что я правильно построил свое выступление, что сказанное мной произвело на членов суда большое впечатление, так же, как и на журналистов, что у нее появилась надежда на благополучный исход, хотя борьба еще впереди.

“В случае, если суд вынесет несправедливый приговор, буду обивать пороги Горбачева, Верховного Совета, чтобы оправдать тебя. Если понадобится, обращусь во Всемирный комитет по защите прав человека, дороги назад нет. Я верю, что ты невиновен!”

20 декабря суд объявил перерыв до 30 декабря для обсуждения приговора. В моем сознании постоянно крутилась эта “чертова дюжина” — 13 лет. Такой срок они хотели дать мне, чтобы не уронить авторитет прокуратуры СССР, а также поддержать Гдяна и Иванова. Надо ли говорить, в каких муках прошли эти десять дней! Не будет преувеличением, если скажу, что они были для меня как десять лет...

30 декабря 1988 года я встал часов в пять. Помолился, прося у Всевышнего уберечь от суда несправедного, молил о торжестве справедливости, вверил свою судьбу Богу, только он мог спасти и защитить.

Из истории суда я знал, что по традиции суд сбавлял на 2—3 года, в крайнем случае на 5 лет тот срок, который назначал обвинитель. Но я не мог припомнить случая полного оправдания. Поэтому решил для себя, что приму испытания, которым меня подвергает судьба, но буду продолжать борьбу. Охранник, приоткрыв оконце в двери, напомнил, что нужно подготовиться к суду. Минут через десять вооруженный конвоир с грохотом распахнул железную дверь и повел к выходу по особому коридору. Переступив порог, прошептал молитву: "Взываю к Всевышнему, вверяю ему свою жизнь, молю поддержать и укрепить мой дух: могущество его безгранично, молю спасти меня из этого ада, уберечь от произвола нечестивых..."

Примерно через полчаса нам предложили пройти в большой зал Верховного суда. Он был переполнен. На процессе были корреспонденты советских центральных газет и журналов, а также зарубежные журналисты — представители крупнейших мировых агентств, радио- и телекомпаний многих стран. Начало судебного процесса и судебные прения снимали на пленку кинодокументалисты и корреспонденты Гостелерадио СССР. Как только мы вступили в зал, заработали кинокамеры, вспыхнули юпитеры. Мировая общественность с нетерпением ждала приговора Верховного суда. Съемки закончились. Председатель суда объявил заседание открытым и после обязательных процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом, приступил к чтению приговора. Сильный голос генерала звучал как набат под сводами зала. Присутствующие жадно ловили каждое слово.

Обвинительное заключение читалось уже больше часа. Зачитываются анкетные данные всех подсудимых, в чем они обвиняются, признали они или не признали свою вину, доказательства их виновности. Отмечается, под какую статью уголовного кодекса подпадает совершенное ими преступление.

А меня тем временем терзала мысль: неужели председатель суда, вынося обвинительное заключение, забыл обо мне? В такие минуты опять читаю про себя молитву. Собрав всю свою волю, продолжаю слушать приговор. Только часа через два чтения приговора председатель суда стал упоминать мое имя. В этот момент защитник Чурбанова А. Макаров посмотрел на меня обнадеживающе и показал жестом руки: все будет хорошо. В душе затеплилась надежда. Несмотря на все это, я еще не мог поверить, что солидный срок, который запросил для меня обвинитель, будет снят. Но на глазах у всех клеветнические обвинения, одно за другим, стали лопаться, как мыльные пузыри. Меня волновало, какое действие возымеют показания Джалалова, Норова, Бегельмана о том, что они давали мне взятки. В те дни, когда они якобы "давали мне взятки", меня не было в Узбекистане. Поэтому суд убедился, что показания первого и последнего свидетеля были ложными и даже противоречили друг другу. Суд признал их показания клеветой. К примеру, Бегельман сказал, что дал мне взятку 8 января 1980 года, тогда как я со 2 января отдыхал в санатории "Узбекистан" в Кисловодске. Этот факт мой защитник подкрепила подлинными документами.

— Виновность Кахраманова в ходе судебного процесса подтверждения не нашла за недоказанностью. Таштемир Худайбердыевич Кахраманов оправдан и освобождается из-под стражи в зале судебного заседания!

У меня на глаза навернулись слезы, я чуть не потерял сознание. По залу прошло волнение. Кто-то из моих близких, не выдержав, заплакал навзрыд. Несмотря на то, что председатель суда продолжал читать приговор, иностранные корреспонденты стали фотографировать меня.

31 декабря 1988 г. во всех центральных газетах был опубликован материал о нашем процессе:

"К историческому заседанию Верховного суда было привлечено более 500 свидетелей. Председательствовал на процессе генерал-майор юстиции М.А.Маров. Народными заседателями Верховного суда были генерал-майоры авиации В.Жевагин и В.Сизов. В течение четырех месяцев судом принимались необходимые меры для полного и всестороннего исследования доказательств, представленных органами пред-

варительного следствия, просмотрены видеозаписи очных ставок, осмотрены вещественные доказательства, были всерьез рассмотрены ложные, клеветнические показания. Председатель суда предоставил обвиняемым и свидетелям возможность говорить свободно, ко всем выступлениям суд относился с вниманием. Судебный процесс велся объективно, без нарушения прав человека. По оценкам комментаторов средств массовой информации мира, председательствующий на процессе генерал-майор юстиции М.А.Маров вел его только на основе закона.

"Поскольку, — говорится в приговоре, — в соответствии с требованиями ст. 43; Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, Военная коллегия Верховного суда СССР находит, что представленные органами предварительного следствия и исследованные в процессе судебного разбирательства доказательства виновности Кахраманова не могут быть признаны достоверными".

Этот судебный процесс вызвал широкий резонанс в мире. Потому что миф о "двух нестигаемых борцах", о "героях перестройки" развеялся. Открылись их преступления, которые они маскировали под новые "методы" следствия. Стал падать их авторитет в глазах мировой общественности. Мало того, стало очевидным, что их деятельность нанесла урон и авторитету прокуратуры СССР. Мои земляки рассказывали, что обвинитель Сбоев, услышав слово "оправдан", потерял сознание. Потому что суд тем самым доказал, что его действия противоречили закону и грубо нарушали права человека, а самое главное — они напоминали месть. Все его ложные доказательства суд отменил из-за их полной несостоятельности.

После завершения чтения приговора советские и иностранные журналисты продолжили съемки, задавали вопросы. Мне трудно было после такого напряжения отвечать на их вопросы, но, с другой стороны, мысль о том, что я свободен, что я могу продолжать борьбу, давала мне новые силы. Нужно было сорвать маску с этих "поборников справедливости" — Гдляна и Иванова. За все мои муки, пережитые в тюрьме, предоставлялась возможность рассказать во всеуслышание подлинную правду. Вдруг я осоз-

нал, что теперь на меня возложен моральный долг — борьба за освобождение тысяч моих земляков, брошенных по ложному навету за решетку. Поэтому вступал в беседу с каждым корреспондентом, проявившим интерес к событиям, происходящим в Узбекистане. Мои интервью иностранным и советским журналистам были опубликованы на следующий день на первых страницах советских и зарубежных изданий.

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — СВОБОДА

Порядочные люди уважают нас за наши достоинства, а толпа — за благосклонность судьбы.

Ф. Ларошфуко

В окружении родных и журналистов я вышел на улицу. С родными и моим защитником Л. Шапошниковой сели в такси и поехали за вещами в Лефортово. Снег валил большими хлопьями. Казалось, сам Всевышний поздравлял меня, осыпая город большими, искристыми, как звезды, снежинками. Мне, прошедшему почти четыре года в камере, истосковавшемуся по свежему воздуху, этот снег был наградой свыше.

Я смотрел в окно такси, и было непривычно видеть людей, которые свободно расхаживали по улицам. Было такое ощущение, что все это мне снится. Я подумал, что белый снег — это напутствие Аллаха, пожелание счастливого пути. Наконец доехали до тюрьмы. Здесь тоже произошли странные вещи: охранники, которые долгое время грубили мне, приказывали убрать руки за спину (“ходи тихо, не разговаривай”), теперь вдруг стали вежливыми и предупредительными. Меня радостными улыбками встретили четыре офицера. Зная, что я теперь свободный человек, я держался гордо и спросил у них: “Где мои вещи?” Они с уважением:

— Товарищ Кахраманов, вас ждет начальство.

Я зашел в кабинет начальника. Дверь открылась, и меня приветливо встретили начальник Лефортово Растворов и его заместители. Поздоровались за руку. Будто пе-

редо мной были не жесткие, безжалостные начальники страшной тюрьмы, а мои старые добрые приятели. На столе были конфеты, печенье. Мы сели за стол. Они поздравили меня с освобождением. Стали пить чай. Я высказал им наболевшее:

— Помните, я обращался к прежнему начальнику Петренко и говорил, что меня здесь содержат незаконно. Просил узнать в ЦК, почему нет ответа на мои письма. Но он не обращал внимания на мои слова и поддерживал Гдяна и Иванова. Охранники и офицеры, оказывая психологическое давление, отравляли мне жизнь. Но, слава Богу, справедливость есть на свете, и все уже позади.

Растворов ответил мне так:

— Мы вас не арестовывали, этим занималась прокуратура СССР, но в нарушении закона, есть, конечно, “заслуга” и работников тюрьмы. Это открылось на суде. Мы в основном выполняли поручения прокуратуры СССР, Гдяна и Иванова. Примите наши извинения. Я не могу поручиться за всех своих сотрудников: пять пальцев — и те разные. Есть среди них и те, что злоупотребляют служебным положением. Наша задача — охранять содержащихся под стражей, помогать следствию. Но мы тоже люди. Видя, что невинные люди находятся за решеткой, мы искренне сочувствовали им. Но мы должны подчиняться закону, к тому же есть и профессиональная ответственность. А вы теперь знаменитость, потому что стали первым человеком, который в истории Лефортово получил оправдательный приговор. Поэтому мы тоже вами гордимся. Ваше имя войдет в историю.

Когда я, простившись с ними, вышел на улицу, увидел, что мои близкие не на шутку встревожены. Они боялись, что меня опять арестовали. Офицеры, которые постоянно грубили мне, оказывается, давно погрузили мои пожитки в багажник такси. В этом я тоже увидел волю Всемогущего. Работники этой организации, наводившей ужас на людей, оказывали мне услуги.

Вместе со свекром — Султаном Эшоновым и супругой мы приехали на квартиру, которую они снимали. На скорую руку приготовили плов. За четыре года я так соскучился по нему, что не заметил, как один управился с большой

горкой плова на тарелке. Я все не мог поверить в то, что оправдан и выбрался из сетей. Вечером, часов в 11, позвонила Л. Шапошникова. Она посоветовала на всякий случай на улицу не выходить и побыстрее уехать в Ташкент:

— От Гдяна и Иванова можно ждать чего угодно. Вы стали их главным врагом. Ваше оправдание для них равносильно смерти. Чтобы вернуть себе былой авторитет, они не остановятся ни перед чем, постараются отомстить и мне.

На другой день мы приехали в Домодедово. Узбеки, живущие в Москве, захотели встречать Новый год на родине. Поэтому купить билет было невозможно. Мои братья зашли к начальнику аэропорта. Оказывается, он интересовался ходом Чурбановского процесса. Увидев 30 декабря по телевидению репортаж из зала суда, он очень удивился такому исходу дела. Когда мои братья обратились к нему с просьбой насчет билетов, он достал газету "Московские новости" и, указав на мою фотографию, сделанную в зале суда, спросил: "Вот этот Кахраманов?" и в свою очередь попросил, чтобы братья пригласили меня к нему в кабинет. Я зашел. И вот этот совершенно не знакомый мне парень, настоящий русский богатырь, обнял меня и, глядя в глаза, сказал:

— Кахраманов, я восхищен вашим мужеством! Я почему-то думал, что вы здоровый, высокий. А вы такой же, как и все мы. Но вам нужно отдать должное, потому что вы победили следователей, у которых была слава "несгибаемых". Из-за них мы все поверили тому, что все узбеки взяточники и мошенники. Теперь, когда вас оправдали, нам предстоит пересмотреть отношение к данному вопросу.

Я вкратце рассказал ему о злодеяниях Гдяна и Иванова.

Начальник поручил своим служащим хоть из-под земли достать билеты.

— Кахраманова ждет его родной край, родные и близкие люди. Несмотря на муки и страдания, пережитые им за 4 года в тюрьме, он возвращается к землякам с победой.

Нас с почетом повезли на машине прямо к трапу самолета.

Я летел в Ташкент, а на душе было тревожно: как меня встретит родная земля? Эта мысль не давала покоя, потому что весь Узбекистан все еще был во власти этих провокаторов. Как сложится моя судьба?

Самолет благополучно приземлился в Ташкенте. Я увидел среди встречавших родных и близких также и знакомых, которые в течение 4-х лет, боясь Гдьяна и Иванова, не осмеливались даже вспомнить мое имя. Все они, узнав об оправдательном приговоре из газет, радио и телевидения, пришли в аэропорт встретить меня. Стало светло и радостно на душе. Меня встречали цветами и аплодисментами и поздравляли.

В течение четырех лет никто не переступал порога моего дома. И вот он, ярко освещенный, ожил и наполнился людьми. Мы проговорили с друзьями до утра. И в этом я тоже увидел могущество Всевышнего. Четыре года весь мир, кроме моих близких, верил клевете двух провокаторов, теперь же мнение большинства моих знакомых и приятелей изменилось на 180 градусов. Те, кто рассуждал, что "Кахраманов, оказывается, взяточник, иначе его бы не посадили", теперь не скупились на похвалу. Мои близкие и родные — жена, дети, сестры, братья — были рядом. Мы не могли наглядеться друг на друга, вдоволь наговориться. На столе были яблоки, груши, лепешки, такие блюда, которые в тюрьме даже не снились.

На другой день к нам стали приходить друзья, приятели, знакомые и вовсе незнакомые люди со всех уголков республики. Почти месяц принимал я поздравления.

Но вскоре в Узбекистан пожаловали Гдьян и Иванов и развернули кампанию против меня. Под руководством Анищева, Сатина, Холмурадова они стали печатать в газетах статьи, которые были призваны вызвать сомнения в справедливости приговора. Дошло до того, что в статье "Оправдательный уклон", напечатанной в одной из газет 28 февраля 1989 года, следователи договорились до того, что Верховный суд оправдал Кахраманова незаконно, председатель военной коллегии генерал Маров является его другом, поэтому он приложил к этому руку.

Вместо того чтобы защитить меня, бороться за честь узбекского народа, вышедшие из нашей же среды "оби-

женные” вновь подняли головы. В то время, когда в мировой прессе на первых страницах рассказывалось о моих мытарствах, на родине не нашлось смельчака, способного хотя бы признать справедливость решения, вынесенного Верховным судом. Наоборот, кое-кто стал плясать под дудку “десантников” и попросту игнорировал это решение Верховного суда. Гдлян, желая отомстить за то, что ему не удалось осуществить задуманное, писал в своих статьях, что я был оправдан незаконно. По иронии судьбы, многие из моих знакомых вновь продемонстрировали свою двуличность. После появления в газетах статей о том, что решение суда было несправедливым, они вновь забыли дорогу в мой дом. Я вынужден был обратиться с заявлением на имя руководителей бывшего Союза о том, что в Узбекистане игнорируются решения Верховного суда. Я, продолжая борьбу, стал ездить в Москву, добиваясь приема у Горбачева, Лигачева, Пуго, Сахарова и Ельцина. До сих пор помню, как главный редактор газеты “Фрунзевец” приходил к нам домой, чтобы подготовить материал о моем оправдании. К сожалению, его не разрешили опубликовать. В то время у меня на руках уже было достаточно материалов, чтобы подать в суд на Гдляна, Иванова, на газету “Ташкентская правда” и ее главного редактора Ковалева. В поисках адвоката я встречался с десятком юристов. Они, боясь давления следователей, под разными предлогами отказывали мне в помощи. Наконец при помощи Г.Яшнаровой я познакомился с таким благородным человеком, как Плинт. Благодаря его усилиям против Гдляна и Иванова, игнорирующих решения Верховного суда, грубо нарушающих закон, было возбуждено уголовное дело. Привожу один из ответов на мою жалобу по данному вопросу в высшие инстанции 03-08-К-2677. 18.03.89 г. В Министерство юстиции Узбекской ССР. Копия: Кахраманову

Ленинским районным народным судом г.Ташкента было изучено гражданское дело истца Т. Х. Кахраманова и ответчиков Гдляна и Иванова, а также жалоба на клеветническую статью, опубликованную в газете “Ташкентская правда”, 17.03.89 г. суд передал дело для изучения народному судье Н. Лисенко.

30 марта 1989 года была проведена беседа между представителями газеты и истцом. Каждая из сторон подчеркивала необходимость обязательного участия в заседании суда Гдьяна и Иванова.

30 марта 1989 года Генеральному прокурору СССР было вручено письмо о том, что поступила жалоба Т. Кахраманова против Гдьяна и Иванова, дело будет рассматриваться 24 апреля 1989 года.

21 апреля 1989 года товарищ Т. Х. Гдьян обратился с просьбой рассмотреть жалобу Т. Кахраманова лишь после того, как дело Чурбанова будет рассмотрено на пленуме Верховного суда СССР.

24 апреля 1989 года рассмотрение дела перенесено на 4 мая.

4 мая 1989 года Гдьян и Иванов направили телеграмму в Ленинский районный суд с просьбой рассмотреть дело в конце июня 1989 года, чтобы обсуждение не проходило в их отсутствие. Суд перенес рассмотрение дела на 16 июня.

25 июля с. г. Гдьян, Иванов и газета "Ташкентская правда" попросили в телеграмме, чтобы рассмотрение дела было отложено до окончания сессии Верховного Совета и заседаний его комитетов.

9 августа 1989 года суд решил переправить гражданское дело по месту проживания ответчиков, в Московский городской народный суд.

По этому решению истец Т. Кахраманов написал частную жалобу и рассмотрение дела было намечено на 5 сентября 1989 года в Ташкентском городском суде.

**Начальник управления юстиции
Ташкентского городского
исполнительного комитета**

Р. Х. Абдулхасанов.

Ленинский (как он тогда назывался) районный суд рассматривал дело 12 раз. Но Гдьян и Иванов ни на одном заседании не появились. Они должны были ответить за это перед законом, и я написал жалобу в ЦК КПСС, на имя Генерального прокурора СССР. 4 мая 1989

года они оба прислали телеграмму на имя районного суда: "Мы заняты депутатскими делами, поэтому не можем приехать". Прочтя это письмо, мой адвокат Плит сказал: "Кахраманов, я восхищаюсь вами, вы второй раз одолели двух нарушителей закона, которые никого не признают. Считайте, что это уже победа". Однако председатель районного народного суда, выполняя волю Сатина, не принял никакого решения в то время, как Гдляну и Иванову должны были вынести определение за то, что они не явились на заседание суда. Но поскольку председательствующая на суде Лисенко тоже была из "десантников", то она не думала о справедливости. Она приняла решение о том, чтобы передать дело для дальнейшего рассмотрения в Московский суд. Действительно, подумать только, какая несправедливость! Преступление было совершено в Узбекистане, а его рассмотрение будет проходить в Москве. Здесь была своя скрытая интрига: Кахраманов испугается Гдляна и Иванова и в Москву не поедет, а если поедет, то станет их добычей. Таким путем хотели избавиться от моей жалобы.

Но они просчитались. Несмотря на уговоры моей семьи и родственников, я поехал в Москву. Зашел на прием к председателю Московского городского суда и показал решение судьи Лисенко. Он оказался неплохим человеком. Вспомнил меня. Мы поговорили о напугавшем процессе, прошедшем в Москве. Но я почувствовал, что и он побаивается Гдляна.

— У нас нет никакого права рассматривать это дело, — сказал он, почему-то понизив голос. — Суд должен проходить там, где было совершено преступление. Мы вернем все документы в Ташкент.

Когда мы прощались, он посоветовал мне побыстрее возвращаться в Ташкент, потому что от них можно ожидать чего угодно, сказал он с тревогой в голосе.

Я написал жалобу на Ташкентский городской суд и Ленинский районный суд и зашел с ней на прием к первому заместителю Верховного суда СССР Гусеву. Он тоже признал решение Московского городского суда правильным. Пообещал, что по отношению к Лисенко будут приняты административные меры.

К сожалению, боясь двух провокаторов, и их покровителей, Верховный суд тоже не вынес никаких определений. После этого я написал жалобу на имя Генерального прокурора и в другие вышестоящие инстанции. Как говорят, обещанного три года ждут, так и я, наконец, три года спустя получил копию “протеста в порядке надзора” прокурора г. Ташкента по моему иску к редакции газеты “Ташкентская правда”, к Гдляну и Иванову о защите чести и достоинства (от 21.05.91 г. № 8/Д-15).

Согласно протесту дело было возвращено в тот же Ленинский районный суд для рассмотрения по существу. Я благодарен прокурору за его поступок. Однако все опять осталось лишь на бумаге и никаких мер не было принято судом, преступники остались без наказания.

Горжусь тем обстоятельством, что тогда, когда все боялись даже их тени, я решился подать на них в суд. С большой теплотой вспоминаю тех, кто в тяжелый для меня час остались моими единомышленниками, опорой, делали все, что было в их силах, боролись вместе со мной. Это — Т. Хаитов, Л. Лобов, О. Уринов, З. Саидаминова, Г. Яшнарова, Д. Бокиева, Х. Эштухтаров.

В начале марта 1989 года я получил срочную телеграмму из Эстонии. Она была от детей и друзей профессора Хинта. Они узнали из газет о моем оправдании и приглашали в гости в Таллинн, где Гдлян опробовал свою преступную “методу”, чтобы потом практиковать ее в масштабах всего Узбекистана. Мои близкие были против поездки в Прибалтику. Но я поехал туда, чтобы объединиться с друзьями Хинта и совместно продолжать борьбу. Меня встретили родные ученого, его друзья и последователи. Мы провели встречи на предприятиях “Дезинтегратора”, которым руководил Хинт. А между тем в местной и центральной печати появились материалы о том, что Гдлян и Иванов выдвинули свои кандидатуры в народные депутаты СССР. Значит, Москва и Ленинград поддерживали этих нарушителей закона. Мы участвовали в 10-тысячном митинге на центральной площади Таллинна, где приняли обращение в ЦК КПСС, Комитет народного контроля, Верховный суд, руководителям Москвы и Ленинграда. Оно звучало так:

Мы, ветераны войны и труда, представители трудящихся и интеллигенции, являемся сторонниками проводимой в СССР перестройки и ратуем за построение правового государства. 25 апреля 1989 года по решению пленума Верховного суда был полностью оправдан лауреат Ленинской премии, великий эстонский ученый И. А. Хинт, незаконно арестованный и осужденный преступником Гдяном. Эстонский и узбекский народы горячо поддерживали создание комиссии ЦК КПСС по проверке нарушений закона — Гдяном и Ивановым. Мы надеемся, что эта комиссия даст правильную оценку их деятельности. По их вине безвременно ушел из жизни И. А. Хинт, невинно пострадали его сподвижники И. Р. Плоом, А. И. Лик, Л. К. Петерме, а также — заместитель министра внутренних дел Узбекистана Т. Х. Кахраманов. Но справедливость восторжествовала: Т. Кахраманов был оправдан несколько раньше И. А. Хинта. Эстонский народ выражает резкий протест против того, что Т. Гдян баллотируется в народные депутаты. По вине Гдяна страдали тысячи невинных людей, члены их семей, поэтому он не может быть членом парламента. Если это случится, то это будет означать возвращение власти Ежова и Бери. Гдян должен предстать перед правосудием за все те преступления, которые он совершил против эстонского и узбекского народов. Мы требуем, чтобы наше обращение было зачитано депутатам Верховного совета СССР”.

Под обращением подписались 5000 человек.

Несмотря на то, что население Эстонии составляет всего 1,5 миллиона человек, эта маленькая страна не позволила запятнать свою честь. Из-за одного Хинта, осужденного Гдяном, не прекращались массовые демонстрации, поэтому Центр не смог до конца осуществить здесь свои карательные планы. Эстонию оставили в покое.

Вернувшись в Ташкент, я услышал, что в Узбекистане побывал “с визитом” заместитель Генерального прокурора СССР Катусев, один из “творцов” “узбекского дела”, который передал его в Верховный суд, подписывал обвинительные документы. В своих выступлениях по телевидению и в местной печати он взял под сомнение правильность оправдательного приговора в отношении

меня, грозился искоренить взяточничество и продолжать аресты. С такими угрозами он отбыл в Москву.

Через некоторое время позвонил мой защитник Л. Шапошникова и сказала, что следователи объединились с Катусевым и решили подать в Верховный суд СССР протест на мой оправдательный приговор. Они начали борьбу против председателя Верховного суда СССР Теребилова, председателя военной коллегии Марова, чтобы подорвать их авторитет.

Мое положение осложнилось. Но, что бы там ни было, я твердо решил продолжать борьбу.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Против зла надо бороться.

Примириться со злом — значит самому стать безнравственным человеком.

В. А. Сухомлинский

Вернувшись в Ташкент, первым делом отправился на прием к редактору одной из влиятельных республиканских газет, показал решение пленума Верховного суда по делу Хинта, предложил опубликовать статью, в которой были приведены факты, срывающие маску с Гдляна. Редактор уклончиво ответил, что прежде чем напечатать статью, ему нужно заручиться согласием руководства.

Выйдя из редакции, встретился лицом к лицу с Шарифом Сайдуллаевым — автором порочащей меня статьи, которая была напечатана в двух номерах газеты. Он подошел и, как ни в чем не бывало, протянул руку со словами:

— Дружище, простите, мы выполняли указание сверху! Я не стал с ним говорить и руки не подал.

Через неделю позвонил редактору, чтобы узнать судьбу предложенной мной статьи. Он сказал, что разрешения на публикацию не дали. Мне стало все ясно. “Наверху” узнали, что Гдлян и Иванов написали протест в Верховный суд, поэтому в страхе затаились.

15 мая 1989 г. прилетел в Москву. Меня встретили друзья — Л. Лобов, В. Богданов, И. Квилиди — повезли к себе. Оказывается, меня ожидали там последователи

Хинта — Х. Тяхисто, А. Лийка, Я. Кидор. Они рассказали о том, что, выступая по Ленинградскому телевидению, Гдлян и Иванов вновь ворошили “узбекское дело”, клеветали на Хинта. Они дошли до того, что стали оспаривать его полное оправдание, утверждая, что узбекская и эстонская мафии подкупили членов Верховного суда. В тот же день мы написали протест в Президиум Верховного Совета СССР на Ленинградское телевидение по этому поводу. Привожу его полностью:

“В последнее время Ленинградское телевидение предлагает телезрителям хорошие, содержательные передачи. Вместе с тем, накануне выборов депутатов в Верховный Совет СССР, а точнее, в ночь с 13 на 14 мая в 00.30 часов в программе “Телекурьер” следователь Н. Иванов позволил себе заявления о том, что полное оправдание крупного эстонского ученого, лауреата Ленинской премии Иоханнеса Александровича Хинта на пленуме Верховного Суда от 25 апреля 1989 года было не правильным. Что это, как не оскорбление Верховного суда и государства? Эту клевету Иванова мы считаем преступлением. Своим заявлением о несправедливом решении пленума Верховного суда он попирает все правосудие. Чтобы скрыть грязную личину преступника Гдляна, оклеветавшего и незаконно осудившего ученого, Иванов без зазрения совести преступно лжет и попирает закон. Это направлено на то, чтобы дезинформировать ленинградцев. Как говорят, утопающий хватается за соломинку, так и они не на шутку встревожились тем, что их преступные деяния становятся известны народу. Желая замести следы сотрудника прокуратуры Гдляна, они вынуждены были организовать эту передачу.

Тяжелобольной 60-летний Хинт по их вине вынужден был переживать физические и душевные муки. Незаконное осуждение раньше времени свели в могилу его супругу и самого Хинта. После этого под стражу были заключены их дети. В уме не укладывается, как могло такое случиться, что заслуги такого крупного ученого, удостоенного высшей награды государства, научная разработка которого давала в год до 70 миллионов, совершенно не принимались во внимание, а сам он был оклеветан и ошельмован. Через 8 лет Хинт был полностью оправдан. Благодаря изобретению и энергичным усилиям ученого в Ленинграде, Киеве, Москве, Таллинне, Одессе, На-

ходке, республиках Средней Азии было построено более 40 силикатных заводов, возведены тысячи великолепных зданий... В Ленинграде при помощи рабочих завода имени Кирова в 1957 году был сдан в эксплуатацию первый в СССР завод по производству силиката, построены четырехэтажные дома. Ведущая ни слова не сказала о заслугах выдающегося ученого. А ведь по вине именно этих следователей в течение 8 лет было потеряно более 500 миллионов рублей. Только по одному этому факту Гдяна необходимо привлечь к уголовной ответственности. Потому что никому не дано право оспаривать решения Верховного суда. Мы считаем оскорблением памяти прославленного ученого Хинта, кампанию в печати, развязанную также усилиями Гдяна, имеются в виду безответственные статьи, напечатанные в газетах "Правда", "Известия" в номерах от 28 апреля, 1 и 8 мая 1989 года, журнале "Огонек" в четвертом номере за 1988 год, девятнадцатом номере за 1989 год. Подобные статьи тоже не что иное, как попытка скрыть преступления, совершенные нарушителями закона из прокуратуры СССР, и обелить себя в глазах общественности. Весь эстонский народ и люди, хорошо знавшие ученого, прекрасно разобрались в черных помыслах Гдяна и Иванова. Надеемся получить ответ на наше письмо."

Показал друзьям жалобы, написанные от имени ветеранов войны и труда, инвалидов Андижана, Оша, Ферганы, Ташкента и Янгйюля, адресованные в ЦК КПСС, в комитет партийного контроля, в прокуратуру СССР, в редакции газет "Правда", "Известия". В них содержались требования привлечь к уголовной ответственности двух следователей за все их правонарушения в Узбекистане. В течение шести дней мы ходили по всем высшим партийным, государственным инстанциям, обращались в прокуратуру, встречались с журналистами, передавали имеющиеся у нас на руках документы. Нужно отметить, что с нами лично встречались руководители тех организаций, куда мы обращались. Итак, лед тронулся, преступления следователей стали получать огласку.

Вглядываясь в прошлое с позиций историка, могу сказать о том, что истинная интеллигенция в большинстве своем никогда не шла на сговор с карательными органами. Совесть всегда указывала им верный путь.

Не могу не сказать здесь и о подлинном, а не надуманном интернационализме интеллигенции.

Понимаю, меня могут упрекнуть: а уместно ли сейчас рассуждать об этом? Но если эти мысли были выстраданы в тюрьме, в разговорах с интеллигентами, у которых так же как и у меня, душа изболелась вечными вопросами? Тогда я понял, что сейчас именно тот самый момент, когда главенствующей становится проблема совести. Священный долг интеллигенции в том, чтобы нести людям свет истины, отстаивать общечеловеческие ценности, в тяжелые для народа дни поднимать свой голос в защиту обиженных, противостоять силам зла. Истинная интеллигенция всегда была объективна по отношению и к властям, и к оппозиции и не вела себя бездумно или конъюнктурно.

Я выражаю особую благодарность моему мужественному адвокату Л.И. Шапошниковой, Р. Медведеву, В. Илюхину, В. Ярину, Э. Мартинсону, В. Цибиной, Э. Хатагурову, Ольге Чайковской, Олегу Темушкину, А. Садри, Ю. Феофанову, которые разоблачили преступления следователей и подняли свой голос в защиту нашего народа в то время, когда вся официальная пресса была на стороне Гдляна и Иванова.

НА ПРИЕМЕ У ЛИГАЧЕВА

Всякая власть, основанная только на насилии, насилем же и свергается.

Д. Дидро

О том, что сценарий всех описываемых событий сочинялся в московских "корридорах власти" во многом под диктовку отнюдь не государственных или общественных интересов, а чисто личных соображений — не для кого не секрет. Но услышать о том, как судьбы миллионов людей ставятся в зависимость от перипетий кремлевских междуусобиц и интриг от очевидца и участника сановных "разборок", да еще столь высокого ранга, будет интересно и поучительно. Тем более, что это напрямую касается Узбекистана.

Гдлян собрал с ряда бывших руководителей Узбекистана, в частности с Усманходжаева показания против Е. К. Лигачева.

Каракозов и Гдлян требовали от Чурбанова “разоблачающих” показаний против руководителей союзного масштаба — по преимуществу выдвиженцев Е. Лигачева. Но об этом — чуть ниже.

Считаю уместным привести здесь слова самого Ю. Чурбанова:

”После допросов, проведенных с применением психологического воздействия, я только с 14 по 22 января 1987 года, то есть в первые дни после ареста, оговорил не без помощи Гдляна и Иванова свыше ста двадцати человек, большинство из которых к моему делу не имеют никакого отношения. Все это были честные и порядочные люди. Гдлян диктовал мне имена и фамилии этих людей, от которых я якобы получал деньги, и сам называл суммы взяток 10, 20, 50, 200 тысяч — сколько хотел! Все это были люди, в той или иной степени интересовавшие следствие.

Что происходило со мной, я помню очень смутно, все было, как в страшном сне: Гдлян называет какие-то имена, а я сижу в роли технического исполнителя и пишу на имя Рекункова все, что он говорит. Как-то раз Гдлян, который был сильно возбужден, бросил такую фразу: “Если бы вы не заговорили сразу, не дали бы показания, я не знаю, что бы я с вами сделал”. Гдлян обещал отправить меня в “Бутырку”, к гомосексуалистам.

Однажды на одном из допросов он еще сказал: “Будете упорствовать, мы применим к вам “драконовские меры”. Я хорошо знал, что это такое. Я хорошо знаю эту систему. Я знаю, как у нас расправляются... с людьми. И вот тут я сломался. Этот день я никогда не забуду.

В 1989—1991 годы из тюрем стали выходить на свободу посаженные Гдляном и Ивановым бывшие руководители Узбекистана. По их рассказам, следователи собирали с них компромат на Лигачева. Самое интересное, что большинство из них даже не были знакомы с Лигачевым и никогда с ним не встречались. Иванов сумел “добиться” таких показаний у председателя одного из узбекских колхозов из глубинки, который даже имени Лигачева не знал.

К сожалению, Гдляну и Иванову с этими "липовыми" фактами все же удалось "протащить" свой сценарий. Они добились того, что подорвали авторитет Лигачева и других, выставив их как фигуры застойных лет и укрепив тем самым позиции "отца перестройки".

Так вот, все это было полной чушью, выдумкой чистой воды, очередной инсинуацией. Надо было быть наивным глупцом (или иметь очень сильную заинтересованность), чтобы поверить, будто бы Лигачев, являясь одним из главных застрельщиков репрессий и массовых арестов в Узбекистане в 80-е годы, стал бы брать взятки у руководящих лиц Узбекистана. Простая логика подсказывает, что будь Лигачев хоть на малую йоту замешан в этой катавасии со взяточничеством в Узбекистане, он никогда не ратовал бы за массовые кадровые "чистки", а скорее нашел бы способ как-то смягчить, разрядить ситуацию. Тем более, находясь в непосредственной близости от руля власти, Лигачев действительно мог при необходимости повлиять на решение Кремля о развязывании карательной кампании в том или ином регионе бывшего СССР. А раз он этого не сделал, все говорит в пользу его непричастности к пресловутой пирамиде взяточдателей и взяточполучателей, построенной болным воображением Гдляна и Иванова. Несмотря на полную абсурдность и бездоказательность, газеты и журналы, радио и телевидение продолжали тиражировать гипотезы и просто измышления "борцов против организованной преступности". Перепечатки из центральных изданий стали появляться и в местной печати. Это было уже слишком, я не мог дальше сидеть сложа руки и ждать у моря погоды.

Я вылетел в Москву. Там меня встретил мой давний самаркандский друг Иван Квилиди (думаю, читателю знакомо это имя, так как впоследствии Квилиди работал председателем Союза предпринимателей России и советником Ельцина: осенью 1996 года его отравили конкуренты по бизнесу, громкое дело об этом убийстве долго не сходило со страниц центральных СМИ). Я рассказал ему о том, что Гдлян ведет целенаправленный сбор компромата на Лигачева и уже успел снять показания соответствующи-

щего содержания с некоторых руководящих работников партийно-правительственного аппарата Узбекистана.

Выслушав меня, Иван Харлампиевич посоветовал пойти на прием к Лигачеву. Это же мне советовали и другие. Так я и поступил. Как полагается, вначале обратился в приемную ЦК КПСС, написал прошение на имя Лигачева с просьбой принять меня. Но даже спустя 10 дней никакого ответа из приемной я не получил. Зато в гостинице, где я остановился, случайно столкнулся с помощником одного из ответственных замов председателя Госплана. Разговорились. И он предложил мне завтра зайти к нему, пообещал раздобыть номера телефонов помощников Лигачева.

По этим телефонам я в тот же день связался с помощником Лигачева Романовым, представился и сообщил, что хотел бы попасть на прием по очень важному и конфиденциальному делу. Роман Михайлович ответил, что в данный момент Лигачева нет на месте, он выехал в Московскую область по служебным делам и будет только после 2-х часов, и записал номер моего телефона. Я вернулся в гостиницу и стал ждать звонка. Романов позвонил через пару часов и сообщил, что отправил к подъезду гостиницы машину за мной.

В здании ЦК офицеры охраны спросили мое имя и фамилию. Тут же сразу подошел стройный, подтянутый подполковник и пригласил пройти в открытый лифт. Он проводил меня до самого кабинета Романова. Тот встретил меня радушно, предложил кофе, а сам удалился на некоторое время. Минут через десять Романов вернулся и препроводил меня в кабинет Лигачева. Интерьер кабинета второй в партийной иерархии персоны был более чем впечатляющим. Поздоровались. Пожимая мне руку, Лигачев сказал:

— Я знаю, Вы тот самый Кахраманов, оправданный по делу Чурбанова. Я в курсе событий. В том, что эти проходимцы так распоясались, мы тоже в какой-то степени виноваты.

Я задумался на минуту, потом ответил:

— Простите, Егор Кузьмич, но я должен вам кое-что сообщить. Как вы расцените мой поступок и мои слова,

Ваше дело. Я записался к вам на прием не за помощью или поддержкой. Просто как человек, испытавший все "новаторство" и "принципиальность" Гдляна и Иванова на собственной шкуре, я не мог оставаться сторонним наблюдателем.

Я рассказал обо всех унижениях и оскорблениях, выпавших на долю узбекского народа из-за преступной деятельности Гдляна и Иванова, о незаконных арестах не только самих подозреваемых, но и их родственников, близких, о незаконных конфискациях, подлогах, жестоким обращении с подследственными, принуждении к оговору вышестоящих руководителей и самооговору, и что, в конце концов, теперь они начали сбор компромата на московских деятелей, в частности, на самого Лигачева. Я представил ему некоторые письменные свидетельства творимого Гдляном и Ивановым произвола в Узбекистане, попросил остановить их, принять срочные меры, чтобы оградить от них общество.

Лигачев изменился в лице, но быстро овладел собой. Еще бы, многолетнее пребывание в коридорах власти кое-чему да учит. Потом заговорил ровным голосом:

— Они действительно перешли все границы дозволенного. Им придется ответить за свою самодеятельность головой. А Вам большое спасибо. Ко мне еще какие-нибудь вопросы будут?

Я ответил, что все сказал. Егор Кузьмич вызвал своего помощника и поручил проводить меня. Романов предупредил:

— Если у вас нет больше дел в Москве, скорее уезжайте в Ташкент. Кто знает, чего можно ожидать от Гдляна?

Теперь, спустя много лет, мне самому с трудом верится, что я прошел через все это. Думаю, редко кто по доброй воле (если он не профессиональный политик или не имеет кровную заинтересованность) станет вмешиваться в хитроумные и жестокие политические игры. В моем же случае обстоятельства сложились так, что я должен был вмешаться, что-то предпринять.

Вот некоторые даты и подробности истории с дискредитацией Лигачева. 23 октября 1988 г. Гдлян получает показания с Усманходжаева о передаче им взятки Лига-

чеву. 14 апреля 1989 г. Лигачев обращается с заявлением к Генеральному прокурору СССР с просьбой расследовать клеветнические обвинения во взяточничестве, распространяемые Гдляном. Прокурор проводит тщательное расследование на основании заявления Лигачева. Выясняется, что Гдлян в очередной раз совершенно бездоказательно и необоснованно оболгал, оговорил невинное лицо, что Лигачев ни от Усманходжаева, ни от кого-либо другого никаких взяток не получал.

Я далек от мысли идеализировать или оправдывать Лигачева в контексте трагического "узбекского" дела. Ведь он был одним из зачинщиков репрессий и массовых арестов в Узбекистане, как и другие "первые лица", и это ни для кого не секрет. Я обратился к нему в тот трудный и взрывоопасный период потому, что он имел реальную силу, власть и возможность (хотя бы для того, чтобы сохранить за собой эту самую власть и возможность влиять на обстановку в стране) остановить беспредел и беззакония, чинимые Гдляном и Ивановым.

ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА

Самые раскаленные места в аду предназначены для тех, кто во времена великих моральных испытаний хранил нейтралитет..

А. Данте

Бывший советник посольств СССР в ряде зарубежных стран **Хатам Оманов**, находясь за границей, фиксировал реакцию там на ситуацию, сложившуюся при рассмотрении "узбекского" дела:

"Я был в шоке, услышав недобрую весть об аресте Т.Х.Кахраманова. Она настигла меня далеко от дома, в советском посольстве в Бангладеш, где я тогда работал.

В начале 70-х годов Таштемир Кахраманов работал в ЦК партии, в отделе административных органов, а я в международном отделе. Мы часто встречались и работали вместе при подготовке некоторых вопросов, на приемах представителей иностранных государств, во время выборов и в служебных поездках.

Советское посольство в Дакке было довольно большим представительством. В здании посольства, кроме сотрудников МИДа, работали представители Министерства внешней торговли, Государственного комитета по экономическим связям с зарубежными странами, государственного комитета по культурным и дружественным связям с иностранными государствами. Здесь же работали корпункты телевидения, центральных изданий, ТАСС, специалисты нефтяной, газовой отраслей и геологии. В общей сложности здесь работало около 1000 советских граждан. В связи с “узбекским делом” у людей, имевших контакты с советским посольством, неожиданно возник повышенный “интерес” к моей особе как представителю Узбекистана. Если одни говорили с сочувствием, пытались подходить к вопросу объективно, другие заметно изменили свое отношение. На официальных приемах и встречах не только “наши”, советские, но и представители местных властей, дипломаты других стран обращались ко мне с различными вопросами, в основном о событиях в Узбекистане.

— Вы знакомы с Кахрамановым? Что вы думаете о нем? Ваше отношение к тому, что о нем говорится? — старались они устроить при каждом удобном случае небольшую пресс-конференцию.

Отдавая себе отчет в том, что каждое слово может быть истолковано во вред интересам нашей страны и узбекского народа, я в своих ответах подчеркивал, что это прерогатива суда — определять степень виновности человека. Исходя из решений суда мы можем оправдывать или порицать кого-то. А в глубине души, конечно же, очень тревожился. Ибо напумевшие в период культа “процессы”, трагическая участь Ф.Ходжаева, А.Икрамова, Чулпана, Фитрата, Кадыри, представителей других наций и народностей не внушала надежды на положительный исход “дела” Кахраманова.

А между тем сроки моей зарубежной командировки истекли, я вернулся в Ташкент. События здесь разворачивались с молниеносной быстротой. Над Узбекистаном нависли грозные тучи... Рашидовские кадры увольнялись с работы, вскоре большинство из них оказалось в тюрьме... Эта же участь постигла их друзей и родных. А

далее... стали вскрывать могилы родственников арестованных людей, святотатству и кощунству не было конца... Самое обидное, что в нашей среде нашлись такие, которые поддерживали действия пришельцев из Центра. Появились узбекские гдьяны, узбекские каракозовы. Если одни действовали в открытую, другие злорадствовали втайне и были озабочены тем, как бы занять освободившиеся кресла, дома, квартиры, отнятые у хозяев. В погоне за богатством они потеряли все человеческое. Такие понятия, как совесть, честь, национальная гордость, одним словом, все святое для человека не стоило и ломаного гроша.

Но что меня поразило больше всего, так это расставновка кадров. В свое время в Академии общественных наук в Москве вместе с нами учились, как тогда казалось "случайные люди" — ограниченные, невежественные... И вдруг Романовский, Огарок и другие, под стать им, оказались предводителями "десантников". Они были направлены Центром для руководства Узбекистаном.

К сожалению, местные функционеры во всем соглашались с ними и старались выслужиться. Было неприятно видеть все это. Я стал работать заместителем заведующего международным отделом. Опытных специалистов, проработавших много лет в отделе, знавших иностранные языки и хорошо разбиравшихся в вопросах международных отношений, стали увольнять с работы. На их место назначались все те же "десантники".

О москвичке Лаврушко, об истории ее приезда в Узбекистан и ее приключениях написано много. Я хочу рассказать о тех событиях, свидетелем которых я был сам. Задолго до приезда Лаврушко, по поручению второго секретаря ЦК КП Узбекистана Анищева, ей стали подыскивать жилье в центре Ташкента. Остановили свой выбор на двухкомнатной квартире в доме ЦК. Там сделали ремонт и обставили всем необходимым... Именно в это время больная жена Рашидова была изгнана из своего дома, ее имущество было выставлено на продажу.

Когда же Лаврушко приступила к работе в нашем отделе, выяснилось, что она была далека не только от сферы культуры, науки... Она работала штукатуром и маля-

ром в одном из подмосковных городов. Заочно училась в институте иностранных языков, но не знала толком даже русского. Она была в разводе с мужем. Очень скоро всем стала известна ее связь с Анищевым... Второй секретарь стал часто появляться на нашем этаже и они надолго уединялись “для беседы” в ее кабинете. Через некоторое время Лаврушко была избрана секретарем по идеологии Ташкентского городского комитета партии...

Заместитель заведующего отделом ЦК КПСС по Средней Азии, заядлый пьяница Пономарев, приезжая в Ташкент, нахваливал Лаврушко как знающего, опытного работника, так, впрочем, он отзывался обо всех “десантниках”. Для них организовали специальные семинары, собрания, с некоторых совещаний удаляли местных сотрудников, “десантникам” давали какие-то особые поручения. В повседневной жизни пришельцы показали себя только с худшей стороны. Все они были взяточниками, пьяницами, невежды и бездари.

Оправдание Кахраманова на суде было полной неожиданностью не только для Гдляна и Иванова, для направленных Центром “десантников”, но и своих местных предателей и продажных лиц. Они не предполагали, что события приобретут такой оборот. Необходимо сказать и о том, что среди “десантников” были и выходцы из узбеков. Люди, которые на протяжении долгих лет жили в Центре, они не знали ни языка, ни обычаев нашего народа. Их интересы были далеки от проблем и бед Узбекистана. Центр пользовался ими как особым “орудием”. Среди них были партийные и государственные деятели, писатели, ученые.

Помню, информация о том, что Кахраманов первым был оправдан на судебном процессе, имела широкий резонанс. Друзья радовались, враги были в растерянности. Зарубежные гости старались побольше узнать об этом, задавали вопросы, поздравляли. Гдлян и Иванов выплескивали свою злобу и раздражение в статьях, которые печатались в центральной прессе, в выступлениях по радио и телевидению. К сожалению, средства массовой информации Узбекистана занимались перепечаткой из центральной прессы клеветнических измышлений двух

преступников-следователей. А ведь они могли воспользоваться таким прекрасным поводом, как полное оправдание Кахраманова для того, чтобы поставить вопрос о тех, кто затеял “узбекское дело”, разоблачить, наконец, их покровителей. Но этого не произошло. Потому что местная печать по-прежнему выполняла волю Центра. А исполнителями были такие, как Холмурадов и другие местные приспешники.

В те дни в Ташкент приехал корреспондент газеты “Вашингтон Пост” Дэвид Ремник. Мне довелось присутствовать, когда его принимал Холмурадов. На вопрос корреспондента:

— Господин Холмурадов, что вы можете сказать об оправдании Кахраманова?

Холмурадов прикинулся непосвященным человеком:

— Я ничего не могу сказать об этом. Я с ним не знаком.

Ремник растерялся. Вопрос был исчерпан.

— Но речь не о том, знакомы вы с ним или нет. Ведь в истории советской империи произошло чрезвычайное событие. Такие понятия, как “Лубянка”, “Лефортово”, заводят на всех ужас. В истории еще никому не удавалось выходить оттуда живым. Судьба истинных сынов узбекского народа — Ф.Ходжаева, А.Икрамова, — трагически оборвалась в тех застенках. Поэтому надо радоваться тому, что Кахраманов первым вышел живым из этого ада. Это очень большое событие, настоящая сенсация! — сказал тогда Дэвид Ремник...

Видя, что Холмурадов опять ничего не может ответить, Ремник с удивлением сказал:

— Я в числе иностранных корреспондентов участвовал в процессе Чурбанова по “узбекскому” делу. Я был свидетелем того, как Кахраманов разоблачил преступления Гдляна и Иванова. Странно, весь мир знает о том, что Кахраманов первым среди узбеков был оправдан, неужели вы — узбекистанцы ничего не знаете о нем?

Холмурадов прекрасно знал об этом, но в то время такие люди, как Кахраманов, не были нужны.

Когда мы с Ремником вышли из кабинета Холмурадова, он пожал плечами. Ему, наверное, показалось стран-

ным, что узбеки такие разобщенные и недружные, что у иных представителей нашей нации вроде Холмурадова полностью отсутствует чувство национальной гордости, может поэтому Узбекистан и оказался в таком тяжелом положении. Неудивительно, что ему пришли в голову такие неутешительные мысли о нас.

Таких журналистов, которые, подобно Ремнику искренне сочувствовали народу Узбекистана, было много. В то время, когда мировая печать публиковала положительные статьи о Кахраманове ("Правда" (21 апреля 1989 года, "Известия" (2 апреля 1989), "Комсомольская правда", "Известия" (20 мая 1989), "Правда Востока", "Совет Узбекистони" (21 мая 1989), "Новое время" (№ 3 1989), "Ташкентская правда" (7 апреля 1989) в большинстве местных газет, к сожалению, печатались статьи журналистов, руководимых Холмурадовым и Зиядуллаевым, которые лили воду на мельницу Гдляна и Иванова.

ЧУРБАНОВ И "УЗБЕКСКОЕ ДЕЛО"

Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна.

Ф. Ларошфуко

В книге "1643-дня в когтях у дьявола" мне хотелось отвести Чурбанову отдельную главу, потому что он был одной из ключевых фигур в сфабрикованном Центром "узбекском деле". Но по некоторым причинам я не смог этого сделать. Когда книга пришла к читателю, она стала в какой-то мере сенсацией, комментарии к ней появились даже в зарубежной печати. В сотнях писем, которые я получил, читатели просили, чтобы в последующих изданиях книги подробнее было рассказано о Чурбанове.

Большинство этих адресатов являлись бывшими моими коллегами и в свое время работали с Чурбановым в ЦК ВЛКСМ, знали положительные и отрицательные стороны его характера.

Как писала мировая пресса, "процесс "Чурбанова и других" еще долго будет оставаться в поле зрения общества. Его уроки поучительны не только для правоохрани-

тельных органов — этот процесс, думается, стал одним из первых пробных камней перестройки судебной системы”.

В 60-е годы я работал заведующим отделом комитета комсомола Хорезмской области, позже, когда стал заведующим отделом Центрального комитета ЛКСМ Узбекистана, мне часто приходилось ездить на комсомольские конференции в Москву, участвовать во всесоюзных походах по местам боевой, революционной и трудовой славы. Вначале Ю.М. Чурбанов был инструктором, а затем заведующим сектором отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, первыми секретарями которого в разное время были Павлов, Тяжелников, Пастухов, отраслевыми секретарями — Пуго, Камшалов, Везиров и другие. Как уже говорил выше, мне доводилось встречаться с ними и беседовать во время совещаний, фестиваля дружбы советско-монгольской молодежи и на других мероприятиях, которые проводились совместно с ЦК ВЛКСМ.

Так случилось, что на отдел, который я возглавлял, и на сектор Чурбанова была возложена задача предупреждения различного рода правонарушений среди детей и подростков, работа с дружинниками, организация вместе с милицией и учебными заведениями ночных дежурств, патрулирования улиц, шефства над детскими колониями.

Помню свои встречи с Чурбановым на мероприятиях, организованных ЦК ВЛКСМ, однако вполне возможно, что у него очень короткая память и он “забыл” о них. Мы ведь тоже не всегда обращались к инструкторам или завсекторами, а решали в основном вопросы на уровне заместителей заведующих отделами ЦК ВЛКСМ, ответственных по Узбекистану. Потом Чурбанова по путевке комсомола направили на работу в МВД СССР — помощником начальника политотдела управления мест заключения, позже — то ли в 1967, то ли 1968 году — его назначили заместителем начальника политотдела мест заключения РСФСР. После того, как он стал зятем Брежнева, женившись на Галине Леонидовне, его назначили заместителем начальника политуправления внутренних войск МВД СССР. Но эта должность, видимо, не совсем приличествовала зятю Генерального секретаря, поэтому в 1975 году Чурбанов был назначен начальником политуправле-

ния внутренних войск МВД СССР. Через год, точнее, в 1976 году, его назначили заместителем министра внутренних дел СССР по кадрам. К 1980 году он стал первым заместителем министра внутренних дел. Таким образом, за восемь лет он проделал головокружительную карьеру от подполковника до генерал-полковника.

По странной прихоти судьбы жизнь свела Чурбанова и Эргашева. Предыстория этой встречи длинная и запутанная. Самоуправство министра МВД республики Яшнарова стало беспредельным. Не сумев найти на него управу в Узбекистане, люди, пострадавшие от его произвола, в начале 1979 года написали заявление на имя Чурбанова. Среди них был и Эргашев.

По свидетельству начальника управления кадров МВД СССР, Эргашеву надоели постоянные проверки, он поехал в Москву и сказал, что не вернется в Узбекистан, потому что Яшнаров хочет сместить его с должности. Эргашев был доведен до такого состояния, что готов был пустить себе пулю в лоб.

Как уже говорилось выше, по личному поручению Чурбанова в Ташкент была направлена проверочная комиссия МВД СССР, чтобы вплотную заняться деятельностью Яшнарова. Факты, приведенные в жалобах пострадавших, полностью подтвердились, Яшнаров был отстранен от должности. Вместо него по личной рекомендации Чурбанова министром был назначен Эргашев, который стал преданным человеком Чурбанова.

В книге Ю.М. Чурбанова "Я расскажу все, как было", изданной в 1992 году, во многом правдиво рассказывается о несправедливостях, которые чинились по отношению к нему Гдляном, Ивановым и центральными властями. От был подвергнут тем же нечеловеческим пыткам, унижениям и оскорблениям, которые Гдлян и Иванов впоследствии применяли у нас в республике. В этом я убедился, когда ознакомился с томами уголовного дела.

Во всех цивилизованных странах согласно Международной конвенции особое внимание уделяется соблюдению прав человека по отношению к офицерам, оказавшимся в плену или под арестом, к этому обязывает честь мундира. Гдлян, Иванов, Каракозов, сами являясь офи-

церами, грубо нарушили кодекс офицерской чести, тем самым уронили и свою профессиональную честь. Ведь Чурбанов был не рядовым солдатом, ему государством было присвоено звание генерал-полковника. В соответствии с этим и нужно было на основании закона вести следствие по его делу. Но Гдлян и Иванову закон оказался не писан.

Вот как Ю.М. Чурбанов описывает свой арест:

"Мой арест произошел 14 января 1987 года в кабинете начальника следственной части Прокуратуры Советского Союза Германа Петровича Каракозова.

...Но только я переступил порог, как мне навстречу поднялись два молодых человека с хорошей полувоенной выправкой (я так и не узнал, кто они такие) и заявили: "Вы арестованы!" Тут же, в приемной, с меня сняли подтяжки, галстук, часы, из ботинок выдернули шнурки. Понятыми были две женщины, сотрудницы прокуратуры, как я узнал потом от следователя Миртова, да и понятно, что сотрудницы, с улицы кого попало ведь не позовешь, все-таки генерал-полковника арестовывают как-никак. Хорошо, что в этот момент я был в штатском, не в военной форме, а то могли бы, пожалуй, и погоны сорвать, хотя я еще и звания в то время не был лишен, это произошло гораздо позже.

Вот так, поддерживая штаны руками, я предстал перед светлые очи Германа Петровича Каракозова, начальника всех следователей СССР. В его кабинете уже находились Гдлян и Иванов, полковник юстиции Миртов, молодые люди, объявившие мне об аресте, и еще один человек, я его не знаю (но, может быть, он из КГБ?). Особенно меня поразил Каракозов. Сейчас это был уже не тот улыбающийся Герман Петрович Каракозов, который месяца два назад первый раз попросил меня заехать к нему в служебный кабинет. За столом сидел хмурый, довольный собой человек — довольный первой победой! Каракозов сразу показал мне ордер на арест, подписанный заместителем Генерального прокурора Сорокой, причем (надо понять состояние, в котором я находился) все это было сделано так быстро, даже мельком, что я даже не успел разглядеть стоявшую на нем дату. Впрочем, какая разница?

Я знал, что меня могут арестовать, готовятся к этому, ищут "ключики". Еще в то время, когда министром МВД СССР был Федорчук, за мной установили наружное наблюдение: внешне — никаких следов, в КГБ работают профессионалы высокого класса, но я чувствовал, что за мной следят. Накануне ареста у меня уже была очная ставка с неким Каримовым, бывшим первым секретарем Бухарского обкома, которая была деликатно обставлена, по всем правилам продуманного "пресса". Точно так же, как сейчас, мне позвонил Каракозов, я приехал к нему, в кабинете был все тот же Литвак, и вдруг вводят небритого, если не сказать грязного, незнакомого мне человека "восточного типа". Откуда он появился, из какой комнаты вышел, я даже не знаю. Бросилось в глаза, что он без галстука, очень волнуется и растерян. Каракозов спрашивает:

— Юрий Михайлович, вы узнаете этого человека?

— Нет, первый раз вижу.

— И никогда не видели?

— Нет, никогда.

— Ну как же, ведь это Каримов!

— Какой Каримов?

— А помните, вы приезжали в город Газли?..

И я вспомнил. В 1979 году (а тогда шел 1987-й), находясь в служебной командировке в Узбекистане, я прилетел в Бухару и на аэродроме выразил желание посмотреть находящийся неподалеку городок Газли, в свое время (по-моему, за три года до этого) сильно пострадавший от землетрясения. Внутренние войска МВД СССР участвовали в работах по ликвидации последствий землетрясения, так что мой интерес был вполне оправдан. (Кстати, в Газли начинается нитка газопровода Бухара-Урал, — именно Урал, где я и нахожусь в колонии усиленного режима; все-таки какая-то злая символика здесь присутствует.) И хотя этот Каримов, встретивший меня в аэропорту, сразу стал приглашать покушать и отдохнуть с дороги, я ответил, что перекусить мы всегда успеем, но сейчас надо заняться делом и посмотреть Газли.

...Забегая вперед, скажу, что через два с лишним года, когда я был уже полноправным "зэком", мне пришлось случайно встретиться с Каримовым на "этапе". Он ехал

в Ташкент по делу бывшего управляющего делами ЦК КП Узбекистана Умарова, если не ошибаюсь, а я — по делу бывшего секретаря Навоийского обкома партии Есина. Здесь, в "столыпинском" вагоне, в котором у нас перевозят заключенных, Каримов подробно рассказал мне, как его "ломали" Гдлян и Иванов, как накануне очной ставки Каракозов в компании с Гдляном и Ивановым угрозами и шантажом вынудили его дать показания против меня. Я спросил: "Почему же возникли именно десять тысяч?" Каримов ответил, что так ему сказали в следственной части Прокуратуры СССР...

...Меня арестовали. Не верил я, что арестуют, но так произошло.

Своей жене, Галине Леонидовне Брежневой, я ничего не говорил. Щадил человека. Ей и без того было очень тяжело.

Все-таки потом весь ход следствия покажет, что это была заранее спланированная акция, что решение арестовать меня принималось на самом "верху". Умирать буду, но на всю жизнь сохраню в памяти этот день, надвое разделивший мою жизнь".

Но я в корне не согласен с отдельными фактами, в книге Чурбанова. У меня есть веские основания опровергнуть их. Потому что мне достоверно известно, что у него были особые дружеские отношения с некоторыми должностными лицами Узбекистана. Поскольку он был моим непосредственным шефом по кадровым вопросам, поэтому я знаю, по какой причине он оказался причастным к "узбекскому делу".

После смерти Брежнева наведение порядка Андропов начал с МВД — решил устранить Щелокова, самый ключевой отдел — управление по кадрам — отобрал у Чурбанова и передал своему соратнику по КГБ Лежепекову. Компромат на Чурбанова КГБ стал собирать, когда он еще работал заместителем министра внутренних дел. Истории еще предстоит во всем этом разобраться. В 1983 году, еще до приезда следственной группы в Узбекистан, у Гдляна уже на руках имелся компромат на Чурбанова и Эргашева. Следствие было осведомлено о его связях с

Эргашевым. О том, что Чурбанов открыто поддерживал Эргашева, знали не только Рашидов, руководители отдела административных органов ЦК КПСС, но даже инструкторы. Об этом я неоднократно сообщал в ЦК, потому что Эргашев, надеясь на поддержку Чурбанова, нисколько не считался с руководством республики. Втайне от Рашидова он сообщал в Москву, Щелокову и Чурбанову, о внутренних делах Узбекистана. Причиной тому была его вражда с Яшнаровым и Мелкопяном. Несмотря на то, что я являлся заместителем министра по кадрам, кадровые вопросы решались им самостоятельно, потому якобы, что я вместо того, чтобы поддержать Эргашева, проводил линию Яшнарова и Мелкопяна. Это была откровенная напраслина. Но Щелоков и Чурбанов поверили. Об этом я неоднократно говорил Рашидову и заведующему административным отделом ЦК КП Узбекистана

Но Чурбанов в своей книге пишет: "Узбеки, которые сидят в этой же колонии, хорошо знали Эргашева. Они в один голос говорят, что Эргашев был человеком очень сложного характера, может в чем-то "самодуром".

Странно, что это говорит тот человек, который сделал Эргашева Эргашевым, открыто защищал его от Яшнарова и Мелкопяна, добивался присуждения ему награды.

В 1981 году, когда по приглашению Фиделя Кастро Чурбанов поехал с визитом на Кубу, то из 15 министров внутренних дел союзных республик он взял с собой только Эргашева. Это выглядело как проявление расположения Чурбанова и как предупреждение, чтобы Рашидов его не трогал, а Яшнаров и Мелкопян наконец, поняли, что его поддерживает любимый зять Брежнева.

В 1980 году в Москве прошла Олимпиада. Те, кто непосредственно занимались организацией и проведением этого мероприятия, остались в стороне, а совершенно не причастный к этому Эргашев по рекомендации Чурбанова и Щелокова получил орден. Сам же Чурбанов стал лауреатом Государственной премии СССР. В том же году Эргашев был награжден орденом Афганистана и именным оружием, опять же по рекомендации Чурбанова. Лишний раз убеждаюсь в точности узбекской поговорки: "Кто поднимает кувшин с водой — тот в нужде,

кто разбивает кувшин — всегда в цене". Теперь, когда Эргашева нет, "любимые" ученики и его покровитель Чурбанов, говорят о покойном словно о незнакомом ему человеке — "самодур".

Во время обыска, проведенного следователями в доме одного из тех "учеников", который давал оценку Эргашеву, нашли ценности на сумму более 300 000 рублей. И "ученик" без зазрения совести, чтобы скрыть свои преступления, то, что он нажил это богатство, беря взятки, всю вину свалил на покойного Эргашева. На суде он заявил, что Эргашев передал ему на хранение полученные путем взяток деньги и ценности.

У супруги покойного Эргашева, которая пришла на суд в качестве свидетеля, после этого клеветнического заявления случился сердечный приступ, и ее увезли в больницу. Хотя Эргашев был несправедлив ко мне, на суде я сказал, что слова этого "ученика" — самая грязная клевета. Если бы на самом деле это были сбережения Эргашева, то у него было более чем достаточно людей, кому он мог бы оставить их на хранение. Родни у него, можно сказать, пол-Ташкента.

Хотелось бы внести ясность и по поводу председателя суда — генерала Марова. Чурбанов выражает недовольство им. Но он не прав. Чурбанов сам виноват в том, что его приговорили к большому сроку. Он во всеуслышание заявил, что брал взятки у Худайбердыева, Есина, Умарова, Каримова. Эти заявления слышали на суде и иностранные корреспонденты. Если подходить к этому объективно, то я утверждаю, что Чурбанов не брал взяток у руководителей Узбекистана, потому что когда он приезжал в Ташкент, нам было известно, с кем он встречается и где бывает. От узбекских генералов он не получил ни рубля, потому что многие из тех, кто оговаривал себя и Чурбанова, не были удостоены чести знакомства с зятем Брежнева.

Приведу еще один отрывок из книги Чурбанова:

"...А взятки, которые они мне приписывали, рассыпались сами собой. По "кремлевско-узбекскому делу", к которому меня "пристегнули", проходили генералы Яшнаров, Норов, Норбутаев, Джамалов, Саттаров, Сабиров и полковник Бегельман — все они занимали высокие долж-

ностные посты в органах внутренних дел Узбекистана. Гдлян и Иванов были уверены, что от каждого из них я получал взятки. Скажем, Бегельман "признался", что он специально прилетел в московский аэропорт Домодедово, чтобы передать мне 200 тысяч рублей от бывшего министра внутренних дел Узбекистана Эргашева. На одном из первых же допросов Гдлян познакомил меня со складно написанными показаниями Бегельмана относительно всех подробностей этой взятки и тут же сказал, что у меня нет ни малейших шансов "отвертеться". Если бы был жив Эргашев (он покончил с собой, прекрасно понимая, что ему не избежать участи арестованных генералов), мне было бы гораздо легче. Но Эргашев мертв. Что делать? Бегельман утверждал, что, получив от него взятку, я содействовал его назначению на должность заместителя министра внутренних дел Узбекистана. Именно с этой целью он и прилетел на несколько часов в Домодедово, передал мне деньги и в этот же день улетел обратно в Ташкент. Встал вопрос: как доказать, что Бегельман врёт?

Во-первых, так: какая мне разница, кого ЦК КП Узбекистана рекомендует в качестве заместителя министра? Я бы мог выдвигать какие-то требования только в том случае, если бы я действительно знал Бегельмана, его человеческие качества и служебные достоинства. Но с Бегельманом я, слава Богу, не был знаком. Во-вторых, показания Бегельмана даже на первый взгляд были, мягко говоря, неубедительны. Кто же прилетает в Москву всего на два часа, как это может быть? Почему на два часа? Зачем мне нужно было встречаться с Бегельманом именно в аэропорту Домодедово? Там всегда люди, ясно, что это не самое удобное место для такого "интимного дела", как получение взятки.

И вот, когда я заявил суду, что никакой встречи в аэропорту не было, то председатель суда генерал Маров принял решение провести следственный эксперимент. По его поручению группа экспертов рассчитала время движения машины, время вылета самолета, на котором якобы прилетал в Москву Бегельман, — и тут стало ясно, что весь эпизод с дачей взятки в 240 тысяч рублей есть не что иное, как "липа". На прямой вопрос председателя суда Марова: "Бегельман, зачем вы врете?", сделанный в ходе открыто-

го судебного заседания, Бегельману нечего было ответить. Он опустил голову. Бегельман еще не мог сказать, что он соврал, что Гдлян и Иванов, не появлявшиеся, кстати говоря, в зале судебного заседания, приезжали по вечерам к нему в камеру (да и не только к нему!), чтобы скорректировать их поведение в суде и дать новые инструкции. Разумеется, тут же им обещались определенные льготы. Гдлян и Иванов говорили Бегельману: "Верь нам, мы сделаем так, что из зала суда ты уйдешь прямо домой". А получилось, что за ложь "про Домодедово" судья Маров, наоборот, добавил Бегельману два года и он получил не 6, а 8 лет (здесь неточность, на самом деле 9 лет. — Т.К.) и пошел "не домой", а сюда, в Нижний Тагил".

Чурбанов не вправе обижаться на председателя суда. Впервые в практике советского судопроизводства генерал Маров вел дело на основании закона. И подчинялся только закону. Это не мое частное мнение, а мнение ведущих законоведов и юристов мира. За то, что по приговору суда Чурбанову дали не расстрел — а 12 лет лишения свободы, и за полное мое оправдание, Гдлян и Иванов оклеветали Марова с ног до головы и добились того, что он был уволен с работы.

Чурбанов пишет: "А в суд я верил. Я почти не сомневался, что председатель суда Маров — человек, носящий генеральский мундир, сможет во всей этой "туфте" разобратся и... поставить на место всех лжесвидетелей.

Но уже в первый день я понял, что все играют спектакль и роли в этой пьесе написаны на самом "верху".

Или еще такая характеристика: что касается "председателя суда генерала Марова, то он мне и сегодня нравится: настоящий "служака", совершенно безропотный человек, смотрящий начальству прямо в рот и умеющий не рассуждать. Как его "запрограммировали" на этот процесс, так он вел себя".

У Чурбанова нет морального права осуждать смелого и решительного генерала. В то время, когда Гдлян и Иванов находились в зените своей славы, Маров взял на себя смелость пойти против общественного мнения и даже "верхов", о которых говорит Чурбанов, разоблачая преступные методы ведения следствия этих "борцов с мафией".

Знает ли Юрий Михайлович о той благородной миссии Марова по реабилитации жертв репрессий 30-40 годов, среди которых были Бухарин, Ф. Ходжаев, А. Икрамов, А. Петров и десятки других? Как бы Чурбанов ни пытался очернить Марова, этот человек останется и в истории, и в памяти потомков и близких жертв репрессий.

Почему же генерал-полковник Чурбанов (если он настоящий генерал) не взял на себя смелость заявить на суде о том, что стал жертвой клеветы, что никаких взяток ни у кого не брал и никому не давал? Сидел словно воды в рот набрал, а кто-то должен был за него обличать лжесвидетелей, бороться за честное имя Чурбанова и полностью его оправдывать.

В книге есть слабая попытка оправдаться:

”Я верил суду. Очень надеялся на него. Проведя бессонную ночь перед началом суда, я вообще собрался от казаться от всех своих показаний.

Почему я не сделал этого? Вот это и есть главная ошибка. Теперь жалею, конечно, надо было бы никого не слушать, никому не верить, но уж слишком много было советчиков, слишком много! Каракозов сделал так, что меня не оставляли одного. Ведь никто до сих пор не знает, что рядом даже по дороге в Мособлсуд, где — отдельно от нас — слушалось дело бывшего генерала Саттарова, меня постоянно сопровождал полковник Миртов. Он не отходил от меня ни на минуту. Более того, вопреки всем юридическим нормам, Миртов садился со мной рядом на скамью подсудимых, сидел просто бок о бок и если бы я, допустим стал говорить в суде что-то не то, он мог бы тут же что угодно сделать со мной, нейтрализовать меня с помощью каких угодно средств. А угодливый суд тут же прервал бы заседание и объявил бы перерыв на час, день, неделю — как угодно!

Когда судили Каримова, а это уже был Верховный суд СССР, тот же Миртов сидел за моей спиной и дышал мне в затылок. Что же касается Каракозова, то он своей рукой написал мое выступление в зале суда, а рано утром перед отъездом мы с Миртовым еще раз, уже на два голоса, прошлись по тексту этого моего выступления. То есть он диктовал, а я покорно писал. Что же

оставалось делать? Каракозов говорил: "Каримову конец, высшая мера обеспечена, нужно думать о себе. Весь "мой" текст был в пометках Каракозова, он все время делал какие-то "вставки"; жаль, что я не сохранил все эти бумаги, любопытный был бы документ.

Я все-таки верил следователям, людям вообще надо верить, иначе человек в конечном счете станет опустошенным. Если бы с самого начала я имел собственную линию поведения, сразу не растерялся бы, а занял определенные и конкретные позиции, то я бы, конечно, поступил тогда иначе. Но моя растерянность и тот "пресс", под которым я находился, были слишком велики. В итоге я был вынужден признать взятки на сумму 90 тысяч рублей от Каримова, Худайбердыева, Умарова и Есина. Я не боялся публично вступить в борьбу с руководством правоохранительных органов Узбекистана, потому что они шли на свой последний суд. Но вот руководители партийных и советских органов выступили на моем суде в качестве свидетелей, их дела еще не были закончены, за ними стояли Гдлян и Иванов, вся следственная часть Прокуратуры СССР. Они просто боялись. И понять каждого из них в той ситуации можно. В той ситуации они не могли дать честных показаний. И я тоже боялся..."

Наряду с Маровым Чурбанов дает несправедливую оценку и своему адвокату А. Макарову. Он пишет, что А. Макаров не оказал ему никакой помощи. Я считаю это заявление Чурбанова недостойным. Макаров приложил все усилия, использовал все возможности для того, чтобы облегчить участь своего подзащитного. На суде Макаров так переволновался, что у него подскочило давление и его увезла "скорая". Когда государственный обвинитель Сбоев "запросил" Чурбанову 15 лет срока и 5 лет ссылки, усилиями Макарова удалось уменьшить этот срок на 8 лет. За все это Чурбанов должен благодарить адвоката Макарова и председателя суда Марова.

Да, теперь, чтобы оправдать себя, Чурбанов может сказать все, что угодно.

На суде я попросил слова у председательствующего и сказал, что Худайбердиев, Есин и Умаров — честные

люди, они боялись Гдляна и Иванова и поэтому оговорили себя и Чурбанова.

В доказательство привожу выдержку из стенограммы Верховного Суда.

ЕСИН В. П.: 21 октября 1982 года из Ташкента Чурбанов приехал в г. Навои. Там я просил Чурбанова, чтобы он помог нам в ускорении жилищного строительства для нужд работников внутренних дел области. Перед отъездом Ю.М. Чурбанова я ему дал для ускорения строительства 30 тысяч рублей, а также золотошвейный халат и тюбетейку стоимостью 960 рублей.

Председательствующий МАРОВ: Вы подтверждаете слова Есина гражданин Чурбанов?

ЧУРБАНОВ Ю.М.: Я подтверждаю слова Есина.

В этот момент я обратился к судье, чтобы он дал мне слово.

КАХРАМАНОВ Т. Х.: Гражданин судья! Есин, боясь Гдляна, оговаривает не только себя, но и других. Чурбанов тоже оговаривает себя и Есина. Я знаю Есина давно, он порядочный и честный человек. Придет время, когда он, Чурбанов и другие будут раскаиваться в своих показаниях, но тогда уже будет поздно.

МАРОВ: Гражданин Есин, у Вас есть вопросы к гражданину Кахраманову?

ЕСИН: Я действительно давал взятку Чурбанову.

ЧУРБАНОВ: Есин прав.

Я не выдержал и даже не спросив разрешения у судьи, обратился к ним опять:

— Василий Павлович, Юрий Михайлович, вы оба врете. Время придет и вам обоим будет стыдно за оговор себя и за неискренность в Верховном Суде.

После показаний на суде Есин прошел мимо нас в сопровождении конвоя. Он посмотрел на меня и сказал: “Извини, Кахраманов”. Я тоже посмотрел ему в глаза и повторил: “Ты, Василий Павлович, врал суду и себе”.

Теперь привожу слова первого секретаря Бухарского обкома партии А. Каримова на очной ставке с Чурбановым и Норовым.

КАРИМОВ: “В октябре 1979 года, будучи в служебной командировке в Узбекской ССР, т. Чурбанов прове-

рял работу местных партийных и советских органов Бухарской области по ликвидации последствий землетрясения в городе Газли. При осмотре Газли Чурбанов указал на недостатки в снабжении населения города продуктами первой необходимости. Я испугался замечаний Чурбанова. От него всего можно было ожидать, так как он был любимым зятем генерального секретаря Л. И. Брежнева. Поэтому 24 октября 1979 года я вручил Чурбанову взятку в сумме 10 тысяч рублей.

Кроме того, в ноябре 1981 года начальник УВД Бухарской области М. С. Норов вручил мне взятку 15 тысяч рублей. Также Норов в мае 1980 года в городе Бухаре давал мне взятки — 15 тысяч рублей и 50 золотых монет стоимостью 3000 рублей, а также золотошвейный халат стоимостью 1500 рублей. Таким образом, Норов вручил мне две взятки на общую сумму 40500 рублей”.

Я и здесь постарался доказать, что первый секретарь обкома, Норов и Чурбанов беспардонно оговаривают друг друга. Норова я знал, как осторожного и честного человека. Это не только мое мнение, но мнение многих других. То, что он давал крупную сумму как взятку и 50 золотых монет — совершенная неправда. Он в жизни не видел таких “мифических” монет. Но страх перед следователями-сидистами заставил его врать даже здесь, в высшей судебной инстанции.

Не успел я закончить свое выступление, как обвинитель Сбоев обратился к Суду:

Гражданин Судья! Я бы просил, чтобы гражданин Кахраманов, сидящий на скамье подсудимых, не занимался “адвокатской деятельностью” в пользу других подсудимых, а отвечал бы за совершенные им самим преступления. Я прошу Вас больше не давать ему слова.

КАХРАМАНОВ: Гражданин обвинитель! Вы ущемляете не только мои права, но права и других, сидящих на скамье подсудимых. Я говорю вам правду, а вы стараетесь обвинить меня в преступлении, которое выдуманно вами и другими нарушителями законности. Вы и Гдиян хотите сделать из меня преступника. Преступник я или

нет, может установить только суд. Кто называет меня преступником, сами и есть преступники.

Придет время, когда Вы, гражданин обвинитель, а также преступники Гдлян и Иванов, будете держать ответ передо мной и другими невинно осужденными.

СБОЕВ: Если Вы не преступник, почему же Вас содержали под стражей 4 года?

КАХРАМАНОВ: Вот теперь вы задали мне правильный вопрос. Я в своем выступлении уже говорил об этом. Меня посадили ваши друзья, собравшие клеветнические документы от оговорщиков и провокаторов. Подобные методы вы применили и к сотням других узбеков, вроде меня, и всех их посадили. Будущее еще расставит все на свои места и даст справедливую оценку этим событиям. Честно говоря, я в тысячу раз чище вас, Гдляна и Иванова, гражданин обвинитель.

Перебив меня на полуслове, обвинитель обратился к Суду.

СБОЕВ: Гражданин Судья! Я требую от вас, чтобы вы лишили слова гражданина Кахраманова. Иначе я напишу протест в Верховный Суд в отношении Вас.

СУДЬЯ: Гражданин Кахраманов выступал правильно. Только суд может установить, преступники или нет те люди, которые сидят на скамье подсудимых. В каждом обвинительном заключении написано, что обвиняемые вами люди имеют право выступить и защищаться на суде. Не выходя за рамки дозволенного, они могут говорить о фактах, записанных в их деле.

Потом судья строго взглянул на меня и сказал:

СУДЬЯ: Гражданин Кахраманов, если вы еще раз позволите грубость по отношению к обвинителю Сбоеву или будете самовольно выступать, я вынужден буду удалить вас из зала суда.

Я извинился перед судьей Маровым и сел на место.

Некто, оказавшийся рядом со мной стал читать мне нравоучения: "Тоштемир Худайбердиевич, зачем вы портите отношения с судом, ругаетесь с обвинителем, назначенным Генеральным прокурором?"

Я ответил ему так: "Чем давать мне советы, отвечай за свои грехи. Ты клеветнешь не только на живых, но и

на тех, кого нет среди нас. Думаешь, чем больше будешь клеветать, тем меньший срок получишь? Из-за вашего предательства пятно легло на всех узбеков”.

Этот “советчик” получил срок — 9 лет лишения свободы.

После суда, оправдавшего меня, я вернулся в Ташкент и однажды получил из тюрьмы такое письмо:

“Уважаемый Тоштемир Худайбердиевич! Простите меня. Ваше оправдание вселило надежду на то, что и наши дела будут пересмотрены.

Теперь ваши обращения в высшие инстанции будут иметь силу, потому что вы были оправданы первым среди узбеков. Мы все нуждаемся в вашей помощи.

С уважением....”

Во время судебного процесса я продолжал защищать людей, оказавшихся на скамье подсудимых. Несколько раз я просил слова, чтобы выступить в защиту даже тех людей, которые меня оклеветали. У меня есть свидетели этого.

Судебный процесс длился 4 месяца, за это время ни один из сидящих на скамье подсудимых или свидетелей кроме Яшнарова и меня не сказал ни одного слова против Гдяна и Иванова. Этот факт отмечен и в таком беспристрастном, а потому объективном документе того времени, каким является стенограмма суда.

Нужно признать честно, прибывшие на суд в качестве свидетелей Тўра Хайтов, Олимжон Урунов, Дустов говорили о гнусных методах Гдяна и Иванова. Думаю, что народ должен об этом знать.

Есть поговорка: после победы возрастает число “героев”. Так и в нашей истории. После того, как Гдяна и Иванов были отстранены от работы и против них возбуждено уголовное дело, через 6 месяцев после моего оправдания, из Москвы приехал Илюхин, в Ташкенте его встретили десятки “смельчаков”, которые теперь уже не боясь следователей, говорили об их преступлениях. А как только Президент Узбекистана поставил точку в “узбекском” и “хлопковом” делах, появились и такие “герои”, которые ругали Гдяна и Иванова и даже плевали им в лицо. Но где эти смельчаки были раньше — неизвестно!

После перерыва мой адвокат Шапошникова подошла ко мне и сказала:

— Дорогой Таштемир, пусть они сами себя защищают, пусть сами расхлебывают кашу, которую заварили. Если вы и я за всех будем бороться, то нам не хватит сил. Никто вам за это спасибо не скажет.

Она была права, никто нам за это “спасибо” не сказал. Даже некоторые подсудимые для того, чтобы получать меньшие сроки, поддерживали следователей, оговорили меня и других, оправдываясь, что их на преступления якобы толкало начальство. Но я горжусь, что на суде до конца боролся за справедливость, за жизнь, за закон.

Чурбанов тоже виновен в возникновении фальсификации, получившей название “узбекского дела”. Оказывая Эргашеву всестороннюю поддержку, он фактически взял его под свою защиту.

Пытаясь укрепить его позиции, Чурбанов дал распоряжение о смене руководящих кадров всех областных УВД Узбекистана, а также таких опытных генералов как Ш. Хасанбоев, А. Мухаммадиев, Я. Норбеков и других. Хотя руководство республики старалось противостоять кадровой политике, проводимой Чурбановым, все же такие профессионалы как А. Ашуров, М. Алимов, А. Матлюбов, Ш. Матьякубов, Г. Зокиров и другие были уволены с работы по личному указанию Чурбанова.

Репрессиям подвергались также молодые, перспективные кадры системы.

В результате жестокого отбора кандидатов на учебу в Академию МВД СССР, был направлен в г. Москву бывший начальник уголовного розыска Киргулийского района Ферганской области Аваз Рахимов, который в 1982 году успешно окончил первый курс.

В это время на имя Брежнева поступила анонимка, что А. Рахимов является родственником бывшего руководителя Ферганской области, Героя труда, депутата Верховного Совета Союза Фазлетдина Шамсутдинова.

Брежнев лично ознакомился с анонимкой и поручил, чтобы Чурбанов сам разобрался с этой жалобой, так как речь шла об уважаемом в Узбекистане человеке, имевшем огромные заслуги в становлении ирригационного хозяйст—

ва и хлопководства. Стоит сказать, что его именем ныне названы каналы, улицы и школы, а также хозяйства в Ферганской, Хорезмской и Сурхандарьинской областях.

Не пытаясь вникнуть в суть дела, Чурбанов хотел сломить в лице Ф. Шамсутдинова многих других руководителей страны. По этой причине, не дожидаясь результатов проверки анонимного письма, Чурбанов распорядился об исключении Рахимова из Академии МВД СССР и увольнении его из системы правоохранительных органов.

Родственная близость оказалась удобным аргументом для демонстрации якобы существовавшей протекции слушателю Академии со стороны бывшего депутата Верховного Совета СССР, хотя Рахимов, проявив профессиональные качества, и добросовестное отношение к служебным обязанностям, по рекомендации УВД и МВД был направлен на учебу в Москву как один из перспективных работников.

Желая внести ясность в происходящее, Ф. Шамсутдинов обратился к Ш. Р. Рашидову. Ш. Р. Рашидов поручил министру Эргашеву переговорить с руководством союзного МВД. Эргашев подробно информировал министра внутренних дел Союза Н. А. Щёлокова о несправедливости решения Управления кадров МВД СССР.

Руководство Управления кадров ответило: "нам неудобно отменить решение Чурбанова, во-вторых, Юрий Михайлович половинчатых решений не любит".

В течение 8 лет Рахимов безуспешно обивал пороги многих вышестоящих инстанций. Информация о его увольнении по поручению Чурбанова, власть которого достигла своего апогея, заранее обрекала все хлопоты на неудачу.

И только после отстранения Чурбанова от занимаемой должности и возбуждении уголовного дела на него, в судьбе Рахимова произошли изменения. Он был восстановлен в системе МВД.

Однако восьмилетнее испытание, поток оскорблений и унижений разрушили его семью, значительно подорвали здоровье.

А ведь таких фактов было много.

В 1981 году на таможне произошел инцидент между работниками милиции и сотрудниками таможни. Главы

двух силовых ведомств — Андропов и Щелоков — обратились с жалобами друг на друга к Генеральному секретарю. Брежнев поручил Черненко разобраться в этом деле. Конфликт был разрешен в пользу Щелокова-Чурбанова. Чтобы избавиться от Чурбанова, решили пойти самым коротким путем — через дискредитацию его самого верного соратника Эргашева. Но, как мы говорили выше, Эргашев предпочел сам свести счеты с жизнью. Узбекистан оказался самым подходящим регионом, где можно было разыграть чурбановскую "карту". В 1983—1985 гг. в центре и Узбекистане было довольно много противников Чурбанова. После смерти Рашидова и Брежнева в компетентные органы стали поступать жалобы о том, что Эргашев давал взятки своим влиятельным покровителям — Щелокову и Чурбанову. Авторы этих жалоб в какой-то мере явились соавторами творцов "узбекского дела". Короче говоря, расхожая версия причины ареста Чурбанова состоит в том, что он защищал Эргашева. На самом деле эпизод с Эргашевым не столь решающий. Чурбанов, надеясь на Брежнева, играл с огнем, не считался с "государством в государстве", а именно с КГБ, своей самонадеянностью провоцировал конфликты. По этой причине Чурбанов и оказался ключевой фигурой в "узбекском деле".

Размышляя о судьбе Чурбанова, я удивился такому странному совпадению. Юрий Михайлович не производит впечатление злодея, но почему-то люди, которые оказывались рядом с ним или вставали у него на пути на должностной лестнице, заканчивали свою жизнь трагически. Покончили жизнь самоубийством его шеф — Щелоков, его верный соратник Эргашев, а также Виктор Семенович Попутин, речь о котором впереди. Чурбанов дает ему резко отрицательную оценку. Но говорили, что покровители Чурбанова хотели видеть его первым замом (место, которое занимал Попутин), а потом поднять "родного человека" еще выше.

Зимой 1979 года, когда были введены войска в Афганистан, Попутин находился там. Обстановка была очень напряженная. Видимо Попутин не сумел разобраться в ней правильно или может, дал ей несколько иную оцен-

ку, чем разведка и другие информационные каналы. Как бы то ни было, Попутин стал "козлом отпущения", когда выяснились факты о контактах Хафизуллы Амина с американской разведкой. Под предлогом Попутин хотел снять, а метившего на самые высокие посты Чурбанова — назначить на эту должность. По слухам, об этом поговаривали Суслов и заведующий административным отделом ЦК Савинкин. В ситуации чреватой большими для него осложнениями Попутин покончил с собой. Чурбанов занял должность первого заместителя министра МВД СССР.

Осенью 1979 года, когда я ездил на собеседование в Москву, то имел возможность лично убедиться в образованности и широте кругозора Попутин. И это не только мое мнение, я высказываю точку зрения и других людей, хорошо знавших его.

Зимой 1979 года нам вместе с министром Эргашевым руководством республики было поручено встретить Попутин в Ташкенте перед его отъездом в Кабул, а потом по возвращении оттуда. Он был совершенно здоровым человеком, пребывал в бодром расположении духа. Именно от него мы и слышали о ситуации в Афганистане, о том, что группировка, оказавшаяся у власти, сотрудничала с американцами. Я не разделяю мнения Чурбанова о том, что Попутин был спившимся человеком. Во время двух наших встреч на обедах Попутин не пил спиртного, оставил о себе впечатление интеллигентного, уравновешенного человека.

Считаю, что Юрий Михайлович не имеет права обсуждать, пил или не пил Попутин, поскольку нам известно, как "расслаблялся" он сам, когда приезжал в Ташкент. Есть в этом еще и нарушение этических норм: он осуждает человека, который уже не может за себя постоять.

По личной инициативе Ю.Чурбанова был освобожден от занимаемой должности известный ученый, начальник Академии МВД генерал Б.С.Крылов. Не выдержав произвола, он застрелился. В своем посмертном письме он написал, что стал жертвой несправедливости.

По прошествии времени справедливость восторжествовала. О Крылове писали в газетах, организовывали пере-

дачи по телевидению. Недавно в Москве издана книга об этой незаурядной личности.

А та клевета и оговор, которым подверг в своей книге Б.С.Крылова Чурбанов пусть останутся на совести автора.

В этом деле еще не поставлена точка, истории предстоит разобраться...

Решение о судьбе Чурбанова по представлению союзной Прокуратуры принимало Политбюро, а его исполнение было возложено на Гдляна и Иванова.

Вот как это происходило по словам Ю.М. Чурбанова:

"Когда мне в Лефортово стало худо, когда по намекам Гдляна, Иванова и полковника Миртова я понял, что со мной расправятся и для этого, как говорится, все готово, когда уже не было никаких сомнений, что "кремлевско-узбекское дело" превращено Гдляном и Иваном в грандиозный политический спектакль, я не выдержал, и, выбрав удобный момент, обратился с устной просьбой к начальнику изолятора (такие просьбы на бумаге не фиксируются) о встрече с шефом госбезопасности. Я сказал начальнику: "По личному вопросу". Странно, наверное, но моя просьба была исполнена.

Меня вызвали через несколько дней, вид у сопровождающих прапорщиков был перепуганный, кажется, я и руки за спиной не держал, они за мной не следили, им было не до того. Мне посоветовали получше одеться, я эти рекомендации выполнил как мог, и вот когда я вошел в кабинет начальника следственного изолятора, за его столом сидел Чебриков. Мы за руку поздоровались, он представил мне второго человека, который был с ним, сказал, что это его помощник по Политбюро. Была и такая должность. Началась беседа. Чебриков поинтересовался, нет ли с моей стороны жалоб на содержание или питание, их не оказалось, хотя на питание в Лефортове (да и в других изоляторах КГБ) полагается 47 копеек в сутки — каша и супы, вот и все питание. Больным людям, сердечникам и язвенникам, иногда дают немного масла и отварного мяса, а все остальное, то есть конкретно: печенье, белый хлеб, какие-то самые банальные продукты, а также сигареты и мыло можно приобретать в тюремном магазине на 10 рублей в месяц, не больше.

Мне запретили получать передачи из дома. (Гдлян говорил, что какие-то партийные функционеры, особенно узбеки, хотели меня отравить). Но Чебрикову я не жаловался. Я сразу спросил его о другом: "Виктор Михайлович, вы меня знаете, я вас знаю, скажите честно — кому и зачем понадобился весь этот спектакль? Что происходит?" Чебриков спокойно, глядя мне в глаза, ответил: "Юрий Михайлович, ваш арест обсуждался на Политбюро". И так довольно выразительно на меня посмотрел. Тут я все понял. Это Политбюро, а не Прокуратура СССР, решало, быть мне заключенным или не быть. Если мне не изменяет память, Чебриков сказал, что среди членов Политбюро даже было голосование по этому вопросу.

Вот когда я сломался. Стало ясно, что любое сопротивление не имеет смысла, ибо мой арест — это заранее спланированная политическая акция и что судить, собственно говоря, собираются не меня. Я оказался прав. Это был суд над Леонидом Ильичем Брежневым (а также Рашидовым и узбеками. — Т.К.). Так подтверждалась "перестройка".

Я думал, что обойдусь в своей книге одним разделом о Чурбанове, но события приняли неожиданный оборот.

Похоже, Юрий Михайлович решил заработать "капитал" на своем прошлом, вернуться на политическую арену, разыграв козырную "узбекскую карту" в своих амбициозных целях. Тогда и появилась следующая глава.

В ЧЬИХ ИНТЕРЕСАХ РЕАБИЛИТАЦИЯ ЧУРБАНОВА

25 апреля 2000 года по каналу НТВ российского телевидения была показана передача, посвященная "чурбановскому" процессу. Не знаю, была ли это попытка реабилитации Чурбанова в общественном мнении, но думаю, что авторы передачи достигли поставленной перед собой цели. Однако я должен отметить, что они не сумели разъяснить причины столь сурового приговора, вынесенного Чурбанову.

Дело в том, что Юрий Михайлович сам виноват в том, что был приговорен к 12 годам лишения свободы. Он во всеуслышание заявил, что брал взятки у руководящих ра-

ботников Узбекистана. Ведущие мировые агентства и радиокomпании зафиксировали для истории этот факт.

Когда предпринимается попытка восстановить справедливость, оправдать кого-то, это можно только приветствовать. Верховный суд исключил все эпизоды, связанные с дачей и получением взяток от руководителей МВД Узбекистана.

К примеру, такой эпизод. В октябре 1982 года Чурбанов приехал в Ташкент. По версии Гдияна и Иванова, 5 начальников областных управлений внутренних дел республики (оказавшихся затем на скамье подсудимых) якобы заходили в кабинет министра Эргашева и "вкладывали" в карманы кителя Чурбанова, висевшего на вешалке, взятки в сумме от 20 до 40 тысяч рублей. Чурбанов говорил им "спасибо", и милицейские начальники покидали кабинет.

Я попросил на суде слово и опроверг эти показания, сказав, что в таком случае Чурбанову пришлось бы надеть мешок, а не китель, что это ложь. Мой довод и доводы пострадавшего были признаны обоснованными, и эти эпизоды были исключены.

Также я опротестовал факт получения взятки от бывшего первого секретаря Ташкентского обкома партии М.М. Мусаханова, который якобы имел место, когда Чурбанов побывал в сауне гостиницы МВД Узбекистана, где ему вручили 10 тысяч рублей. Мусаханов не был в сауне. Можно припомнить и другие эпизоды, но сейчас мне хотелось бы вернуться к передаче НТВ.

Я был крайне удивлен тем обстоятельством, что Маров, вынесший мне одному-единственному в "узбекско-чурбановском" процессе оправдательный приговор, вдруг заявил, что я на суде признал факт дачи взятки Чурбанову. И это сказал тот мужественный, смелый генерал, который в свое время принял на себя огонь критики и жесточайшие выпады Гдияна и Иванова?! И удивлен не только я один, но и многие другие, досконально изучившие материалы процесса.

На другой день — 26 апреля — передача была показана повторно. Я созвонился с человеком, который занимает ответственную должность в сфере юстиции в Москве. Мой собеседник тоже выразил свое удивление,

не узнав в Марове того благородного, храброго генерала, и добавил: "Правда, Марову уже исполнилось 75 лет. Вполне возможно, что он из-за старческого склероза перепутал тебя с кем-то другим? Не стоит на него обижаться. Самое главное, что ты был оправдан судом. Об этом знаем не только мы, но и вся мировая общественность".

И он прав. Если хотя бы один эпизод, связанный со мной, был доказан, или я признался, мне бы без всякого сомнения вынесли обвинительный приговор.

У меня есть неоспоримые доказательства, чтобы вновь противостоять возводимой на меня клевете.

Отрывок из статьи "Обвинение", напечатанной в "Комсомольской правде" 10 сентября 1988 года, говорит сам за себя:

"Председательствующий на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции М.А. Маров в соответствии с законом задает подсудимым традиционные вопросы:

— Обвинение понятно! Признаете ли вы себя виновным?

П.Б.Бегельман полностью признал себя виновным в получении и дачи взятки. Т.Кахраманов, Х.Х.Яшнаров обвинение полностью отвергли. Ю.М. Чурбанов признал свою вину в злоупотреблении служебным положением, С.З.Собиров, Д.Д.Жамолов, Х. Норбутаев, Я. Мухамаджанов, М.С. Норов признали свою вину в предъявленном обвинении частично".

В передаче было сказано: за то, что Маров дал Чурбанову 12 лет, генерал-майор был снят с должности исполняющего обязанности председателя Военной коллегии.

Это тоже не соответствует истине. Когда Чурбанову вынесли приговор, то сторонники Гдляна действительно устроили в прессе травлю Марова. Но сняли его с работы не из-за Чурбанова, а за то, что он оправдал меня и отправил дело Яшнарова на доследование.

Чтобы стало ясно читателю, за что Чурбанову дали 12 лет, привожу выдержку из приговора:

"Судебным следствием Военная коллегия Верховного Суда установила:

24 октября 1979 г. Чурбанов получил от бывшего первого секретаря Бухарской области А.К. Каримова взятку в сумме 10 тысяч рублей. В октябре 1982 г. В г. Ташкенте он получил от бывшего Председателя Совета Министров Узбекской ССР Н.Д.Худайбердиева 50 тысяч рублей.

21 октября 1981 г. от бывшего первого секретаря Навоийского обкома КП Уз В.П. Есина — 30 тысяч рублей, а также золотошвейный халат и тюбетейку стоимостью 960 рублей.

Всего он получил в общей сумме 90 960 рублей.

В конце 1980 г. по распоряжению Чурбанова на его личной даче в поселке Жуковка Московской области силами УИР-37 за государственный счет был построен погреб общей стоимостью 10 702 рубля.

Строительство этого погреба с ведома Чурбанова незаконно оплачено хозяйственным управлением МВД СССР.

Также за государственный счет было постелено 25,2 кв. м. ковролита общей стоимостью 1134 рубля. В августе 1980 г. указанный ковролит был незаконно списан по фиктивному акту.

В ноябре 1980 г. в день рождения бывшему министру внутренних дел Н.А.Щелокову были вручены золотые часы с цепью швейцарского производства общей стоимостью 4 000 рублей.

В 80-е годы было много разговоров об этом царском подарке. По рассказам очевидцев оперативные работники МВД взяли с поличным мультимиллионера той поры, некоего антиквара, его фамилия была то ли Иванов, то ли Бобров. Во время обыска из подвала его дома были извлечены редчайшие антикварные произведения искусства. Достаточно сказать, что там были иконы кисти великого художника Андрея Рублева, несколько редких икон 18-19 веков. Оценить их в какой-то сумме невозможно, они бесценны.

Когда Николай Анисимович осматривал эту коллекцию, ему очень понравились золотые часы с браслетом. Что решило судьбу изъятой ценности. Часы не были переданы государству.

Чурбанов был занят хлопотами по поводу предстоящего 70-летия Н.А. Щелокова. Руководство министерства ломало голову, что бы подарить такое памятное своему шефу. Тут вспомнили о часах. Чурбанов поддержал идею, но предстояло решить, как выкрутиться из этой щекотливой ситуации.

Поскольку у часов не было паспорта, то в министерство был вызван директор одного из комиссионных ювелирных магазинов. Ему напомнили, что за ним водятся кое-какие грешки, чтобы его не трогали, он должен оказать небольшую услугу. Директор выписал квитанцию, что часы были приобретены в магазине, и приложили оплаченный чек. А спустя некоторое время Чурбанов подписал приказ о списании этой суммы. В документе означено, что часы были вручены в качестве подарка одному из руководителей братских государств. Руководство МВД, призванное защищать закон, само совершило преступление.

Следствие тоже интересовалось этим вопросом.

В конце передачи НТВ сознательно сместило акценты. Ведущая сказала такую фразу: "Суд полностью оправдал Кахраманова, дело Яшнарова было возвращено на доследование, а Чурбанов приговорен к 12 годам лишения свободы". Устроители передачи сделали из Чурбанова жертву. Человеческая психология такова, что люди жалеют "невинно" пострадавших. Журналистка ни словом не обмолвилась о том, что оправданный Кахраманов в Верховном Суде в течение четырех месяцев отрицал обвинения в свой адрес, боролся как мог с клеветой. Это факт вынуждены были признать и его оппоненты. В книге "Кремлевское дело" Гдлян и Иванов пишут, что "Кахраманов в течение четырех месяцев изобличал "коварных следователей".

А Чурбанов в свое время, точнее на следствии, беспрекословно выполнял волю следователей, на суде признал свою вину, но как только было возбуждено уголовное дело на Гдляна и Иванова, тут же появилась книга Чурбанова. После того, как Гдлян и Иванов перестали быть депутатами Думы, организовывается передача по НТВ, где Чурбанов предстает жертвой. Ни о какой жертве не может быть и речи.

Вновь повторяю: Чурбанов сам виноват. Но не оспариваю его права оправдаться перед народом, потому что он, испугавшись давления Гдляна, оговорил себя и других. Работники МВД Узбекистана, осужденные на “чурбановском” процессе, принесли Чурбанову свои извинения. Теперь черед Юрия Михайловича проявить великодушие и извиниться перед теми людьми, которых он оговорил и которые пострадали по его вине. А таких людей было немало. Непонятно, с какой целью Юрий Михайлович затеял “пересмотр” своего прошлого. Однако из истории мы знаем, как в одночасье люди наживали политический капитал и вновь становились важными фигурами. Фортуна — дама капризная, не знаешь, чего от нее ожидать. Однажды, в его далекой молодости, она ему уже улыбнулась...

Россия и Узбекистан строят правовые государства, основу политики которых заложено невмешательство в внешнюю и внутреннюю политику соседних стран.

Средства массовой информации Узбекистана целиком следуют этим принципам.

Хотелось бы, чтобы российские средства массовой информации тоже считались с честью и достоинством других народов. Это способствовало бы укреплению дружбы между нашими народами.

Заканчивая раздел о Чурбанове, могу сказать, что, хотя он так же, как и Эргашев, был несправедлив ко мне, я считаю его пострадавшим от произвола следователей и искренне сочувствую всему, что выпало на его долю.

СЪЕЗД РАЗОБЛАЧЕНИЙ

У мудреца спросили: какое здание
никогда не разрушится?

— Здание справедливости, — ответил он.

Восточная мудрость

20 мая 1989 г. Около 8 часов утра с радостным возгласом: “Победа!” мой друг Леонид Лобов вручил мне свежие выпуски “Правды”, “Известий” и еще целый

ворох других газет. Во многих из них на первых полосах, в других — на развороте крупным заголовком “В Президиуме Верховного Совета СССР” был напечатан огромный материал за подписью группы народных депутатов СССР и известных ученых-правоведов Калмыкова Ю.Х., Керимова Д.А., Кудрявцева В.Н., Семенко В.И. и др. — всего 11 подписей. В статье, невзирая на лица и обстоятельства, изобличались преступные деяния Гдляна и Иванова, приводились неопровержимые доказательства и факты, подтверждающие систематические нарушения соцзаконности возглавляемой ими следственной группой, там же было написано о первом оправдательном приговоре, вынесенном по данному делу, то есть обо мне.

Обратимся к первоисточнику:

“Осужденный Р. Шамшиев в своем объяснении Прокуратуре СССР пояснил, что за два дня до начала процесса по делу Чурбанова и других он был вызван следователем Ивановым, который сообщил о якобы имеющейся договоренности с судьей о снижении Шамшиеву меры наказания, но для этого просил его заявить в суде о взяточничестве Кахраманова.

Согласно данным Верховного суда СССР, отдельные арестованные с целью психологического воздействия на них в течение длительного времени не допрашивались. Так, оправданный военной коллегией по делу Чурбанова Кахраманов имел неоднократные перерывы в допросах более четырех месяцев. Свидетель Дустов показал о даче взяток Кахраманову почти через год после ареста. В суде он заявил, что в течение этого периода от него требовали оговорить Кахраманова и он был вынужден это сделать.

Министерство юстиции СССР и Верховный суд СССР сообщают, что следователи Гдлян, Иванов вопреки конституционным нормам о независимости суда и подчинении его только закону, недопустимо вмешивались в судебное разбирательство расследованных ими дел. В частности, пытались воздействовать на председательствующего по делу и государственного обвинителя, свидетелей по делу Музафарова, рассмотренному Верховным судом

Узбекской ССР. За эти нарушения оба они в феврале 1986 г. были наказаны Генеральным прокурором СССР. Несмотря на это, Гдлян и Иванов в дальнейшем стремились повлиять и на Верховный суд при рассмотрении в 1988 году дела Чурбанова и других, а после вынесения приговора выступили с оскорбительными, не подкрепленными доказательствами обвинениями в адрес членов Верховного суда СССР, широко используя для этого средства массовой информации.

“Венцом беззакония” назвали этот приговор Гдлян и Иванов в статье “Следствие о приговоре”. Выступая в центральном Доме актера 12 февраля 1989 г., Иванов заявил: “Я не хочу больше говорить об этом позорном приговоре...” Следом за Ивановым Гдлян охарактеризовал приговор как “преступление моральное...”

30 апреля Гдлян утверждал, что реабилитация Верховным судом Хинта является результатом “сговора эстонских националистов... с московскими партийными взяточниками”.

Выступая 25 мая 1989 г. по Ленинградскому телевидению, Иванов обронил мимоходом, что в уголовном деле фигурирует Романов, а также “замелькали фигуры членов Политбюро Соломенцева, Лигачева и бывшего председателя Верховного суда СССР Теребилова”.

Такого рода обвинения, не основанные на каких-либо объективных доказательствах, являются грубым нарушением защищаемых законом чести и достоинства личности.

Прокуратура СССР сообщает, что в течение последних месяцев Гдлян и Иванов фактически устранились от выполнения своих служебных обязанностей. Гдлян находился в Узбекистане три дня, а Иванов — ни одного дня. В связи с тем, что Гдлян стал игнорировать указания Генерального прокурора СССР и его заместителя, по существу вывел расследование уголовных дел из-под прокурорского надзора, он отстранен от руководства следственной группой.

По общему мнению центральных правоохранительных ведомств, указанный стиль работы Гдльяна и Иванова при расследовании уголовных дел, присущий им об-

винительный уклон, недозволенные, подчас провокационные методы добывания доказательств обусловили вынесение оправдательного приговора в отношении Кахраманова, возвращение на следствие дела Яшнарова, посмертную реабилитацию пленумом Верховного суда СССР известного эстонского ученого Хинта, нанесли ощутимый вред делу укрепления социалистической законности.

Во время беседы с комиссией Гдяня утверждал, что ему и руководимой им группе постоянно чинились препятствия в решении вопросов о привлечении к ответственности лиц, занимающих высокое должностное положение. Это же якобы послужило причиной отстранения его от руководства следственной группой и создания комиссии по проверке ее деятельности.

Ознакомление с материалами, беседы с работниками правоохранительных органов свидетельствуют о том, что содержащиеся в них сведения о грубых нарушениях социалистической законности в деятельности следственной группы, руководимой Гдянем, имеют под собой серьезные основания.

25 мая 1989 года начал работу I съезд народных депутатов. Перед его началом я вместе со своими сторонниками встречался с депутатами, избранными от Эстонии, Казахстана, Латвии, Литвы, Узбекистана. С помощью Л. Лобова и других наших друзей мы передали депутатам копии жалоб. В первый же день работы съезда от делегаций Узбекистана, Казахстана и Эстонии был сделан депутатский запрос и организована специальная комиссия по проверке материалов, связанных с деятельностью следственной группы Прокуратуры СССР, возглавляемой Т.Х. Гдянем, под председательством Р.А. Медведева. Одновременно с созданием комиссии против группы Гдяня было возбуждено уголовное дело.

Депутаты, избранные от Узбекистана, вдохновились "обращением" депутатов, видных юристов. Однако те, кто возглавлял работу съезда, под разными предлогами не давали возможности депутатам-узбекистанцам выступить с трибуны.

Наш известный прозаик, народный писатель Узбекистана, первый вице-президент Ассамблеи культуры народов Центральной Азии Одил Якубов вспоминает о том времени:

— Как и другие депутаты-узбекистанцы, я неоднократно обращался к председателю Президиума Верховного Совета А.И. Лукьянову, чтобы мне предоставили слово. Однако конкретного ответа от него не получил. В один из дней работы съезда я стоял в фойе Верховного Совета. Ко мне подошел руководитель Кашкадарьинской области И.А. Каримов и спросил: “Одил-ака, почему вы такой грустный?” Я сказал, что мне не дают возможности высказаться. Ислам Абдуганиевич немного подумал и спросил: “А вы готовы к выступлению?” Я ответил: “Да”. Он попросил, чтобы я подождал его, никуда не уходил. Через 15 минут он вернулся и сказал: “Сегодня вам предоставят слово”. По его голосу я понял, что на меня возлагается очень большая ответственность. В тот момент я отчетливо увидел в лице Ислама Абдуганиевича мужественного, решительного человека, будущего лидера, способного отстаивать интересы своего народа, защитить его от беды. Я навсегда запомнил этот день.

— И мы все увидели по Центральному телевидению и услышали по радио выступление Одила Якубова, в котором он говорил о преступлениях Гдляна и Иванова.

Особенно в 1989-90 гг. голос нашей интеллигенции — поэтов, писателей, ученых — звучал и с трибуны партийных конференций и съездов. Они требовали, чтобы с узбекского народа официально было снято клеймо взяточников, мошенников, воров, придуманное сценаристами “узбекского” дела.

Народный писатель Узбекистана Уткир Хошимов потребовал, чтобы группа Гдляна и Иванова ответила за каждого невинно осужденного, привлеченного к ответственности по сфабрикованному “узбекскому” делу, а в центральной прессе была прекращена клеветническая кампания против узбекского народа. Этой теме посвятил свои произведения А. Арипов, а также П. Кадыров (“Преступники должны отвечать перед народом”), С. Ахмад (по-

весть "По дорогам смерти"), У. Хашимов (драма "Репрессии"), Мухаммад Юсуф (стихи "Гдлян-Берия"), Исфандиер (роман "Крушение или Генеральские игры"), Ахмаджон Мелибоев, Хожиакбар Шайхов, Нормурод Нарзуллаев и др.

На другой день под руководством А. Сахарова и Г. Попова был организован митинг в защиту следователей, на котором их сторонники выступили против решений съезда, требуя, чтобы группа продолжила свою борьбу в Узбекистане и Москве. В тот же день в Москве и Ленинграде были созданы комитеты в их защиту. Около гостиницы "Россия", где жили депутаты съезда, при помощи членов этих комитетов были организованы митинги, на которых выдвигались требования о роспуске проверочной комиссии и предоставлении полной свободы действий следственной группе Гдляна для продолжения борьбы с "мафией".

У Гдляна и Иванова был свой особый "подход" к демонстрантам. Чтобы поднять митинговое настроение на демонстрациях, проходивших в Москве и Ленинграде, людей угощали спиртными напитками. Кто-то из журналистов поинтересовался у Гдляна:

— За чей счет угощают демонстрантов?

— Это помощь тех, кто нас поддерживает, — последовал ответ.

Разумеется, очередная "утка" Гдляна. К тому времени у него было столько денег, что он мог подкупить не только жаждущую возлияний толпу. Он нажил и политический капитал и мог манипулировать средствами массовой информации и общественным мнением.

Гдлян и Иванов сохранили свои депутатские мандаты, а вместе с ними и депутатскую неприкосновенность, позволившую им избежать заслуженной кары. Но, несмотря на это, комиссия по проверке их деятельности начала свою работу.

Члены комиссии побывали в Узбекистане, чтобы на месте ознакомиться и побеседовать с сотнями людей, которые были незаконно привлечены к судебному разбирательству. Депутаты установили факты произвола и вопиющие нарушения законности, допущенные этой группой.

Вот свидетельства членов этой комиссии.

И.А. СТРУКОВ: От преступлений, совершенных группой Гдляна, у меня буквально поседели волосы. Используя в корыстных целях такие благородные черты узбекского народа, как гостеприимство, уважение к старшим, мягкосердечие, великодушие, они превратили Узбекистан в чудовищную следственную лабораторию, грубо попирали права человека.

В.Г. АЛЕКСАНДРИН: Не ошибусь, если скажу, что Гдлян подверг трудолюбивый узбекский народ репрессиям. За это он должен ответить перед законом.

Р.А.МЕДВЕДЕВ: За деятельностью Гдляна не было абсолютно никакого надзора. Во время следствия применялись чудовищные методы. Они применяли все, вплоть до террора. За это они должны предстать перед правосудием.

О.О. СУЛЕЙМЕНОВ: У них нет никакого права оскорблять великий узбекский народ, давший миру гениальных ученых и мыслителей. Если мы немедленно не пресечем преступную деятельность Гдляна и Иванова, будем виноваты перед историей. Не ошибусь, если скажу, что преступления совершенные группой Гдляна за 6 лет, сродни террору, связанному советской империей в 30-е годы.

И.Х. КВИЛИДИ: Знаю о невероятной скромности и доброте узбекского народа не понаслышке. Я по национальности грек, родился в Самарканде и был воспитан в лучших узбекских традициях. Преклоняюсь перед благородством, великодушием, священными обрядами и традициями этого народа. Узбеки делили с нами хлеб-соль, ничего для нас не жалели. Гдлян злоупотребляя безграничными правами, предоставленными ему Горбачевым, организовал в Узбекистане террор. Хотелось бы, чтобы он держал ответ перед законом и узбекским народом за сирот и за женщин, родивших детей раньше срока.

Ю. ХИТИРИН: Если оценивать гдляновские методы ведения следствия с точки зрения норм международного права, мы приходим к выводу, что это методы насилия и нарушения прав человека.

В любой другой стране за подобные действия они по представлению сотрудника полиции или следователя оказались бы за решеткой.

На правах члена международного правозащитного комитета я поддерживаю предложение о привлечении Гдьяна и Иванова к уголовной ответственности.

Ю.Н. ЩЕДРИН: Я на протяжении 40 лет работаю в органах прокуратуры. Участвовал в пересмотре дел репрессированных в 30, 40, 50-е годы. Я думал, что репрессии не повторяются. Но прошли годы и мы опять повернулись к бездонной пропасти, которая может поглотить не только нас самих, но и то правовое государство, которое мы намерены построить.

Помните, А.И. Солженицын в "Архипелаге Гулаг" описывает более десяти уголовных способов, которые применяли следователи, чтобы засудить абсолютно невиновного человека. Гдлян и Иванов тоже применяли эти чудовищные методы. Разве можно с этим смириться?

В.И. ИЛЮХИН: Гдлян и Иванов возникли в виде пены на штормовой волне перестройки, как и многие крикуны и демагоги, не способные создавать, а только способные разрушать и охаивать, обманывая людей, спекулируя их доверием.

Феномен Гдьяна и Иванова не стал бы таковым, если бы его не выращивали в определенных политических сферах, если бы два следователя не нужны были им как мощный разрушительный таран. Он бы никогда не продержался и нескольких дней, если бы не убогость политического, правового мышления толпы, рабская привычка создавать идолов и слепо преклоняться перед ними. Как говорится, без царя в голове, но с царем на престоле.

Всю правду еще не сказали о Гдьяне. Демократическая пресса настоящего Гдьяна заменила на образ Гдьяна, а это далеко не одно и то же. Оригинал совсем не схож с написанным портретом. Время все расставит и уже расставляет по своим местам. Гдлян и Иванов сделали свое дело, помогли прийти к власти своим единомышленникам, да и сами подыскивали теплые места. Что касается народа, то народ снова обманули и предали. Далеко не все поняли, что там, в Узбекистане, была предпринята попытка возродить "бериевищину". Конечно, трудно понять это, когда живешь в Москве, Зеленограде, за ты-

сячи километров от тех мест, где глумились над людьми, избивали их на допросах, незаконно арестовывали и сажали в тюрьмы десятки невинных людей, в том числе преклонных старцев и многодетных матерей.

Понимание опасности "гдляновщины" неизбежно наступит у многих. Есть все неоспоримые доказательства для привлечения Гдяна и Иванова к уголовной ответственности. Они должны ответить перед правосудием..."

Комиссией были выявлены факты, что в прокуратуре СССР не принимались во внимание и оставались без ответа частные определения, вынесенные судебными органами Узбекистана, в частности, Верховным судом Узбекской ССР об оскорблении следствия. А в них говорилось о том, что следователи из группы Гдяна незаконно вмешивались в работу судебных органов, допускали нарушения в ведении следствия, разглашали тайну адвокатуры, суда... допускали грубые и оскорбительные выпады против чести и достоинства судебных органов Узбекистана. В прокуратуре было известно о множестве фактов, когда показания свидетелей, зачастую плохо знающих русский язык, при переводе становились полной своей противоположностью, в них вносились показания, нужные следствию. В результате на судебных заседаниях свидетели отказывались от своих показаний.

Некоторые работники прокуратуры СССР (к примеру, Р.М. Овчарова) не могли смириться с методами работы группы Гдяна, но их обращения оставались без внимания. В частности, заместитель Генерального прокурора СССР О.В. Сорока в январе 1986 г. признал необъективным сообщение следователя Б.И. Северцева, входящего в группу, который обвинил Гдяна в превышении полномочий и злоупотреблениях служебным положением. В результате его повторных письменных обращений и устных заявлений для отвода глаз была проведена проверка деятельности группы. Итогом ее было то, что не понравившийся Гдяну Северцев был выведен из группы.

С приведенными выше фактами полностью согласился не зависимый от Прокуратуры Союза ССР и подотчетный только комиссии независимый прокурор Э. Мартинсон:

“До 20 февраля 1989 года за начальным этапом следствия по уголовному делу под соответствующим номером должного прокурорского надзора не было установлено. Заявления и жалобы о грубых нарушениях законности со стороны работников следственной группы прокуратуры СССР, возглавляемой Т.Х. Гдляном, стали поступать в Прокуратуру СССР. Партийные и советские органы, общественные организации несвоевременно и недобросовестно отнеслись к проверке этих фактов. Если бы уже на первых этапах следствия были полностью раскрыты отклонения от уголовно-процессуальных принципов, то можно было предотвратить факты грубого нарушения”.

Как установила комиссия, за шесть лет в Узбекистане произошло десять попыток заключенных и свидетелей покончить жизнь самоубийством. Каждый из этих случаев считается чрезвычайным происшествием и требует более глубокого изучения и возбуждения уголовного дела. Если факты издевательств на допросах еще можно скрыть от прокуратуры СССР, то уж факты самоубийства никак не скроешь. К тому же есть достаточно оснований для утверждения, что события, приведшие к трагическому исходу, напрямую связаны с противозаконными методами следствия. Однако прокуратура СССР расследовала эти трагические инциденты весьма поверхностно.

Ярким примером тому может послужить дело **М.Н.Мирзабаева**. Он содержался под стражей в качестве свидетеля по делу своего младшего брата Гани Мирзабаева. 5 июля 1984 г. Гдлян отдал такое распоряжение: “Вызвать Махмуда Мирзабаева на допрос и добиться от него честных показаний о том, где спрятаны ценности”. Хотя большинство свидетелей приглашались первый раз на прием к следователю по повестке, по отношению к Мирзабаеву 6 июля был применен метод принудительного привода. Допрос проводился при участии самого Гдляна и следователей Иванова и Боброва с 16 до 23 часов.

После этого он был оставлен в комнате, где его допрашивали, под предлогом того, что с утра допрос будет

продолжен. 7 июля утром был обнаружен труп Мирзабаева. По свидетельствам следователей, Мирзабаев выбросился со второго этажа. В записке, обнаруженной в его кармане, было написано: "Товарищи, то, что я вам обещал, этого нет. Простите меня дурака — вас обманул".

По свидетельству Э.Мартинсона, осуществляющего надзор за следствием, расследование по факту самоубийства Мирзабаева было проведено формально. Заключение судебно-медицинской экспертизы от 7 июля поспешно и малоубедительно, поэтому следователь Максудов счел необходимым провести 12 июля дополнительную экспертизу. Новые данные серьезно отличались от прежних. У Мирзабаева были обнаружены "телесные повреждения, полученные при жизни", хотя по данным первоначальной экспертизы были сделаны совершенно противоположные выводы.

Прокурор Э. Мартинсон после обстоятельного изучения пришел к выводу о том, что в действиях следственной группы имеются элементы, предусмотренные статьями 87, 149, 150, 158, 159 Уголовного кодекса Узбекской ССР: действия, доводящие до самоубийства, злоупотребление должностными или служебными полномочиями, запугивание и незаконное заключение под стражу, оказание давления для получения показаний.

Необходимо отметить особую заботу, которую проявлял Генеральный прокурор СССР А.Рекунков по отношению к Гдляну. Правда, в 1984 году за нарушения законности, приведшие к самоубийству Мирзабаева, Гдляну, Иванову и некоторым другим следователям были объявлены строгие выговоры. Прошло полтора года, во время проверки дел по обвинению Музаффарова, Кудратова и других, за то, что следователи не поставили вопрос о привлечении к уголовной ответственности нескольких взяточников, которые даже не были отстранены от должностей, Рекунков вновь объявил им выговор. Во время заслушивания его информации у нас на комиссии А.Рекунков говорил о том, что в 1986 году Т.Х. Гдлян был отстранен от руководства следственной группой, руководителем этой группы в Узбекистане был назначен Г. Каракозов. Однако заявление бывшего Генерального прокурора СССР не подтверждено

ни одним документом. Не отражено оно и в личном деле Гдляна. Наоборот, осенью 1986 года Т.Х. Гдлян в качестве руководителя группы был награжден денежной премией в размере двухмесячного оклада. До мая 1989 года он продолжал руководить следственной группой”.

На первом и втором съездах народных депутатов СССР, проходивших в 1989 году, с сообщением комиссии выступили ее сопредседатели Р.А. Медведев и В.А. Ярин.

В своем докладе они остановились на многих фактах злоупотреблений и правонарушений, имевших место в деятельности следственной группы. Так, они отметили:

...В работе группы появилась издавна сложившаяся в следственных органах практика соглашений со взятодателями об освобождении их от уголовной ответственности за признание ими дачи взятки и изобличение таким способом взяточполучателей. В результате многие взятодатели, в том числе и те, которые давали суммы 100 и более тысяч рублей, от уголовной ответственности освобождены, иные из них остались на руководящих должностях в системе органов внутренних дел, торговли и т.п.

В ходе следствия по подозрению в сокрытии денег и ценностей, добытых преступным путем, и по обвинению в совершении этого преступления было задержано и арестовано свыше 100 человек. Характерно, ни одно из этих дел в суды не направлялось. В отношении всех их уголовное преследование было прекращено, как правило, за отсутствием состава преступления, хотя они находились под стражей от трех дней до нескольких месяцев.

Материалы, касающиеся этих лиц, часто скрывались от судов, а из уголовных дел при направлении их в суды изымались материалы, относящиеся к этим лицам, без принятия процессуальных решений. Например, тот факт, что ввиду изъятий из дела процессуальных документов арестовывалась и содержалась под стражей Макданова, выяснился только в суде при рассмотрении дела по об-

винению ее мужа. В отношении еще 50 лиц задержание и аресты применялись в отсутствие доказательств и установления их причастности к преступлениям, с грубым отступлением от требований процессуальных норм.

...Следственной группой с санкций прокурора широко практиковались аресты членов семей, родственников обвиняемых в получении взяток лиц, в том числе близких людей пожилого возраста, многодетных матерей. Так, при расследовании дела по обвинению Каримова под стражу был заключен 21 его родственник, по делу Худайбергенова — 15, по делу Усманходжаева — 9, по 8 родственников обвиняемых Нурымбетова, Раджабова, Камалова. Содержались под стражей Саидова — мать 12 детей, Далиева и Матчанова, имеющие по 11 детей, Алимова — мать 9 детей.

Ряд арестованных по подозрению находились под стражей в изоляторе временного содержания сверх установленного законом трехсуточного срока и даже до 20 дней. Допускались аресты депутатов Советов различного уровня, вплоть до Верховного Совета Узбекской ССР, без предварительного согласия Советов. Сроки содержания под стражей, продленные заместителями Генерального прокурора СССР и с разрешения Президиума Верховного Совета, исчисляются годами. Однако нередко по несколько месяцев следственные действия с участием ряда арестованных вовсе не проводились, а Кахраманов, Гаипов и Хаитов впоследствии оправданы судом.

Как уже сообщено, в Прокуратуру Союза СССР поступали жалобы и заявления о нарушении законности следователями группы. Однако в большинстве своем эти жалобы и заявления передавались на рассмотрение Гдьяну и Иванову, хотя предметом обжалования часто были их действия. Некоторые заявления просто не доходили до адресата и оставались у следователей.

Бывший Генеральный прокурор СССР Рекунков, его заместители Сорока, а затем Катусев, бывший начальник следственной части Прокуратуры Союза ССР Каракозов и прокуроры следственной части Попова и Мазуркевич не уделяли должного внимания надзору за соблюдением законности в ходе следствия, производимого

группой во главе с Гдяном, в основном предоставив на его усмотрение ход следствия по столь важному и крупномасштабному делу.

Потворствуя волоките, на годы продлялись сроки следствия и содержания обвиняемых под стражей. Прокуроры на местах, поддаваясь воздействию Гдяна, не знакомясь с материалами дела, безответственно санкционировали постановления его и других следователей о заключении под стражу.

Комиссия считает, что основную политическую и правовую ответственность за обстановку, сложившуюся вокруг разбираемого дела, несут в первую очередь и бывшие руководители Прокуратуры Союза ССР. Многие из обнаруженных нами недостатков присущи всей правоохранительной системе до настоящего времени.

Комиссия также отмечает, что вступивший в мае 1988 года в должность Генерального прокурора СССР Сухарев не смог своевременно разобраться в сложившейся обстановке и организовать должный надзор за работой следственной группы.

Гдян, используя бесконтрольность и попустительство со стороны руководства Прокуратуры Союза ССР, отвергал любую попытку взять под надлежащий надзор его работу. За шесть лет отдельные проверки работы группы проводились лишь в связи с самоубийствами подсудимых Мирзабаева, Гаипова и Хаджимуратова.

...Знакомясь с материалами, мы убеждаемся еще раз, как необходима коренная перестройка в отношении партийно-государственной и судебной власти. Необходима правовая и организационная реформа системы всего правосудия, которая была часто орудием кары, мести, амбиции всякого, кто мог оказывать на него воздействие. Исследуя эти вопросы, мы твердо помним, что перед законом должны быть все равны: и рядовой гражданин, и высшее должностное лицо. Мы доложили свои предварительные выводы съезду. При этом мы отдаем себе отчет в справедливости, незыблемости положения: демократическое государство нельзя строить недемократическими методами. Нельзя утверждать законность средствами незаконными..."

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

23 июня 1989 года в жизни нашего многострадального народа произошли коренные изменения. Ислам Абдуганиевич Каримов, единодушно избранный Первым секретарем ЦК Компартии, с трибуны XXVII съезда КПСС потребовал прекратить оскорбление народа, которое именуется “узбекским делом”. Стремительно вышедший на политическую арену молодой руководитель страны еще до “ветра перемен”, повеявшего над просторами империи, осмелился поставить на повестку дня вопрос о возвращении в Узбекистан всех пострадавших по “хлопковому” и “узбекскому” делам.

Попробуйте поговорить с теми сотнями, тысячами бывших заключенных, которые уже перестали верить в справедливость. Эти молчаливые, сдержанные люди, повидавшие на своем веку столько горя, вспоминая о том времени, не могут сдержать слез. Представьте себе, если человека судили в 1987 году и дали срок 15 лет, то он и по сей день валил бы лес в сибирской тайге или работал на шахте. А когда до выхода на свободу оставался месяц, то под каким-нибудь предлогом ему могли “намотать” новый срок лет на десять. Всякое ведь могло быть!

Прошло немного времени, и была создана проверочная комиссия для более глубокого изучения “хлопкового дела”. Тысячи томов “хлопкового дела” были доставлены со всех областей и районов, заново изучены в Верховном суде республики. В результате этой работы было установлено, что следователи в несколько сот раз завысили ущерб, нанесенный республике, а осужденные по “хлопковому делу” по основной части следственных документов, выводов следствия не присвоили себе и рубля.

Выводы проверочной комиссии были подробно изложены в официальном послании на имя Генерального прокурора СССР, председателя Верховного суда СССР и министерства юстиции СССР.

Разумеется, Центр не мог так легко отказаться от той политики, которую он проводил в Узбекистане в течение последних 6—7 лет. В представлении, подписанном Генеральным прокурором СССР Трубиным, направлен-

ном на имя председателя Верховного Совета Узбекистана, он в грубой форме заявлял, что решение Верховного суда Узбекистана противоречит законам Союза. Трубин требовал распустить проверочную комиссию по "хлопковым делам", а к работникам Верховного суда применить административные меры. Не стоит скрывать, нашлись чиновники, которые затрепетали и чуть не бросились выполнять указания. И. Каримов написал на послании Трубина: "В архив!"

В архив было отправлено не только это письмо, но и чувство страха, которое насаждалось идеологией империи. Наш народ понял, что, поддакивая во всем "старшему брату", невозможно будет добиться подлинной независимости и свободы.

...Террор, получивший названия "хлопкового" и "узбекского" дела, стал уже историей. Но еще существовал СССР. В официальных кругах бывшего Союза, во встречах на высшем уровне И.А. Каримов направил свою волю, авторитет на борьбу за отстаивание чести и национальной гордости нашего народа! И победил в этой нелегкой борьбе!

Напрашивается закономерный вопрос: чем закончилось "узбекское дело"? Как в дальнейшем сложилась судьба тех людей, которые принесли неисчислимые страдания нашему народу?

Считаю своим долгом предложить вниманию читателя выдержки из представления Прокуратуры Союза СССР от 2. 04.90 г. в Верховный Совет СССР.

Кроме тех фактов, которые были представлены в отчетах специальной комиссии Верховного Совета по проверке материалов, связанных с деятельностью следственной группы Гдяна, картина преступлений пополнилась новыми:

"Установлены факты принуждения граждан к выдаче личных сбережений и ценностей, якобы нажитых преступным путем. Бекчанова, инвалида 2 группы, неоднократно вызывали на допросы, требуя выдать 500 тысяч рублей. Он отказывался, ссылаясь на свою непричастность к преступлениям. После угроз арестовать его и близких родственников Бекчанов вынужден был занимать деньги у родных и знакомых и отдать личные сбереже-

ния. В итоге он передал следователям 97 тысяч рублей. Эти обстоятельства подтверждаются нотариально удостоверенными займами, другими документами, показаниями многих граждан. Подобные приемы вымогательства позволяли Гдляну и Иванову существенно завышать суммы изъятых по делу ценностей”.

Допуская необоснованные репрессии в отношении невиновных граждан, Гдлян и Иванов в то же время незаконно освобождали от ответственности многих крупных расхитителей и взяточдателей с последующим использованием таких людей для дачи нужных показаний. Направляли в партийные органы и по месту работы ходатайства об оставлении их в партии и в системе торговли.

В июне 1985 года Иванов Н.В. неправомерно прекратил уголовное преследование в отношении 56 торговых работников, которые передали директору Бухарского горторга Ш.Кудратову взятки более чем на 2 млн рублей. Некоторые из них вручили Ш. Кудратову от 70 до 200 и более тысяч рублей. В частности, заведующие магазинами Касымов — 262 тыс. рублей, Арифов — 113 тыс. рублей, зав. секцией Саттарова — 242 тыс. рублей. Прекращение дела в отношении этих и других лиц мотивировано якобы их добровольными явками с повинной...

...Обращает внимание, что акт ревизии о крупной недостаче в горпромоторге и другие документы, направленные ревизорами Гдляну, не были приобщены к делу. Фактически остались нераскрытыми крупные хищения и злоупотребления, явившиеся источником коррупции, огромный ущерб остался возмещенным...”

“Таким образом, в действиях Гдляна и Иванова содержатся признаки преступлений, предусмотренные статьями 149 (злоупотребление властью или служебным положением), 150 (превышение власти или служебных полномочий), 158 (заведомо незаконный арест или задержание), 159 (принуждение к даче показаний) УК Узбекской ССР и частью III статьи 130 УК РСФСР (клевета, соединенная с обвинением в совершении государственного или иного тяжкого преступления)”

“...Информируем также, что уже более года Гдлян и Иванов прекратили выполнять свои служебные обязанности. В коллективе Прокуратуры ведут себя недостойно, оскорбляют и шантажируют сотрудников. Их поведение получило принципиальную оценку на коллегии и общем собрании работников прокуратуры СССР. В мае 1989 г. Гдляну и Иванову объявлен строгий выговор, в феврале с.г. они исключены из рядов КПСС.

Гдлян и Иванов категорически отказываются давать объяснения по установленным фактам допущенных ими нарушений законности. Уклоняются от допросов, продолжают совершать опасные противоправные действия. При таких обстоятельствах они не могут продолжить работу в органах прокуратуры и должны нести установленную законом ответственность.

На основании решения коллегии Прокуратуры СССР, и руководствуясь ст. ст. 37, 39 Закона “О статусе народных депутатов в СССР”.

П Р О Ш У :

Дать согласие на увольнение из органов прокуратуры, привлечение к уголовной ответственности и арест народных депутатов СССР Гдляна Тельмана Хореновича и Иванова Николая Вениаминовича.

Генеральный прокурор СССР А.Я.Сухарев”.

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в котором, в частности, говорилось:

“....Осудить народных депутатов СССР Т.Х.Гдляна и Н.В.Иванова за их необоснованные попытки опорочить Верховный Совет СССР, некоторых народных депутатов и людей, занимающих высокие должности...

...Отклонить предложение Генерального прокурора СССР дать согласие на привлечение к уголовной ответственности народных депутатов СССР Т.Х.Гдляна и Н.В.Иванова”. Председатель Верховного Совета СССР А.Лукьянов, Москва, Кремль, 18 апреля 1990 года.

Какой “замечательный” указ! Председатель Верховного Совета, который сам через определенное время был

привлечен к уголовной ответственности, в 1990 году проводил политику, чтоб “и овцы были целы, и волки сыты”. И эти “волки”, повинные в страданиях тысяч невинных людей, заседали в Государственной думе и, пользуясь моментом, пытались протащить свои авантюрные идеи.

Но общественность в конце концов разобралась кто есть кто, и в новую Думу ни Гдяна, ни Иванова уже не избрали. Однако считаю, что успокаиваться рано. Чего стоит один такой факт, что в настоящее время как нам говорили сподручный Гдяна Иванов является председателем комитета по защите прав человека Хабаровского края(?!)

Я получил тысячи писем с требованием суда над Гдяном, Ивановым и их подручными — Карташным, Коваленковым, Боровым, Вафиным, Лобаром, Мысловским, Титоренко, Московцевым и многими другими. В письмах — горечь, возмущение и негодование по поводу того, что огромное зло, причиненное нашему народу, осталось до сих пор безнаказанным. В одном из писем из Сырдарьинской области от Заслуженных учителей и отличников народного образования Ф. Хожи-матова, А. Орзикулова, Ф. Маматова и Э. Соатова, Г. Али-жонова, М. Юлдашева, Н. Мухтарова, Ш. Исхакова, М. Кайнарова, Х. Шукурова, К. Туракулова, задается вопрос, если известны все злодеяния Гдяна, Иванова и всей их шайки, если еще кровоточат раны от надругательства над десятками тысяч семей, от преждевременного ухода из жизни столько безвинных людей, от пережитого глумления над национальным достоинством, если столько детей остались без отцов, а жены остались вдовами, если, наконец, столько наших сограждан превратились в инвалидов на всю жизнь, почему все ограничивается лишь моральным осуждением, разве пострадавшие не вправе ждать вмешательства правоохранительных институтов, призванных карать зло именем Закона, раз оно уже было доказано и соответственно квалифицировано? Какие инстанции отвечают за то, чтобы правосудие восторжествовало? Неужели все это останется гласом вопиющего в пустыне?

Главным залогом того, что моя Родина больше никогда не станет вотчиной залетных честолюбивых выскочек-авантюристов, делающих шумную карьеру на несчастьях тысяч людей, стала обретенная моей Родиной Независимость. И дело не только в том, что судьба нашего солнечного края, его народа отныне решается не на политических игрищах и “междусобойчиках” в далеких чужих столицах, не по сценариям доктринеров-утопистов, сулящих рай на земле через геноцид, бесправие и обезличивание народов на посмешище всему цивилизованному миру. Дело еще и в том, что закончилась целая эпоха, когда наши люди чувствовали себя на земле своих предков, хранящей несметные богатства, чуть ли не гостями или бедными родственниками. Канула в прошлое жизнь по чужому расписанию, когда нас где угрозами, где подкупам, намеренно разобщали, опасаясь пуще огня нашего единения, национальной солидарности. И то верно — не может в подневольных и разобщенных людях крепнуть чувство человеческого достоинства и патриотизма, любовь к родному очагу, верность долгу.

Многие из наших бед были следствием всеобщей не-свободы. И отрадно видеть, как за считанные годы Независимости чудесно преобразилась наша молодежь, какой в ней порыв к знаниям, к самоутверждению, какое небывалое и невиданное прежде стремление встать вровень со сверстниками из передовых стран! И что особенно дорого в молодом поколении — это осознание им своих тысячелетних корней, богатства своей культуры и своей земли. На наших глазах рождается новый человек, который не даст в обиду свой край, своих соотечественников, который хочет научиться жить и работать по-новому. А главное, их теперь не единицы — мужественных и сознательных юношей и девушек, а миллионы, готовых отстаивать честь и достоинство своих сограждан, неприкосновенность границ Родины от любых посягательств. Хватит с нас вооруженных до зубов “учителей” жизни, с каких бы сторон света они к нам не рвались. Юноши, почти мальчики, стоящие насмерть на рубежах

молодого независимого государства, и благословляющие их на подвиг родные семьи и вся страна, лучшее доказательство того, что наше единение наконец состоялось. Отныне мы не чей-то "регион", не просто "население", а Страна и Народ.

И последнее, чем я хочу завершить свою книгу: давайте по мере сил и возможностей изживать в себе все то наносное, что осталось в нас от канувшего в небытие режима, чтобы своими промахами и застаревшими привычками не давать повод нашим недоброжелателям и недругам объявить пережитые в "красной империи" нашим народом беды спецификой нашего менталитета! Не будем давать повода "умыть руки" и уйти от ответа всем, кто приходил поглумиться над нами, и кто теперь только и ждет от нас в новых условиях ошибок и неудач, чтобы задним числом "откреститься" от своих преступлений и обелить себя.

И дай нам Бог сберечь и приумножить все то, чего наша Родина добилась на пути Независимости и Прогресса!

СПИСОК

книг, статей и комментариев, опубликованных по этому поводу в местной и зарубежной печати об авторе книги и о приговоре военной коллегии верховного суда СССР:

1. "Приговор Верховного суда СССР". "Правда", "Известия", "Комсомольская правда", "Труд", "Московские новости", "Московская правда" 31 декабря 1988 г.
2. "Весы Фемиды пущены" / "Правда". 6 сентября 1988 г.
3. *Илюхин В.* "Қабохат ёхуд..." (Оборотни) Т.: "Ўзбекистан", 1993 г. С. 27, 42, 61, 117, 120, 121, 124, 248.
4. *Илюхин В.* Оборотни. Т.: Ўзбекистон. 1993 г. С. 23, 52, 105, 108, 135, 163.
5. *Гдялн Т., Иванов Н.* Кремлёвское дело. Ростов-на Дону: АО "Книга", 1994 г. 224, 228, 229, 233.
6. *Илюхин В.* "Вожди и оборотни". М.: "Право", 1996. С. 23, 35, 49, 52, 106.
7. "Қабохат салтанати". (Империя зла) Сборник. Т.: "Ўзбекистан", 1996 г. С. 47.
8. *Иткин В.* "Обвинение" / "Комсомольская правда". 10 сентября 1988 г.
9. "В Верховном Суде СССР. Слово берут адвокаты" / "Правда". 25 сентября 1988 г.
10. Унтер в лампах. "Известия". 2 января 1989 г.
11. *Темушкин О.* "Приговор вынесен, проблемы остаются" / "Московские новости". 2 января 1989 г.
12. "Московская правда". 3, 4 января 1989 г.
13. "Чурбановский процесс" / "Литературная газета". 4 января 1989 г.
14. Хукм чиқарилди, муаммолар турибди (Приговор вынесен, проблемы остаются). "Ўзбекистон адабиёти ва санъати". № 3. 13 января 1989 г.
15. "Размышления о нашумевшем процессе". *Цеткин В., Овчаренко Г., Черненко А.* / "Правда". 21 января 1989 г.
16. *Бовин А.* Ещё раз о Чурбановском процессе. "Ответ моим оппонентам" / "Литературная газета". 8 марта 1989 г.
17. "С точки зрения журналиста" / "Неделя". 1989 г. № 3.
18. "Процесс о шести генералах и трёх полковниках, не все из которых оказались виновными" / "Новое время". 1989 г. № 3.
19. *Титов Ф., Феофанов Ю.* "Тоска по царице..." / "Известия". 2 апреля 1989 г.
20. "Неуважение к суду" / "Ташкентская правда". 7 апреля 1989 г.
21. *Плыска В.* "Нужна ясность в Чурбановском процессе" / "Ташкентская правда". 7 апреля 1989 г.

22. "Советская Эстония". 18 мая 1989 г.
23. "В Президиуме Верховного Совета СССР" / "Известия", "Правда". 20 мая 1989 г.
24. *Ольга Чайковская*. "Миф" / "Литературная газета". 20 мая 1989 г.
25. "В Президиуме Верховного Совета СССР" / "Правда Востока", 21 мая 1989 г.
26. "Олий Совет Президиумида (В Президиуме Верховного Совета)" / "Совет Узбекистони". 21 мая 1989 г.
27. "Поиск истины" / "Известия". 18 апреля 1990 г.
28. Московское эхо — "узбекское дело" / "Известия". 2 февраля 1991 г.
29. "Править обществом должен закон" / "Правда Востока". 21—22 января 1992 г.
30. *Норқобил Жалил, Исмат Худоёр*. "Битта мушт бўлмадик (Не смогли стать единым кулаком)" / "Туркистон". 16, 19 мая 1992 г.
31. "Биринчи оқлов (Первое оправдание)" / "Тошкент ҳақиқати". 30 января 1993 г.
32. "Гдлянни уриш осон эмасди (Бить Гдляна было нелегко)" / "Ўзбекистон адабиёти ва санъати". 16 июня 1995 г.
33. *Исмат Худоёр*. Қонун — жамият ойнаси (Закон — зеркало общества) / "Халқ сузи". 27 июля 1996 г.
34. "Мардлик (Мужество)" / "Халқ сўзи". 22 апреля 2000 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уроки недавнего прошлого	5
Вместо пролога	13
Произвол в действии	21
В паутине лжи	24
Взгляд в прошлое	29
Лица и личины	31
Под прессом клеветы	38
Кто истинный вор	51
Путь к правде	54
Дорога в "ад"	65
Где корни репрессий?	71
У истоков "Бухарского дела"	86
Премудрости тюрьмы	95
Завуалированная подлость	98
Вереница безисходных дней	106
Свой среди чужих	110
Предательство	118
Жизнь, положенная на алтарь Отечества	121
Как создастся "авторитет"	127
Анатомия власти	141
Лицемерная правда	148
Растоптанные судьбы	155
Прощание с Ш. Рашидовым	166
Мудрость — тяжелое бремя	174
Мысли в слух	184
Мой защитник	190
Чрезвычайное происшествие	196
Процесс десятилетия	200
Решающий день	209
Это сладкое слово — свобода	215
Борьба продолжается	224
На приеме у Лигачева	227
Взгляд издалека	232
Чурбанов и "узбекское дело"	237
В их интересах реабилитация Чурбанова	258
Съезд разоблачений	263
Вместо эпилога	277

Литературно-художественное издание

Таштемир Кахраманов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

Зав. редакцией *А. Ирисбаев*

Редакторы *Г. Хубларов, З. Пулатова*

Художник *Ш. Мирфаязов*

Техн. ред. *Л. Пак*

Подписано в печать Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. Усл. п.л. 15,12. Уч.-изд. л. 15,62. Тираж 15 000.
Заказ № 189 Цена договорная. Договор № 66—2000

Издательство "Ёзувчи", 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано на Ташкентской книжно-журнальной фабрике
Государственного комитета по печати Республики Узбекистан.
700194, Ташкент, Юнус-Абад, ул. Мурадова, 1.

63.3(5У)

К 30

Кахраманов, Таштемир.

Возвращение из ада: Документальный роман // Отв. ред.
Х. Шайхов/. — Т.: Ёзувчи, 2000. — 288 с.

ББК 6373(5У)+63.3(2)63—4